

СОВРЕМЕННЫЕ
БУРЖУАЗНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ:
КРИТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ

В. М. УСОСКИН

ТЕОРИИ ДЕНЕГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

СОВРЕМЕННЫЕ
БУРЖУАЗНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ТЕОРИИ:
КРИТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ

МОСКВА
1976

В. М. УСОСКИН

ТЕОРИИ ДЕНЕГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»

33.049

У-76

РЕДАКЦИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

У $\frac{10702-071}{004(01)-76}$ 104-76

© Издательство «Мысль», 1976

Учение о деньгах принадлежит к числу важнейших теоретических разделов марксистской политической экономии. К. Маркс в своем научном анализе законов движения капиталистического способа производства уделял проблемам денег огромное внимание. Он показал, что появление в экономическом обороте «всеобщего товара», явившееся закономерным итогом развития внутренних противоречий товара, приводит к существенному усложнению хозяйственного механизма, усиливает его стихийный характер.

Изучение капиталистических денег, их роли в процессе воспроизводства и критика буржуазных концепций денег представляют актуальную задачу советской экономической науки. По сравнению с периодом господства свободной конкуренции капиталистическая денежная система претерпела серьезные изменения. Отмена металлического стандарта, широкое внедрение в оборот кредитных денег, активное использование буржуазным государством механизма денежной эмиссии для общехозяйственного регулирования — все эти сдвиги имели двойственный и противоречивый эффект. С одной стороны, несомненно повысилась эластичность денежного обращения, что соответствовало задачам и потребностям государственно-монополистического капитализма, с другой — создалась почва для возникновения еще более острых кризисных потрясений и диспропорций в капиталистическом хозяйстве. Настоящим бичом капитализма стала хроническая инфляция, неуклонный и необратимый рост товарных цен. Инфляция не только

подрывает экономику отдельных стран, но и оказывает крайне неблагоприятное воздействие на мирохозяйственные связи, обостряет валютные трудности и противоречия. В разворачивании этих сложных социально-экономических процессов исключительно важную роль играет механизм кредитно-денежной эмиссии платежных средств.

В последние десятилетия значение теории денег в рамках буржуазной экономической науки существенно возросло. Анализ денежной сферы служит прежде всего необходимой предпосылкой для построения моделей капиталистического хозяйственного механизма. Хроническая неустойчивость экономического развития толкает буржуазных экономистов на путь интенсивного изучения закономерностей хозяйственной динамики. Это в особой степени относится к денежной сфере, где любые нарушения и диспропорции воспроизводства проявляются в острых, подчас катастрофических формах и чреваты опасными социальными последствиями.

Знание закономерностей развития денежной сферы и сложного взаимодействия разнообразных кредитно-денежных факторов между собой и с элементами сферы материального производства представляет важное условие для разработки программ государственной экономической политики. Как известно, вмешательство буржуазного государства в хозяйственную жизнь приобрело огромные масштабы и стало необходимым элементом функционирования экономического механизма в промышленно развитых странах капитализма. Деньги занимают видное место в арсенале инструментов государственного регулирования. Правда, на протяжении XX в. отношение к денежным мероприятиям как к средству экономической стабилизации неоднократно менялось. Восторженная оценка политики центрального банка как орудия обеспечения «вечного процветания», которая господствовала в ведущих странах Запада в 20-х годах, сменилась затем, после кризисных потрясений 30-х годов, общим пессимизмом и неверием в эффективность денежно-кредитной политики. Но в 50—70-х годах наблюдается своеобразный «денежный ренессанс». Деньги вновь начали играть важную роль в стабилизационных хозяйственных программах, а теоретические проблемы денег широко обсуждаются на страницах экономических изданий.

Активизация денежного регулирования и резко возросшее значение денег в теории и практике капиталистических хозяйственных отношений проявляется в лавинообразном росте числа публикаций по этой проблематике, расширении круга экономистов, специализирующихся на изучении кредитно-банковских проблем, повышенном внимании к вопросам функционирования денежной сферы в университетских курсах политической экономии, усиленной разработке проблем моделирования денежных процессов и т. д. Можно без преувеличения сказать, что в последние десятилетия наука о деньгах относится к числу наиболее быстро развивающихся политэкономических дисциплин на Западе.

Вместе с тем денежная теория все более интенсивно используется для целей буржуазной апологетики, хотя специфика изучаемых этой теорией явлений дает относительно меньший простор для всякого рода идеологических выводов и обобщений по сравнению с другими разделами буржуазной политической экономии. В рамках классических политэкономических доктрин деньги традиционно использовались для обоснования саморегулирующихся механизмов капитализма, обеспечивающих его хозяйственное равновесие. Сейчас этот аспект денежных доктрин возрождается и усиленно пропагандируется современными экономистами-неоклассиками. Выдвинутый ими новейший вариант монетарной теории цикла рассматривает экономическую систему капитализма как «внутренне стабильную» и «устойчивую» и связывает наиболее глубокие кризисные потрясения не с действием имманентных законов капиталистического производства, а с «плохим» функционированием денежной системы, с ошибками в политике центральных банков и т. д. Такая сверхоптимистичная оценка потенциальных возможностей капиталистической экономики противоречит наблюдаемым фактам, и большинство буржуазных экономистов отмежевывается от этой позиции.

Задача, поставленная в этой книге, заключается в том, чтобы рассмотреть основные пути и особенности развития денежных доктрин в буржуазном экономическом анализе в XX в., показать их эволюцию по сравнению с периодом капитализма свободной конкуренции, их практическое значение в хозяйственной политике

современных капиталистических государств, а также выявить теоретическую несостоятельность и идеологическую направленность этих теорий.

В ходе исследования автор был вынужден принять ряд методологических ограничений. Как известно, теория денег относится к числу старейших разделов экономической теории. Деньги и связанные с ними хозяйственные отношения возникли на самой заре развития цивилизации, в условиях разложения первобытнообщинного строя. Первые научные гипотезы о природе денег и их функциях, во многом предвосхитившие будущее развитие науки о деньгах, были высказаны еще в работах такого выдающегося мыслителя древности, как Аристотель. Впоследствии проблема устройства денежной системы и стремление разгадать природу денег оказали большое влияние на общее развитие экономической мысли.

Зачатки многих нынешних теорий денег коренятся в литературе XVII—XIX вв. Так, пользующаяся большой популярностью в капиталистических странах доктрина монетаризма является своеобразным продолжением и развитием постулатов количественной теории денег, история которой насчитывает несколько столетий. Ясно, что в книге о современных теориях денег «исторический элемент» совершенно необходим. Вместе с тем следует подчеркнуть, что эта книга не является историческим исследованием в полном смысле слова. Эскурсы в область старых денежных доктрин носят преимущественно эпизодический характер и используются в тех случаях, когда это необходимо для выявления каких-то особенностей или генезиса современных концепций денег. Автор при этом учитывал, что в советской экономической литературе уже имеется ряд работ, где освещены некоторые аспекты развития денежных доктрин за длительный период времени. Среди них следует в первую очередь назвать две книги проф. А. Б. Эйдельмант, а также работы И. А. Трахтенберга, З. С. Каценеленбаума, Г. А. Козлова, В. Ф. Цага и других авторов¹.

¹ А. Б. Эйдельмант. Новейший номинализм и его предшественники. М., 1947; *ее же*. Буржуазные теории денег, кредита и финансов в период общего кризиса капитализма. М., 1958; И. А. Трахтенберг. Бумажные деньги. М., 1924; Г. А. Козлов. Теория денег и денежного обращения. М., 1946; З. С. Каценеленбаум. Учение о

Далее, рассмотрение и критический анализ денежных теорий теснейшим образом связаны с широкими аспектами буржуазной политической экономии, ее методологией, различными макро-и микроэкономическими концепциями и доктринами. Переплетение это настолько велико, что трудно провести четкую грань, где кончается теория денег и начинаются теории ценообразования, формирования и распределения дохода, потребительского и инвестиционного спроса и т. д. В последние годы советскими экономистами был опубликован ряд критических работ, охватывающих некоторые важные области буржуазной политической экономии¹. Эти работы доступны читателю, что в какой-то степени освобождает нас от необходимости детально рассматривать анализируемые в них проблемы. Тем не менее в книге известное место отводится общему подходу буржуазных экономистов к исследованию воспроизводства, и в частности кейнсианской и неоклассической моделям хозяйственного механизма.

Важным аспектом современных теорий денег является их «конечный продукт» — рекомендации по вопросам мероприятий экономической политики. В данной книге мы ограничились лишь общим рассмотрением наиболее важных практических выводов представителей конкурирующих школ в теории денег. Более детальный анализ этих проблем потребовал бы описания институционального устройства современной денежной и кредитно-банковской системы капитализма, принципов ее функционирования, целей и инструментов денежно-кредитной политики и т. д., что далеко выходит за рамки первоначального замысла автора².

деньгах и кредите, ч. I. Ярославль, 1923; В. Ф. Цага. Современные буржуазные теории денег и кредита. М., 1955.

¹ «Буржуазные экономические теории и экономическая политика империалистических стран». Под ред. А. Г. Милейковского. М., 1971; С. М. Никитин. Теория стоимости и их эволюция. М., 1970; И. М. Осадчая. Современное кейнсианство. М., 1971; К. Б. Козлова, Р. М. Энтов. Теория цены. М., 1972; Б. Г. Серебряков. Теории экономического равновесия. М., 1973; А. В. Аникин. Юность науки. М., 1975.

² Некоторые вопросы, касающиеся теории и практики денежно-кредитного регулирования в капиталистических странах, рассмотрены автором в коллективной монографии «Политическая экономия современного монополистического капитализма», т. I. М., 1975, стр. 407—426.

Несколько слов о структуре книги. В первой главе дается критический анализ наиболее важных, узловых проблем теории капиталистических денег, их постановка в современной буржуазной литературе. Речь идет о трактовках роли денег в механизме капиталистического воспроизводства, о понятии и функциях денег, формировании стоимости денежной единицы и т. д. При этом прослеживаются не только позиции по этим вопросам современных авторов, но и то, как они возникли и изменялись в ходе перестройки денежной системы капитализма и углубления ее противоречий.

Вторая и третья главы посвящены преимущественно критике важнейших денежных доктрин и школ, которые сложились в буржуазной политической экономии. Во второй главе детально прослеживается формирование двух главных теоретических подходов к изучению денег — количественной теории денег и теории предпочтения ликвидности, которые по-разному оценивают роль и место денег в капиталистической экономике и выдвигают различные варианты регулирования денежной сферы. В ходе полемики представителей этих подходов возник ряд новейших денежных концепций, отразивших усиление кризиса буржуазной экономической мысли в 50—70-х годах. Они рассмотрены в третьей главе.

Автор выражает свою искреннюю благодарность А. В. Аникину, А. Ф. Канделю, Л. Н. Красавиной, С. М. Никитину, В. Н. Шенаеву, которые ознакомились с рукописью книги и сделали ряд полезных замечаний.

БУРЖУАЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ О ПРИРОДЕ ДЕНЕГ И ИХ РОЛИ В ПРОЦЕССЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

1. ДЕНЬГИ: «ВУАЛЬ» ИЛИ АКТИВНЫЙ ФАКТОР ВОСПРОИЗВОДСТВА?

Эволюция денежной системы капитализма и денежная теория. Сравнение исследований современных буржуазных экономистов по проблемам денег с работами авторов XIX и начала XX в. выявляет значительный сдвиг в тематике и методологии анализа. Вопросы, которые в период капитализма свободной конкуренции рассматривались как ключевые и решающие, ныне во многом утратили свою остроту и актуальность, отошли на второй план. Их место заняли другие проблемы, поставленные на повестку дня в связи с качественными изменениями в структуре и функциях денежно-кредитной системы капитализма и практикой государственно-монополистического регулирования экономики. Неадекватность традиционных («классических») денежных доктрин новым экономическим условиям империализма проявилась с особой силой в первой трети XX в. и особенно в 30-х годах, когда острейшие противоречия капитализма нашли выражение в глубочайшем экономическом кризисе, потрясшем до основания всю мировую систему капиталистических отношений. Перестройка теории денег совпала по времени с изменением структуры всей буржуазной политической экономии, нацеленной правящими кругами на поиски новых средств обеспечения экономической и политической стабильности капитализма.

Влияние на денежную теорию изменений в процессах капиталистического производства и обращения

в ходе смены капитализма свободной конкуренции монополистическим капитализмом трудно переоценить. Вся история денежных доктрин показывает, что и их появление и борьба определялись, как правило, конкретными практическими задачами, ответа на которые требовало развитие хозяйственных отношений. Своей практической ориентированностью, теснейшей связью с наиболее насущными текущими потребностями хозяйства денежная теория выделяется среди других политэкономических дисциплин. Как подчеркивал английский экономист Дж. Хикс, «денежная теория менее абстрактна, чем большинство других экономических теорий; она не может избежать связи с реальностью, которая часто утрачивается в других теориях»¹. Эту особенность денежной теории отмечают и другие авторы². Показательно, что большинство наиболее заметных теоретических работ по проблемам денег появлялось как раз в переломные моменты развития денежно-кредитной системы капитализма, перестройки платежного механизма, резких изменений покупательной силы денег, кредитно-банковских кризисов и т. п. «Денежные теории,— замечает Хикс,— выросли из монетарных потрясений»³.

В течение многих десятилетий со времени оформления в XVIII в. денежной теории в самостоятельную область научных знаний и вплоть до начала XX в., когда еще продолжали доминировать представления классической школы в буржуазной политэкономии, анализ денег сосредоточивался на двух группах проблем, которые, как полюса магнита, концентрировали вокруг себя и подчиняли все другие аспекты теории. Это, во-первых, вопросы происхождения и сущности денег и, во-вторых, вопрос о формировании стоимости (впоследствии — покупательной силы) денежной единицы.

Первая группа включала широкий круг проблем: от теоретического осмысления денег, классификации их форм и функций до институционального устройства де-

¹ J. R. Hicks. Critical Essays in Monetary Theory. London, 1967, p. 156.

² См., например, H. G. Johnson. Monetary Theory and Monetary Policy. — «Surveys of Economic Theory», vol. 1. New York, 1965, p. 28.

³ J. R. Hicks. Critical Essays in Monetary Theory, p. 156.

нежной системы, выбора денежного материала и определения стандарта, систем банкнотной эмиссии и т. п. Вторая группа вопросов связывалась с изучением влияния денег в экономической системе. Но в условиях капитализма свободной конкуренции, о специфике которых будет сказано ниже, дело по существу сводилось к установлению и изучению одной линии зависимости — между количеством платежных средств и уровнем цен. Буржуазный экономист и историк экономической мысли Й. Шумпетер писал в «Истории экономического анализа» о периоде конца XIX и начала XX в., что центральной и практически единственной проблемой (теории денег.—В.У.) была меновая стоимость, или покупательная сила денег. Именно этим объяснялось то обстоятельство, продолжает Шумпетер, что тема «Деньги и цены» пользовалась исключительной популярностью как до, так и после первой мировой войны¹.

Тот факт, что в условиях домонополистического капитализма внимание теоретиков было приковано к изучению структурно-институциональных особенностей денежного механизма и ценности денежной единицы, отнюдь не случаен. Главную роль сыграли два обстоятельства. Во-первых, денежная система на протяжении XVIII—XIX вв. характеризовалась значительной изменчивостью институциональных форм, находилась в состоянии перманентной эволюции. Во-вторых, на характер денежных доктрин наложили отпечаток специфические черты классической буржуазной политэкономии, отводившей деньгам пассивную и в общем весьма незначительную роль среди других экономических институтов капитализма и ограничивавшей их влияние в хозяйственной системе воздействием на «ценностную оболочку» экономических процессов.

Денежная система капитализма прошла длительный путь развития от товарных денег к бумажным

¹ J. A. Schumpeter. History of Economic Analysis. London, 1963, p. 1089. Другие авторы также подчеркивают, что на протяжении многих десятилетий вплоть до конца 20-х годов XX в. в литературе о деньгах преобладали вопросы, связанные с анализом проблемы стоимости (покупательной силы) денег. См., например, критический обзор по этой проблеме в книге английского экономиста А. Маргета (A. W. Marget. The Theory of Prices, vol. II. New York, 1942, p. 8—88).

деньгам и кредитным орудиям обращения. Участие металла в выполнении денежных функций, которое представлялось теоретикам и практикам XIX в. одной из наиболее важных и устойчивых черт денежного обращения, оказалось на деле лишь историческим этапом, звеном в переходе к более высоким и сложным формам организации денежной системы. Развитие капиталистического производства вширь и вглубь требовало адекватного денежного базиса. Объективно это выразилось в том, что в недрах металлической системы созревали качественно новые платежные методы и формы обращения, базирующиеся на кредите и тесно связанные с кругооборотом капитала. Период видимого триумфа металлической денежной системы, который нашел выражение в массовом переходе большинства капиталистических стран в конце XIX в. к золотому или серебряному монометаллизму, означал на деле пиррову победу и был предвестником грядущего краха этой системы. Развитие кредитных денег и основывающихся на платежной функции денег безналичных расчетов обуславливало ломку сложившихся еще в докапиталистическую эпоху форм денежной эмиссии и расчетов.

Постепенное вытеснение полноценных металлических денег, наблюдавшееся в течение всего XIX в., подготовило почву для перехода к современной системе бумажно-денежного и кредитного обращения без участия благородных металлов в обороте. Вполне естественно, что проблемы «надлежащего устройства» денежной системы являлись наиболее животрепещущей темой в экономической литературе XIX и начала XX в.

К. Маркс, детально исследовавший и обобщивший основные процессы трансформации денежных форм в докапиталистических формациях и в период капитализма свободной конкуренции, показал глубоко противоречивый характер металлического обращения, присущую ему внутреннюю неустойчивость. Тот факт, что благородные металлы, выполняя роль всеобщего эквивалента в товарном хозяйстве и будучи поэтому особенным товаром, обращались в то же время на рынках в качестве обычного «частного» товара, применяемого для немонетарных целей, вызывал постоянные расхождения между рыночной и монетной ценой металла. Это приводило к массовым и продолжительным

перемещениям золота и серебра между активным обращением и резервуарами сокровищ, к тезаврации и исчезновению из обращения полноценных денег. Неустойчивость металлического обращения явилась одной из причин его отмены¹.

Другим элементом подрыва металлической системы обращения было резко ускорившееся во второй половине XIX в. развитие капиталистического кредита. Кредит становился все более важным элементом хозяйственного оборота, замещавшим и вытеснявшим металлические деньги. Этот процесс был объективно обусловлен потребностью общества с развитыми формами капиталистических производственных отношений в качественно новой, гибкой системе денежной эмиссии, особенно возросшей со вступлением капитализма в монополистическую стадию.

Маркс видел в кредитной системе имманентную форму капиталистического способа производства, движущую силу его развития «в высшую и последнюю из возможных для него форм»². Полное развитие кредита и банков, указывал он, опосредствует «общественный характер капитала» и является показателем зрелости капиталистических отношений.

Устраняя «монополию благородных металлов», развитие кредита и кредитных денег, постепенно заполнивших все поры товарного обращения, породило в свою очередь новые серьезные конфликты в системе хозяйственных отношений капитализма. В условиях золотого стандарта гигантская кредитная надстройка опиралась на узкий металлический базис. Капиталистическое производство, как отмечал Маркс, постоянно стремилось уничтожить эту металлическую границу, но снова и снова наталкивалось на нее. В периоды циклических кризисов перепроизводства неизбежно возникало «требование превратить сразу все векселя, ценные бумаги, товары в банковые деньги, а все банковые деньги, в свою очередь, в золото»³.

¹ Вопрос о подрыве металлической основы денежного обращения и своеобразном процессе «самоупразднения» золотых денег рассмотрен С. М. Борисовым в монографии «Золото в экономике современного капитализма» (М., 1968).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 156.

³ Там же, стр. 122.

Глубокие противоречия, раздиравшие капиталистическое денежное обращение и приводившие к внезапной насильственной ликвидации огромной массы кредитных обязательств, не могли, естественно, не отразиться на теоретических дискуссиях по проблемам денег. Внимание экономистов было привлечено в первую очередь к самому феномену денег, к изучению его специфических особенностей и свойств. В объяснении природы денег, их отличий от рядовых товаров экономисты того времени искали ключ к разгадке законов обращения денег и к «идеальному» устройству денежной системы. Весь XIX век прошел под знаком поиска наилучших форм денежного обращения. Крупнейший буржуазный экономист «классического» периода Д. Рикардо, например, ориентировался на металлическую систему и пытался подчинить ей все другие виды денег (например, банкноты). Эти идеи были впоследствии использованы сторонниками денежной школы в Англии для принятия невежественного, по характеристике Маркса, законодательства, с помощью которого предполагалось заставить эмиссионный механизм автоматически приспособливаться к потребностям оборота без какого-либо дополнительного регулирования извне.

Но эти формы денежного обращения оказались, как известно, нежизненными в условиях монополистической стадии капитализма. Все попытки свести более высокие — кредитные — формы обращения к металлическому базису окончились неудачей. Повсеместная ликвидация металлического стандарта, демонетизация и полное изъятие из внутреннего обращения благородных металлов, широчайшее распространение кредитных форм денежной эмиссии относятся к числу наиболее значительных сдвигов, сопутствовавших переходу от капитализма свободной конкуренции к государственно-монополистическому капитализму. Новые экономические и военно-политические функции государства настоятельно требовали большей свободы и гибкости в использовании денежного механизма. В итоге на смену золотому стандарту пришли современные формы бумажно-денежного и кредитного обращения.

Следует подчеркнуть, что глубокие изменения в структуре денежной системы носили объективный характер. Они происходили независимо от воли и жела-

ния правящих кругов капиталистических стран или от рекомендаций буржуазных теоретиков. Кредитные деньги развивались спонтанно, следуя за капиталистическим производством и охватывая все новые сферы хозяйственных отношений. Законодательная отмена золотого стандарта в большинстве капиталистических стран в 30-х годах по существу лишь юридически зафиксировала те глубокие изменения в денежном обращении, которые подспудно развивались на протяжении XIX и в начале XX в. Государство силой своего авторитета санкционировало происшедшие сдвиги.

Благодаря наличию ряда условий (широкое развитие кредитных отношений; распространение практики безналичных расчетов; создание мощных центральных банков, сосредоточивших важные эмиссионные и контрольно-регулирующие функции; быстрый рост разнообразных банковских институтов, роль которых резко повысилась в процессе формирования современного финансового капитала) переход от денежной системы, основанной на металле, к системе бумажно-денежного и кредитного обращения без участия благородных металлов был осуществлен относительно безболезненно и в короткие сроки — между первой мировой войной и окончанием мирового экономического кризиса 1929—1933 гг.

Эти изменения придали денежной системе капитализма способность к быстрому и многократному расширению, что способствовало в дальнейшем смягчению «кризисов ликвидности». Но одновременно были утрачены «дисциплинирующее влияние» металлического запаса и принцип денежного обращения — ограничение выпуска денег необходимыми для оборота рамками. Получив возможность по существу бесконтрольного варьирования денежной эмиссии, центральные банки постепенно подчинили ее задачам экономического регулирования. Стабильность покупательной силы денег была принесена в жертву стремлению обеспечить общехозяйственную стабильность, смягчить кризисы и устранить другие противоречия буржуазного способа производства.

Перестройка денежной системы капитализма наглядно отразилась в изменении структуры денежной массы, т. е. фонда покупательных и платежных средств, обслуживающих хозяйственный оборот. Основ-

ная закономерность, прослеживаемая во всех без исключения странах капитализма, заключалась в неуклонном снижении удельного веса в денежной массе (и соответственно участия в обороте) наличных денег (а среди них — полноценных металлических денег) и в быстром росте доли банковских депозитов. Иначе говоря, не просто резко возрастала роль кредитных денег в ущерб металлическим, но на первый план выходила их особая — безналичная форма.

Так, например, по имеющимся оценкам, денежная масса в Англии в конце XVII в., когда эта страна только становилась на путь промышленного развития, состояла более чем на $\frac{4}{5}$ из золотых и серебряных монет и на $\frac{1}{5}$ из банкнот. К началу XIX в. соотношение изменилось: металлические полноценные деньги составляли уже около 40% денежной массы, банкноты — 50%, а остатки на банковских счетах — 10%. Таким образом, хотя подавляющая часть совокупного запаса денег (90%) по-прежнему состояла из наличных денег, активная роль денег из благородных металлов существенно снизилась. В то же время в обороте уже появился новый элемент — банковские депозиты, которые в будущем примут на себя выполнение основных функций по обслуживанию капиталистического производства. К 1885 г., т. е. к моменту наивысшего расцвета системы золотого стандарта, произошли дальнейшие изменения в структуре денежной массы: удельный вес золотых денег продолжал сокращаться и составил менее $\frac{1}{5}$ (18%), а доля депозитов резко возросла и превысила $\frac{3}{4}$ совокупной денежной массы. Удельный вес банкнот составил всего 5% общего «запаса» платежных средств. Эти цифры свидетельствуют о подлинно революционных сдвигах в платежном обороте, где доминирующую роль начали играть безналичные перечисления по банковским счетам.

Аналогичный путь прошли и другие страны капитализма. Несмотря на известную специфику, везде наблюдалась четкая тенденция перехода металлических денег из активного обращения в резервы и к широкому распространению кредитных денег. К началу первой мировой войны доля полноценных денег в совокупном «запасе» денег Англии, США и Франции сократилась до 13%, причем значительная часть этих денег фактически находилась вне оборота, будучи

гезаврирована населением или отложена в виде банковских резервов¹. В 20-х годах по существу уже сложился современный стереотип капиталистического денежного обращения, основанный на кредитной эмиссии и широком развитии безналичных расчетов. Доля депозитов в совокупной денежной массе 11 промышленно развитых стран, составившая в 1928 г. 73%, сохранилась и в последующие десятилетия, подвергаясь лишь незначительным конъюнктурным колебаниям. И только в конце 60-х — начале 70-х годов вновь наметились сдвиги в платежном механизме, связанные с использованием ЭВМ в банковской практике и распространением «электронных расчетов». Процесс «идеализации» капиталистических денег, устранения из оборота физических носителей денежных свойств перешел, таким образом, в новую фазу².

В целом господствовавшая в теоретическом анализе XIX и на рубеже XX в. тема институционального устройства денежной системы и связанные с ней вопросы природы и сущности денег были постепенно отодвинуты на второй план. Победа кредитных принципов денежной эмиссии, наиболее адекватных капиталистическому способу производства, революционизировала денежное обращение и в последующем свела проблему к техническому совершенствованию методов безналичных расчетов. Резкое обострение кризисных явлений в экономике капитализма поставило в повестку дня другую задачу — активно использовать деньги, и в частности ставший более эластичным механизм денежной эмиссии для целенаправленного воздействия на состояние и динамику общехозяйственной конъюнктуры. В этом состоял главный сдвиг теоретического анализа денег со вступлением капитализма в монополистическую стадию. Основное внимание переместилось на изучение механизма и «каналов» влияния денег в капиталистической экономике.

Трактовка денег как «вуали» в экономической литературе XIX в. Дискуссии о «надлежащем» институ-

¹ R. Triffin. The Evolution of the International Monetary System: Reappraisal and Future Perspectives. Princeton, 1964, p. 58—59.

² По вопросу о структурной перестройке денежной системы капитализма см. статьи автора в журнале «Мировая экономика и международные отношения» (1973, № 1; 1974, № 12; 1975, № 1).

циональном устройстве денежной системы определялись общими чертами и особенностями буржуазной политической экономики периода свободной конкуренции. В XIX в. под «идеальной» подразумевалась такая система денежного обращения, в которой деньги обеспечивают бесперебойное функционирование экономического механизма, не вызывая каких-либо нежелательных последствий. Именно отсутствие какого-либо влияния на экономику со стороны денег было главным критерием ее соответствия нуждам рыночной экономики. Особенно высоко ценился автоматизм работы эмиссионного учреждения, его стихийная и своевременная реакция на изменение потребности оборота в платежных средствах без какого-либо вмешательства «сознательного» (или «человеческого») элемента. Дело в том, что история капиталистического денежного обращения изобиловала случаями выпуска огромных масс неразменных бумажных денег для покрытия государственных расходов вне какой-либо связи с потребностями хозяйства в платежных средствах. Ассигнаты во Франции в период французской буржуазной революции, «гринбеки» в США в годы войны Севера с Югом, неразменные банкноты Банка Англии в период наполеоновских войн — все эти эксперименты неизменно вызывали острейшие вспышки инфляции и соответственно обусловили большое недоверие к политике централизованного управления деньгами¹. Паническая боязнь инфляционного обесценения денег приводила к апологии металлической системы денежного обращения, при которой, говоря словами Маркса, «ради нескольких миллионов в деньгах должны быть поэтому принесены в жертву многие миллионы в товарах»².

Взгляд на денежную систему как на автоматически действующий механизм, призванный играть незаметную, служебную роль в хозяйстве, соответствовал принципу невмешательства государства в экономическую жизнь (*laissez-faire*), господствовавшему в литературе и практической политике того периода.

Хотя тезис о нежелательности государственного регулирования хозяйственных процессов, и в том чис-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 149—150.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 61—62.

ле денежного обращения, преобладал в XIX в., его не разделяли все экономисты того периода. Некоторые авторы уже тогда указывали на необходимость и неизбежность вмешательства в процессы денежного обращения. К их числу принадлежали преимущественно те экономисты, которые видели в повышении роли кредита и основанных на нем безналичных расчетах предвестник принципиально новой денежной системы.

Идею целенаправленного регулирования эмиссии в той или иной мере предвосхитили Дж. Ло, пытавшийся учредить во Франции в начале XVIII в. эмиссионный банк для выпуска неразменных на металл банкнот, английский экономист начала XIX в. Г. Торнтон, обосновавший принципы эмиссии кредитных и бумажных денег, и, наконец, крупнейший буржуазный теоретик «классического» периода Дж. Ст. Милль. В последней трети XIX в. У. Бэджгот, которого на Западе считают инициатором современного взгляда на регулируемую роль и функции центральных банков, в своей книге «Ломбард-стрит» (1873 г.) сформулировал тезис, ставший впоследствии чрезвычайно популярным¹. Его крылатая фраза «Деньги не будут управлять сами собой» («Money will not manage itself») возвестила наступление новой эры энергичных мероприятий центрального банка в денежной сфере, которые впоследствии начали широко использоваться для государственного регулирования конъюнктуры. Этот подход явно противоречил базисным установкам большинства авторов домонополистического периода, считавших автоматизм эмиссии главным принципом построения «здоровой» системы денежного обращения.

Тем не менее вплоть до 20-х годов XX в., пока не созрели необходимые объективные условия в виде образования развитого рынка капиталов и разветвленной сети кредитных учреждений, монополизации выпуска банкнот у центрального банка, расширения практики манипулирования учетной ставкой и операций на открытом рынке и т. д., словом, пока не сформировался механизм оперативного воздействия на денежное обращение, идеи «управления деньгами» не

¹ W. Bagehot. Lombard Street: A Description of the Money Market. London, 1873.

приобрели практического значения. Даже в начале XX в. теоретическая мысль Запада по-прежнему связывала будущие модели денежного и платежного механизма с различными вариантами системы металлического стандарта. По свидетельству Й. Шумпетера, большинство наиболее видных экономистов конца XIX и начала XX в. были «теоретическими металлистами». И хотя в конце XIX в. центральные банки капиталистических стран значительно расширили свои регулирующие функции и на практике часто вынуждены были отступать от автоматического принципа регулирования эмиссии, эти меры расценивались как сугубо временные и преходящие. Целенаправленная денежно-кредитная политика явилась по существу детищем эпохи государственно-монополистического капитализма. Она могла стать доминирующей формой регулирования денежного обращения лишь с отменой «правил игры» золотого стандарта.

Представления об автоматической системе денежного обращения как идеальной форме денежной организации определялись не только общим подходом к роли государства как «ночного сторожа» в условиях домонополистического капитализма, но и распространением в буржуазной классической (и неоклассической) литературе тезиса о вспомогательной, чисто служебной роли денег, изображения их как технического средства, облегчающего обмен товаров в системе общественного разделения труда, но не оказывающего сколько-нибудь важного самостоятельного влияния на важнейшие народнохозяйственные процессы, на эффективность производства. Все тогдашние ключевые проблемы экономической теории, как они формулировались в работах А. Смита и Д. Рикардо, — производство, накопление богатства, распределение доходов и т. п. — рассматривались исключительно в вещественных («реальных») категориях, и, хотя деньги номинально фигурировали в этом анализе, последний во всех своих важнейших проявлениях сводился к натуральному товарообмену (бартеру). В принципе деньги представлялись тогдашним экономистам неким осложняющим обстоятельством, которое можно отбросить без какого-либо ущерба для анализа. Этим, в частности, объясняется большая популярность в трактатах XVIII—XIX вв. сравнений денег с «дорогой», облег-

чающей продвижение товаров на рынок, и с «колесом обращения» (А. Смит), со «смазкой» товарного обращения (Дж. Милль, А. Маршалл), с «вуалью», окутывающей экономические отношения, но не оказывающей на них самостоятельного влияния (Ж. Сэй), и т. п.

Этот взгляд на роль денег с предельной четкостью выразил Дж. С. Милль, претендовавший на обобщение и «синтез» идей буржуазной политической экономии периода свободной конкуренции: «Введение денег не нарушает ни одного из законов стоимости, выведенных в предыдущих главах... Предметы, которые в условиях натурального обмена обменивались бы один на другой, будучи проданы за деньги, отдавались бы за равные их количества и, таким образом, по-прежнему обменивались бы один на другой, хотя процесс обмена состоял бы из двух операций вместо одной. Короче говоря, *вряд ли можно отыскать в общественном хозяйстве вещь более незначительную по своей важности, чем деньги*, если не касаться при этом способа, которым экономятся время и труд. Это лишь машина, которая быстро и удобно делает то, что в ее отсутствии делалось бы с меньшей быстротой и удобством. И как многие приспособления такого рода, она обнаруживает свое определенное и независимое влияние только тогда, когда выходит из строя»¹.

Приведенный отрывок в общих чертах передает преобладавший в середине XIX в. взгляд на деньги как на технический инструмент, экономящий «труд и время», но не вносящий существенных изменений в функционирование хозяйства. Необходимо вместе с тем отметить, что, хотя классики буржуазной политической экономии в лице Смита и Рикардо упрощенно представляли себе подлинную роль денег, их взгляд на деньги гораздо более богат и оригинален, чем последующий «синтез» Милля и других экономистов периода распада классических концепций. Огромная заслуга классиков заключалась в том, что они обнаружили четкое понимание происхождения денег из мира товаров и подчеркнули связь теории денег с трудовой теорией стоимости. Эти и другие научные эле-

¹ J. St. Mill. Principles of Political Economy. London, 1869, p. 296 (курс. паш. — В. У.).

менты классической теории денег были впоследствии использованы Марксом при разработке учения о деньгах. Тем не менее в работах классиков не дано представления о специфических и важных особенностях денежной экономики, ее кардинальных отличиях от натурального обмена, за что их справедливо критиковал Маркс.

Исторически низведение денег до роли «внешнего покрова» экономических отношений имело свое объяснение. Оно отражало реакцию на учение меркантилистов, видевших в благородных металлах единственно подлинную форму общественного богатства. Но, пытаясь опровергнуть этот наивный взгляд, основоположники буржуазной экономической науки впадали в другую крайность, приводившую их к полному отрицанию значения денег и их активной роли в процессах хозяйственного развития.

Марксистская теория впервые отчетливо вскрыла ограниченность подхода буржуазных экономистов к проблемам денег и показала, что, хотя денежные процессы являются вторичными, производными по отношению к сфере производства, они тем не менее обладают значительной долей самостоятельности. Недоучет их многостороннего обратного влияния на производственную сферу чреват пагубными последствиями для экономического анализа. Появление денег, как неоднократно подчеркивал Маркс, принципиально изменяет и усложняет функционирование системы товарного производства и обмена. Денежная организация хозяйства дает простор развитию ряда новых серьезных противоречий капитализма. С появлением денег возникает возможность разрыва всеобщей цепи платежей, а это служит важным моментом появления разрушительных кризисов перепроизводства. Поэтому в корне неверно, как это делали классики буржуазной политической экономии и их последователи, сводить денежную экономику к слегка модифицированной (но построенной на тех же законах и предпосылках) модели натурального товарообмена.

Идея чисто посреднической роли денег отчетливо отразилась в одной из наиболее популярных в политэкономии Запада доктрин — количественной теории денег. Суть ее сводилась к установлению прямой причинной зависимости между изменением количества де-

нег и уровнем товарных цен. Таким образом, единственное воздействие, которое деньги могут оказать на функционирование хозяйственной системы, — это изменить «ценностную оболочку». Как мы покажем ниже, количественная теория в ее различных вариантах составляла необходимый элемент неоклассических концепций воспроизводства.

Подход к деньгам как к «вуали» закрепил в буржуазной политэкономии деление всех экономических процессов на «реальные» и «денежные». При этом первым отдавалось безусловное предпочтение, как наиболее важным и решающим, тогда как вторые играли незначительную и второстепенную роль. Разграничение это приобрело особенно отчетливые очертания в конце XIX в., когда в теории денег окончательно взяли верх номиналистические тенденции. Выделение денежного анализа в обособленную область научных исследований оказало пагубное влияние на весь последующий ход развития буржуазной экономической мысли, так как устраняло рассмотрение капиталистической экономики как целостной системы с едиными законами как для сферы производства товаров, так и для денежного обращения.

Шумпетер следующим образом характеризует это противоречие традиционной экономической теории: «Реальный анализ вытекает из принципа, что все важные явления хозяйственной жизни могут быть описаны в терминах товаров и услуг, экономических решений в отношении их и их связей. Деньги участвуют в общей картине лишь в скромной роли технического орудия, введенного для облегчения товарообменных сделок. Это орудие несомненно может выйти из строя... Но пока оно нормально функционирует, оно не влияет на хозяйственный процесс, который протекает так же, как в условиях экономики натурального обмена... Следовательно, деньги были названы «одеждой» или «вуалью» тех вещей, которые действительно имеют значение... Они (деньги. — В. У.) не только могут быть отброшены, когда мы анализируем фундаментальные черты экономического процесса, но они должны быть отброшены, подобно тому как надо снять вуаль, чтобы увидеть скрывающееся за ней лицо»¹.

¹ J. A. Schumpeter. History of Economic Analysis, p. 277.

«Маржиналистская революция» 70-х годов XIX в., приведшая к зарождению и развитию элементов микроанализа, не только не внесла существенных изменений во взгляды на роль денег в экономике, но и еще более углубила разрыв между «реальными» и денежными процессами в буржуазной политэкономии.

Изучение относительных цен (меновых пропорций) отдельных товаров велось исключительно в системе категорий «реального» анализа (спрос и предложение, субъективная теория ценности и т. п.). Служебная функция денег заключалась в переводе этих меновых пропорций «реального» сектора в денежные цены, в установлении общего («абсолютного») уровня цен. Но если денежные цены — это «вуаль», а ее необходимо отбросить в исследовании глубинных факторов воспроизводства, то и деньги, которые формируют уровень цен, представляют второстепенный и малозначимый элемент экономической системы.

Показательно, что когда известный швейцарский экономист Л. Вальрас предложил обобщенную модель капиталистической экономики, построенную на принципах экономического равновесия, то денежный сектор в ней был представлен уравнением количественной теории денег, выражающим уровень цен как функцию объема платежных средств. Система Вальраса была по существу моделью бартера, где процесс формирования общего уровня цен совершенно оторван от относительных цен (меновых пропорций) отдельных товаров. Стремясь подчеркнуть условно-нематериальный и служебный характер денег в своей экономической модели, Вальрас ввел для них специальное обозначение — *numéraire* (счетная единица).

Пропасть между ценообразованием на рынках отдельных товаров и общим уровнем денежных цен свидетельствовала об отсутствии внутреннего единства классической политической экономии, где теория денег была по существу оторвана от анализа других («реальных») хозяйственных процессов. Отсюда один из постоянных источников недовольства буржуазных экономистов количественной теорией, попытки заменить ее другой теоретической схемой, где деньги «имели бы значение», т. е. могли оказывать самостоятельное воздействие на ход экономического развития, а не сводились к «множителю фактору», обеспечи-

вающему перевод меновых пропорций в систему денежных цен.

Концепция «нейтральных денег». Резкое углубление противоречий капиталистической экономики, развившееся в появлении регулярно повторяющихся циклов хозяйственной активности и острых кризисов перепроизводства, сопровождавшихся денежно-кредитными кризисами, отчетливо выявляло несостоятельность взгляда на деньги как на малосущественный фактор развития. Накапливалось все больше фактов, противоречивших трактовке денег как «вуали» и вытекавшей отсюда идентичности денежной экономики хозяйству, построенному на натуральном товарообмене. Напротив, явственно обнаруживалось, что развитие денежного хозяйства, механизма расчетов, системы кредита и всей финансовой сферы оказывает глубокое и многостороннее влияние на всю систему хозяйственных связей капитализма¹. В этой связи интересно появление в начале XX в. концепции «нейтральных денег», которая хотя и базировалась на старых представлениях о роли денег, но тем не менее способствовала в конечном счете более четкой постановке вопроса о возможном активном влиянии денег на общехозяйственные процессы.

В литературе по истории экономической мысли введение термина «нейтральные деньги» связывается обычно с именем крупного шведского ученого К. Викселля. Это не совсем точно, так как Викселль говорил о «нейтральности» нормы процента (в смысле отсутствия влияния ее на общий уровень цен). Но поскольку механизм денежного обращения и динамика нормы процента тесно связаны в работах Викселля, концеп-

¹ Американский экономист П. Самуэльсон следующим образом описывает свое ощущение «шизофренической раздвоенности» при ознакомлении с неоклассической теорией денег в период обучения в колледже в 30-х годах: «С 9 до 9.50 мы излагали простую количественную теорию нейтральных денег. Затем давалось всего десять минут, чтобы перевести дыхание и подготовиться к дискуссии с 10 до 10.50 о том, как искусственное увеличение M (денежной массы) способствовало бы развитию хозяйства» (P. Samuelson. What Classical Monetary Theory Really Was. — «Canadian Journal of Economics», 1968, N 1, p. 2). Противоречие между пассивностью «нейтральных денег» в теории и важностью процессов денежного обращения в практической жизни характерно и для современного неоклассического варианта денежной теории.

цию «нейтральных денег» можно считать сформировавшейся под влиянием его идей.

По образованию и взглядам Викселль был последователем двух крупнейших буржуазных теоретиков—видного представителя австрийской школы Е. Бем-Баверка и одного из «столпов» неоклассического подхода, признанного главы кембриджской школы А. Маршалла. Свою собственную теорию денег, изложенную в двух основных сочинениях — «Процент и цены» и «Лекции по политической экономии»¹, он считал прямым продолжением и развитием количественной теории.

Основную задачу Викселль видел в поисках звена, соединяющего теорию денег с теорией ценообразования. В действительности же своим анализом он лишь раз продемонстрировал глубокую противоречивость традиционной количественной теории, ее неспособность вскрыть многостороннюю и важную роль денег в капиталистическом хозяйстве.

В своих работах Викселль ставит вопрос: какова будет реакция хозяйства, если общий спрос на товары (явившийся результатом выпуска дополнительных денег в обращение) превысит совокупное их предложение? Уже сама по себе такая постановка вопроса противоречила традиционной концепции равновесной экономики, выразившейся в «законе рынков» Сэя, согласно которому в условиях товарного производства и развитого разделения труда избыточный спрос на всех рынках равняется нулю. Сэй полагал, что само по себе предложение отдельного товара (а он исходил из представлений натурального товарообмена и денежную экономику сводил также к бартеру) равносильно предъявлению спроса на другие товары. Разумеется, он не мог не видеть возможности несовпадения производства отдельных товаров и потребности в них, но в основе его концепции лежала идея о быстрой (практически мгновенной) приспособляемости хозяйства к изменившимся условиям, которая достигалась за

¹ K. Wicksell. Geldzins und Güterpreise. Jena, 1898 (английское издание: «Interest and Prices». London, 1936); K. Wicksell. Vorlesungen über Nationalökonomie auf der Grundlage des Marginalprinzipes. Jena, 1913—1922. Последняя работа больше известна в экономической литературе по английскому изданию «Lectures on Political Economy», vol. I—II. London, 1934—1935.

счет быстрого сокращения производства, переключения производителей на другие виды товаров и т. д. Представление о внутренней скоординированности системы, которое нашло наиболее законченное выражение в системе общего экономического равновесия Вальраса, было типичной чертой классической (и неоклассической) теории воспроизводства.

Сэй по существу снимал острейшую проблему капитализма — проблему реализации товаров, причем введение в его систему денег (и соответственно денежных цен) никоим образом не нарушало общего равновесия. Здесь на помощь приходила количественная теория денег, согласно которой рациональный homo oeconomicus не накапливает деньги, а сразу же тратит весь доход на покупку товаров.

Говоря о возможности общего превышения спроса, Викселль по существу ставит под вопрос правомерность позиции Сэя, хотя и не порывает окончательно с ней. «Закон рынков» Сэя, по мнению Викселля, действителен лишь для условий равновесия, но не объясняет механизма выхода из неравновесия. Тем не менее окончательный результат циклических колебаний хозяйственной конъюнктуры Викселль в соответствии с требованиями количественной теории сводил к общему росту цен¹.

Что касается общей нехватки платежеспособного спроса, то Викселль, будучи озабочен главным образом вопросами инфляции, говорит о ней лишь мимоходом. Но и здесь его вывод совпадает с «классическими» канонами: недостаток спроса приведет к падению товарных цен². Впоследствии Кейнс дал принципиально иное решение вопроса. Общая нехватка спро-

¹ «Общий рост цен, — писал Викселль, — возможен лишь при предположении, что общий спрос по какой-то причине стал... больше, чем предложение товаров. Это звучит парадоксально, так как мы привыкли в соответствии с позицией Ж. Б. Сэя рассматривать товары как представляющие друг друга и ограничивающие взаимный спрос. И в конечном счете дело обстоит именно так. Но здесь мы интересуемся тем, что происходит в первом приближении, в посредствующем звене окончательного обмена одного товара на другой... Теория денег, если она заслуживает такого названия, должна показать, каким образом и почему денежный спрос на товары превышает предложение или отстает от него...» (*K. Wicksell. Lectures on Political Economy*, vol. II. London, 1935, p. 159—160).

² *K. Wicksell. Interest and Prices*, p. 149—150.

са чревата у него свертыванием производства и сокращением занятости. Что же касается цен, то, по мнению Кейнса, они недостаточно гибки, особенно в сторону понижения, чтобы послужить инструментом выравнивания производства.

Западные теоретики видят поваторство Викселля не в его довольно банальных выводах о конечном влиянии избыточного спроса на цены, а в том экономическом механизме, который предлагался им для объяснения функционирования хозяйства в условиях неравновесия. Детальный разбор теоретической схемы Викселля выходит за рамки данной работы. Но некоторые узловые моменты необходимо подчеркнуть, поскольку его анализ во многом предвосхитил тот путь, по которому пошло развитие западной теории денег в XX в.

Одно из центральных мест в теории Викселля занимал тезис о связи циклических колебаний цен с изменениями рыночной нормы процента. Он подчеркивал взаимодействие и взаимную обусловленность процессов денежного обращения и кредитных отношений, рынков капитала, современной кредитной системы. Для того времени это был прогрессивный взгляд, учитывавший формирование новых принципов денежной эмиссии. Но предлагаемое Викселлем объяснение связи различных денежных и неденежных факторов воспроизводства отчетливо отражает все теоретические и методологические пороки неоклассических концепций.

Главный механизм, порождающий, по мнению Викселля, циклические колебания конъюнктуры (или нарушающий «денежное равновесие»), — это расхождение так называемой рыночной (денежной) и «естественной» (нормальной) нормы процента. Первая представляет собой ставку, взимаемую банками по ссудам, вторая — ожидаемую норму дохода на вновь вложенный капитал, или, по терминологии Викселля, «предельную эффективность капитала». Пусть, рассуждал он, в силу каких-то причин (например, технических изобретений) становится выгодным вкладывать капитал в производство. Возникнет повышенный спрос на банковские ссуды. Соответственно должна повыситься и «естественная» ставка, уравнивающая спрос и предложение ссудных фондов. Но банковская система

инерционна, и она будет сохранять в течение какого-то времени ставку по ссудам на прежнем уровне. Возникший разрыв между рыночной и «естественной» (или «нормальной») ставками приведет к повышению товарных цен¹. Если же рыночная ставка в силу каких-то причин будет удерживаться выше «естественной», норма процента и цены будут падать.

Идея сводилась к тому, что, не будучи покрыты реальными сбережениями, новые капиталовложения будут покрываться за счет банковского кредита, причем такая форма финансирования будет выгодна предпринимателям до тех пор, пока рыночная ставка процента ниже ожидаемой нормы прибыли. Создаваемые в ходе кредитования платежные средства порождают избыточный спрос на товары. При принятии классической предпосылки полной занятости это ведет к общему повышению цен, к кумулятивному процессу инфляции.

Викселль полагал, однако, что рано или поздно в экономике возникают силы, которые приводят ее в равновесие. Рост цен повысит потребность оборота в деньгах, банковские резервы сократятся, предложение капитала (в виде ссуд) упадет, и рыночный процент повысится до «нормального» уровня². Как только это произойдет, избыточный спрос исчезнет и цены перестанут расти.

Итак, утверждая конечный вывод количественной теории, Викселль не ограничился этим. Он выдвинул новую для того времени мысль, что процессы денежного обращения влияют на цены через механизм кредита. В теорию денег вводилась новая ключевая переменная — норма процента. Кроме того, он показал, что избыточный спрос предъявляется преимущественно промышленниками, готовыми уплатить более высокую цену за дефицитные ресурсы (за счет получаемых ими банковских кредитов). Это приводит к ограничению реального потребления вследствие общего роста

¹ «Если при прочих равных условиях, — писал Викселль, — ведущие банки мира снизят свою процентную ставку, скажем, на 1% по сравнению с нормальным уровнем и сохранят ее в течение нескольких лет, цены всех товаров будут расти, и расти без ограничения» (*K. Wicksell. The Influence of the Rate of Interest on Prices.* — «*Economic Journal*», 1907, p. 213).

² *K. Wicksell. Interest and Prices*, p. 113—114.

цен и к возникновению в хозяйстве так называемых принудительных сбережений (forced savings) за счет изъятия части дохода у потребителей и передачи его в распоряжение предпринимателей.

При всей своей несомненной оригинальности концепция Викселля в большинстве теоретических вопросов не вышла за рамки традиционных представлений неоклассического анализа. Викселль везде исходит из представления о полной занятости как нормальном состоянии капиталистического хозяйства. Он предполагает совершенную эластичность цен, видя в них эффективный корректирующий экономический механизм. В его работах деньги постоянно отождествляются с капиталом, ссуды — с инвестициями и т. д. Весьма туманным и запутанным (по признанию и самого Викселля) является понятие «естественной» ставки процента, равно как и механизм ее изменений. Принцип уравнивания нормы процента и нормы прибыли, лежащий в основе концепции «денежного равновесия», затушевывает тот факт, что процент представляет собой часть прибавочной стоимости, а не весь доход на капитал.

Пытаясь определить условия «нейтральности» денег (отсутствия их влияния на цены), Викселль положил начало многочисленным попыткам «выключения» денег из процессов воспроизводства и построения моделей, где развитая экономика капитализма сводится к примитивным условиям натурального товарообмена. Такое сведение в принципе несостоятельно. Капиталистическая экономика, использующая всю систему кредитно-денежных отношений как необходимый элемент воспроизводства, принципиально отличается от бартерного обмена.

Кредитные деньги, «фабрикуемые» капиталистическими банками, предназначены для обслуживания движения капитала, его перехода из одной формы в другую. Они являются активным фактором всей системы производства, обращения и распределения общественного продукта при капитализме. Это хорошо показывают марксовы схемы воспроизводства, где авансирование денег служит важным исходным пунктом всего процесса обращения капитала. Тем не менее анализ условий «нейтральности» денег был продолжен затем последователями Викселля — шведским

экономистом Г. Мюрдалем и голландцем Й. Купмансом¹. Ставится этот вопрос и в работах современных авторов². Ознакомление с этой литературой вновь и вновь подтверждает вывод, что попытки устранить деньги из капиталистического хозяйственного механизма относятся к числу бессодержательных и ненаучных абстракций.

Теория денег в первой трети XX века. Идеи Викселя в момент появления не получили широкого распространения. Его основные сочинения были опубликованы на немецком и шведском языках и до середины 30-х годов были практически недоступны большинству экономистов в англосаксонском мире. Но и те австрийские и немецкие теоретики, которые имели возможность прочесть работы Викселя, не восприняли его идей. Характерно, что в двухтомной работе немецкого экономиста К. Гельфериха «Деньги» (1903 г.), где подробнейшим образом разбирались различные денежные доктрины, нет даже упоминания о работах Викселя.

Как отмечал Г. Мюрдаль, анализируя в 1933 г. состояние денежных теорий, «общий метод анализа в денежной теории оставался... в основном неизменным на протяжении более столетия»³. Он имел в виду продолжающееся господство тех упрощенных вариантов количественной теории, которые А. Хансен впоследствии назвал «наивными» в отличие от более усложненных версий А. Маршалла и К. Викселя⁴.

¹ *F. de Jong. Development of Monetary Theory in the Netherlands. Rotterdam, 1973.*

² *J. G. Gurley, E. S. Shaw. Money in a Theory of Finance. Washington, 1960; D. Patinkin. Money, Interest, and Prices. New York, 1965; F. A. Lutz. On Neutral Money — «Roads to Freedom: Essays in Honour of Friedrich von Hayek». London, 1969, p. 10—116.* Герли и Шоу пишут, например, что выводы модели с «нейтральными деньгами» «справедливы в условиях, когда деньги, по всей вероятности, являются вуалью над реальными аспектами хозяйственного поведения» (указ. работа, стр. 44). Но хозяйство, в котором доминируют «реальные аспекты хозяйственного поведения», и есть экономика бартера!

³ *G. Myrdal. Monetary Equilibrium. New York, 1965, p. 5—6.* Впервые книга была издана на немецком языке в 1933 г. в Вене под заголовком «*Der Gleichgewichtsbegriff als Instrument der geldtheoretischen Analyse*». Переведена на английский язык в 1939 г.

⁴ *A. H. Hansen. Monetary Theory and Fiscal Policy. New York, 1949, p. 48.*

Мюрдаль указывает в своей работе на интересные черты этого периода, когда закладывались основы активного государственного вмешательства в денежную сферу: «Практическая жизнь... требовала от науки возможно более простых теоретических структур, которые могли бы быть легко поняты и немедленно применены вечно спешащими финансистами и политиками... Эту потребность дня наилучшим образом удовлетворяли те экономисты, которые могли дать простые и готовые теоретические объяснения и правила...»¹

В качестве примера таких примитивных теоретических схем, которые пользовались в тот период особой популярностью, Мюрдаль указывал на теорию паритета покупательной силы Г. Касселя и на количественную теорию денег. Именно эти концепции были приняты на вооружение капиталистическими центральными банками и должны были заменить отжившие «правила игры» золотого стандарта.

Так, сформировавшаяся в 20-х годах в США доктрина «управления деньгами» акцентировала внимание на изменении банковских резервов как основе регулирования. Предполагалось, что все денежные капиталы, привлекаемые банками, за исключением необходимого кассового резерва, всегда полностью инвестируются в ссуды и ценные бумаги. В связи с этим возникла заманчивая идея регулировать объем кредитных операций (а следовательно, и денежную массу в обращении) путем целенаправленного воздействия на величину кассовых резервов банков. Уменьшение резервов должно побудить банки востребовать кредиты, реализовать ценные бумаги и т. д., иначе говоря, сократить объем операций, а увеличение резервов, напротив, создает условия для ускоренного роста банковских кредитов².

В тот же период возникли попытки воздействовать на ход промышленного цикла путем изменения величины платежных средств в обращении. В основе та-

¹ G. Myrdal. *Monetary Equilibrium*, p. 1.

² C. A. Phillips. *Bank Credit*. New York, 1921; W. W. Riefler. *Money Rates and Money Markets in the United States*. New York, 1930; H. P. Willis. *The Federal Reserve*. New York, 1923; E. A. Goldenweiser. *The Federal Reserve System in Operation*. New York, 1925.

кой политики лежала схема количественной теории. Поскольку цикл ассоциировался главным образом с резкими колебаниями цен, а уровень цен, согласно количественной теории, определяется изменением величины денежной массы, то для борьбы с кризисами (т. е. катастрофическим падением цен) теория рекомендовала увеличивать массу денег, предоставляя банкам дополнительные резервы. Предполагалось, что политика центрального банка будет способствовать повышению цен, восстановлению прибыльности производства и выходу из кризиса.

Подобная идея борьбы с кризисами высказывалась еще в XIX в., например Л. Вальрасом. Но тогда единственной заботой центральных банков было обеспечение стабильности курса валюты на мировых рынках. В 20-х годах денежно-кредитная политика начала постепенно освобождаться от «валютной» ориентации. Кейнс, решительно выступивший против механизма золотого стандарта, обосновывал свою позицию ссылками на необходимость создания «автономной экономики», так как реакция центральных банков на изменения межстрановых потоков золота имела тяжелые внутриэкономические последствия¹.

Последующие события показали неэффективность рецептов борьбы с цикличностью производства путем воздействия центральных банков через денежную эмиссию на уровень цен. На теорию антикризисного регулирования оказал огромное влияние опыт «великой депрессии» 1929—1933 гг. Так, операции Федеральной резервной системы США по покупке государственных облигаций в 1932—1933 гг. с целью расширения банковских резервов не привели к желаемым результатам. Они не способствовали оживлению кредитной экспансии и тем более не предотвратили падения цен и производства, массовых крахов банков и т. д. Эффективность мероприятий денежно-кредитной политики была поставлена под сомнение, что по-

¹ Отлив золота из страны в условиях экономического кризиса при жесткой системе металлического покрытия эмиссии приводил к нехватке платежных средств, «денежному голоду». Как писал Маркс, «количество средств обращения уменьшается как раз в тот момент, когда их требуется больше всего и потребность в них настоятельнее всего» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 102*).

влекло за собой серьезные последствия для всей денежной теории.

Сама по себе идея об активном воздействии денежной сферы на функционирование хозяйства в принципе не содержит ничего фантастического. Ограничения или форсированный рост кредитных операций, изменение объема платежных средств могут при определенных условиях повлиять на процессы обращения и накопления капитала и тем самым внести коррективы в ход экономического развития. Об указанном влиянии свидетельствуют, например, современные дефляционные кризисы, провоцируемые правящей верхушкой капиталистических стран, отрицательные последствия инфляции в периоды ускоренной кредитно-денежной экспансии, искусственное форсирование темпов индустриализации в некоторых развивающихся странах с помощью денежного механизма, ведущее к серьезным диспропорциям в экономике, и многие другие примеры. Но попытка сторонников количественной теории отождествить капиталистический цикл с динамикой цен, их объяснения механизма влияния денег и их претензии на устранение цикла в результате денежного регулирования были обречены на неудачу. Это наглядно доказал кризис 1929—1933 гг. и последующие кризисные падения производства в капиталистических странах.

Говоря о событиях 30-х годов как о важнейшем «толчке», приведшем к закату количественной теории, американский экономист Г. Виллард пишет: «Денежная теория недавнего периода отражает беспрецедентную депрессию, которая поразила индустриальные страны в 30-х годах... В итоге основное внимание переместилось с факторов, определяющих количество денег и его влияние на общий уровень цен, к факторам, определяющим уровень производства и занятости. Вдобавок чисто денежные инструменты контроля, которым придавалось в то время большое значение, были сочтены неэффективным средством для преодоления великой депрессии»¹.

В подрыве авторитета количественной теории сыграло существенную роль и то обстоятельство, что

¹ *H. H. Villard. Monetary Theory. — «A Survey of Contemporary Economics». Ed. by H. S. Ellis, vol. 1. Homewood, 1948, p. 314.*

статистический анализ денежного обращения в 20-х и 30-х годах продемонстрировал неправильность ряда исходных предпосылок количественной теории. Как мы покажем в гл. II, главный тезис количественников о строго пропорциональной связи между динамикой цен и объемом денежного обращения базировался на предположении о слабой изменчивости показателя скорости обращения денег. Однако в 1929—1933 гг. этот показатель снизился почти на 40% ¹.

Крах традиционной количественной теории плачевно отразился на состоянии денежных исследований в целом. Внешне это проявилось в резком уменьшении числа публикуемых работ по денежным проблемам. Американский экономист Л. Кюрри писал в 1934 г.: «Опубликовать в настоящее время книгу, посвященную главным образом вопросам количества денег... значит навлечь на себя острейшую критику... Из-за повсеместного отхода от количественной теории существует, однако, опасность, что маятник может слишком сильно качнуться в другую сторону...» ²

Такой сдвиг действительно произошел в конце 30-х и 40-х годах. На смену восторженному прославлению денежных мероприятий как наиболее эффективного потенциального средства борьбы с хозяйственным циклом (путем воздействия на цены) пришел не менее однобокий взгляд о полной несущественности денежных факторов для процессов экономического развития. Итогом был глубокий и продолжительный кризис денежной теории.

Теория Кейнса и ее влияние на проблематику денежной теории. Закат количественной теории денег в 30-х годах совпал с резко усилившимся интересом буржуазных экономистов к проблеме «денежного равновесия». Эта линия анализа шла от уже упоминавшихся работ Викселля. Ее активно развивали неовикселианское крыло стокгольмской школы (Г. Мюрдаль, Б. Олин, Э. Линдал) и теоретики кембриджского направления в Англии (Д. Робертсон и Дж. Кейнс). В центре внимания экономистов этого направления была проблема взаимодействия сбережений и инве-

¹ J. W. Angell. The Behavior of Money. New York, 1936.

² L. Currie. The Supply and Control of Money in the United States. Cambridge (Mass.), 1934, p. 3.

стиций и роль нормы процента в механизме уравнивания этих величин. Денежный сектор экономики в этих теоретических схемах оказывает влияние на объем капиталовложений через норму процента. Тем самым роль денег качественно менялась: они становились важным фактором общего процесса воспроизводства.

Наибольшее развитие этот подход получил в работе Дж. М. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» (1936 г.)¹. Концепция Кейнса отличалась от других вариантов критическим отношением к «классическим постулатам», т. е. исходным предпосылкам неоклассической доктрины. Напротив, Викселль и Д. Робертсон сочетали свой подход с положениями количественной теории и ее главным выводом о влиянии денег на цены. Далее, в отличие от «периодо-анализа» Робертсона и работ шведского ученого Олина теория Кейнса была более статичной, в ней отсутствовали лаги и динамика, которые важны для анализа реальных хозяйственных ситуаций. Но в силу ряда причин именно кейнсианская версия получила наибольшее распространение и заняла доминирующее место в буржуазной политической экономии 30—40-х годов².

Переформулирование Кейнсом основных положений буржуазной денежной теории, разработка им вопроса о «мотивах» накопления денег и особенно его специфическая («денежная») трактовка процента — все это оказало глубокое и продолжительное влияние на представления буржуазной науки о механизме денежных процессов и оценку роли денег в хозяйстве. Как писал в 1962 г. в получившем большую известность обзоре основных проблем денежной теории английский экономист (и одновременно профессор Чикагского университета) Г. Джонсон, «...влияние «Общей теории» Кейнса было столь велико, что подавляющую часть всех недавних теорий и исследований в об-

¹ J. M. Keynes. The General Theory of Employment, Interest and Money. London, 1936 (имеется русский перевод: Дж. М. Кейнс. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1948). Далее для краткости эта работа будет называться «Общей теорией», а в ссылках — «The General Theory...».

² Общий подход Кейнса и его позиция по проблемам денег подробно анализируются в гл. II, § 2.

ласти денег можно охарактеризовать либо как переложение и дальнейшее развитие кейнсианских идей, либо как контрреволюционное выступление против них»¹. Вместе с тем особые черты кейнсианской доктрины, связанные с условиями ее появления в период глубокого экономического кризиса и односторонне развитые последователями Кейнса, привели в конечном счете к принижению роли и значения денежных факторов.

Кейнс подверг резкой критике неоклассическую теорию воспроизводства. В его работах капиталистическая экономика предстает как крайне неустойчивая и нескоординированная система, легко выходящая из равновесия и в принципе подверженная глубоким кризисам и длительным периодам депрессии. Кейнс отключил главный стабилизирующий механизм в моделях неоклассиков — гибкие цены на рынках товаров (в том числе заработную плату и норму процента). Для этого он использовал, в частности, особый методологический прием, выразив все экономические величины в неизменных «единицах заработной платы».

В результате подобных преобразований его теория утрачивала «общий характер», на который она претендовала, и становилась специфической доктриной депрессивной экономики, слабо применимой к анализу инфляционных ситуаций. Желая опровергнуть традиционную доктрину, Кейнс сознательно игнорировал важную линию причинной связи между деньгами и уровнем товарных цен. Изучение процессов инфляции представлялось ему в период написания «Общей теории» неактуальным и малозначимым. Из всех возможных «каналов» влияния денег он сохранил лишь один — через процентную ставку на инвестиции. Вместе с тем в ряде мест «Общей теории» выражались серьезные сомнения по поводу эффективности указанного воздействия денег в условиях глубокого кризиса и неспособности центрального банка обеспечить снижение процентных ставок до необходимого уровня. Соответственно в послекейнсианской литературе все большее внимание начало уделяться высказываниям Кейнса о прямых инвестициях государства, необходимых для

¹ «Surveys of Economic Theories», vol. I. New York, 1962, p. 2.

восполнения нехватки частного спроса, а в программах государственных мероприятий акцент делался на бюджетные методы регулирования конъюнктуры.

Подчеркивая неустойчивость капиталистической экономики, имманентно присущую ей нехватку платежеспособного спроса, Кейнс преследовал цель защиты интересов господствующего класса¹. Его последователи решительно отвергали обвинения сторонников неоклассического подхода, которые видели в программах государственного вмешательства чуть ли не «замаскированный социализм». Кейнс сосредоточил внимание на реальных противоречиях в капиталистической экономике, которые пытались не замечать многие поколения буржуазных теоретиков. Но он свел эти дефекты к поверхностным техноэкономическим зависимостям, не связанным с природой капиталистических производственных отношений.

Переработка кейнсианской доктрины его последователями переместила внимание на анализ хозяйственного цикла с помощью аппарата мультипликатора и акселератора. Это также способствовало утверждению взгляда о несущественности влияния денежных факторов. Многочисленные учебные экспозиции кейнсианской модели вообще устраняли «осложняющее влияние» денег и сводили суть хозяйственных корректировок к упрощенной схеме уравнивания инвестиций и сбережений без какой-либо связи с процессами в денежном секторе².

Конечный итог разработки этой популярной версии кейнсианской доктрины оказался весьма плачевным для теории денег: то важное место, которое они занимали в «первоначальной» кейнсианской модели производства, впоследствии по существу игнорировалось. Невнимание к денежной проблематике в 40-х го-

¹ H. Wallich. Keynes Re-examined: The Man, The Theory. — «New York Times Magazine», 1958, April 20.

² См. П. Самуэльсон. Экономика. М., 1964, стр. 263—285. Как отмечал Г. Джонсон в юбилейной статье, посвященной 25-летию со дня выхода «Общей теории», «вульгарные кейнсианцы» набрались на простейшую и наиболее поразительную версию кейнсианской системы — автономные инвестиции и мультипликатор как на существо теории, игнорируя анализ денег как ненужное усложнение» (H. G. Johnson. Money Trade and Economic Growth. London, 1962, p. 146).

дах усугублялось практикой финансирования второй мировой войны и резким падением самостоятельности и авторитета центральных банков, превратившихся в своеобразные резервуары для размещения государственного долга. Масштабы денежных исследований резко сократились. По свидетельству К. Уорбертона, за 10 лет с момента выхода «Общей теории» Кейнса в пяти ведущих экономических журналах США не было опубликовано ни одной статьи, посвященной анализу состояния денежного обращения¹.

Между тем именно в эти годы в денежно-кредитной сфере капиталистических стран произошли серьезнейшие сдвиги, последствия которых не замедлили сказаться сразу же после окончания второй мировой войны.

Большинство капиталистических стран вышло из войны с подорванными денежными системами, огромным избытком налично-денежной и депозитной массы, резко возросшим в результате инфляции уровнем цен. Игнорировать и дальше эти процессы стало немыслимым: они превратились в реальную угрозу, пожалуй не менее опасную, чем наступление нового экономического кризиса. Правительства капиталистических стран вынуждены были предпринять срочные шаги для восстановления нарушенных войной и практикой дефицитного финансирования пропорций в денежной сфере. В ряде западноевропейских стран были проведены денежные реформы и девальвации валют, принимались меры к сокращению размеров бюджетного дефицита.

Но и в последующие годы большинству стран не удалось достигнуть устойчивой стабилизации положения. Инфляция стала одной из острейших и трудно разрешимых проблем в послевоенной капиталистической экономике. Поэтому слабая приспособленность кейнсианской модели для анализа хозяйственных ситуаций, характеризующихся неустойчивостью общего уровня цен, явилась одной из причин острой критики кейнсианской доктрины в 50—60-х годах и стимулировала возрождение неоклассического крыла в бур-

¹ C. Warburton. A Misplaced Emphasis in Contemporary Business-Fluctuation Theory. — «Readings in Monetary Theory». London, 1952, p. 295.

жуазной политэкономии. Немаловажную роль в этом процессе сыграло и отрезвление в отношении бюджетных методов регулирования экономики, эффективность которых была явно переоценена экономистами кейнсианской ориентации.

Озабоченность проблемами инфляции оказала на буржуазную политическую экономию двойное влияние. Она, во-первых, способствовала разочарованию в кейнсианстве и рекомендуемых им методах регулирования конъюнктуры, которые ежедневно рождают инфляцию. Во-вторых, она стимулировала усиленное изучение функционирования денег и их влияния на цены. «Повторное открытие денег», «монетарный ренессанс», «второе рождение денежного анализа» — такие определения можно часто встретить при характеристике процессов развития денежных теорий после второй мировой войны¹. А поскольку эта область анализа по традиции была вотчиной количественной теории, то «монетарный ренессанс» означал в то же время возрождение интереса к традиционным теоретическим построениям неоклассиков по проблемам денег. Влиятельные сторонники кейнсианской доктрины вынуждены были вновь вернуться к денежным проблемам, внести существенные коррективы в свои упрощенные схемы и подчеркнуть потенциальную эффективность денежно-кредитных мероприятий, на сей раз в качестве орудия борьбы с инфляцией².

Неоклассическое «возрождение денег» шло по нескольким линиям. К числу важнейших теоретических новшеств относились, во-первых, детальное описание Д. Патинкиным эффекта реальных кассовых остатков,

¹ H. S. Ellis. Rediscovery of Money. — «Money Trade and Economic Growth: in Honor of John Henry Williams». New York, 1951, p. 253—269; «Monetary Theory and Monetary Policy. Major Contributions to Contemporary Thought». Ed. by R. S. Thorn. New York, 1966, p. 3.

² Характерно, например, следующее заявление П. Самуэльсона: «Вопреки мнению многих современных экономистов (и некоторым из моих собственных ранних взглядов) я считаю, что денежная и кредитная политика обладает огромными потенциальными возможностями по стимулированию стабилизации или оказанию депрессивного влияния на современную экономику» (P. Samuelson. Reflections on Central Banking. — «The National Banking Review», September 1963, p. 15; см. также: L. S. Ritter. The Role of Money in Keynesian Theory. — «Monetary and Banking Studies». Homewood, 1963).

который используется им для изучения механизма влияния денег на цены, и, во-вторых, новый усложненный вариант количественной теории, выдвинутый профессором Чикагского университета М. Фридменом. Обе эти концепции будут подробно рассмотрены нами в следующих разделах книги.

Таким образом, с начала 40-х годов теория денег описала полный круг: после длительного периода игнорирования роли денег они вновь рассматриваются буржуазной политической экономией как важный элемент народнохозяйственной структуры и как потенциальное орудие макроэкономического контроля. Но маятник качнулся в другую сторону. В наиболее крайних вариантах монетаризма (так называется фридменовская концепция денег) деньги рассматриваются не просто как важный, а как ключевой, решающий фактор воспроизводства, превосходящий по силе воздействия все другие. Такая интерпретация столь же однобока и нереалистична, как полное отрицание активного влияния денег в экономике.

Одновременно активизировалось и теоретическое направление, развивающее кейнсианские идеи по основным проблемам денег. В последние годы усилились требования «очистить» кейнсианское учение от последующих «неоклассических наслоений», вернуться к «неискаженному Кейнсу». Одним из важных пунктов этой перестройки является стремление восстановить то большое значение, которое первоначально придавалось деньгам и норме процента в кейнсианской системе взглядов¹.

В целом буржуазная политэкономия по-прежнему далека от выработки единого взгляда на роль денег в капиталистическом хозяйстве. Но если в начале XX в. западные экономисты почти единодушно считали деньги «вуалью», то сейчас преобладает оценка денег как важного и самостоятельного фактора в системе экономических связей. Спор идет не о том, «важны ли деньги», — это признано всеми, — а «насколько они важны», каково их подлинное место, «каналы» и степень влияния на «реальные» экономиче-

¹ A. Leijonhufvud. On Keynesian Economics and the Economics of Keynes. London, 1968; P. Davidson. Money and the Real World. New York, 1972.

ские процессы¹. Этот вопрос имеет исключительное значение для программ государственной экономической политики, и на его решение направлены сейчас усилия большого отряда экономистов во всех капиталистических странах.

2. ПРЕДМЕТ И ГРАНИЦЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ

Предмет денежной теории. Разочарование в основных постулатах традиционной количественной теории и последующая перестройка буржуазной политэкономии по образцу кейнсианской модели серьезно отразились на состоянии денежной теории. У Кейнса денежные факторы принимают непосредственное участие в механизме установления народнохозяйственного равновесия (через предпочтение ликвидности и норму процента). Это вплотную приблизило денежную теорию к проблемам циклических колебаний производства и занятости, которые выдвинулись на первый план в 30—40-х годах в силу резкого обострения всех противоречий капитализма. Переплетение денежной теории с теорией промышленного цикла и с макроэкономической теорией в целом было настолько тесным, что стало практически невозможно четко ограничить «собственно денежные» от неденежных проблем. На эту особенность развития теории денег указывает Г. Виллард: «Несомненно, что области, охватываемые денежной теорией, теорией компенсационных фискальных мероприятий и теорией промышленного цикла, являются по крайней мере тесно связанными, если не переплетающимися... Теория делового цикла в значительной степени и фискальная теория в меньшей мере развились из денежной теории, так что авторы университетских учебников и экономисты применяли в последние годы термин «денежный», тогда как в действительности речь шла о занятости,

¹ A. B. Cramp. How Much Does Money Matter. — «Banker's Magazine», October 1961; R. G. Davis. How Much Does Money Matter? A Look at Some Recent Evidence. — «Monthly Review», Federal Reserve Bank of New York, June, 1969; A. J. Schwartz. Why Money Matters. — «Lloyds Bank Review», October 1969.

производстве и доходе»¹. Американский экономист Х. Смит в своем комментарии к библиографическому списку работ по деньгам поясняет: «Денежная теория не ограничивается более объяснением стоимости денег. В последние годы она расширилась и включает всю агрегатную экономическую теорию. Библиография работ по деньгам неизбежно перекрещивается с другими специальными областями, особенно со сферой международных валютных отношений, теорией определения уровня дохода и занятости, теорией промышленных циклов, фискальной политикой и теорией распределения»².

Использование буржуазным государством денежно-кредитных мероприятий для целенаправленного воздействия на состояние конъюнктуры повысило значение практических, прикладных аспектов денежной теории. В современных работах можно часто встретить замечание, что ныне экономистов интересует не *что* такое деньги, а *как* они влияют на экономическую активность. Интерес к традиционной для периода свободной конкуренции тематике — вопросам устройства денежной системы, выбора стандарта, формирования покупательной силы денежной единицы и т. п. значительно снизился, хотя эти проблемы отнюдь не сняты с повестки дня. Зато неуклонно возрастает роль и значение теоретических исследований по изучению механизма взаимодействия денежных и неденежных факторов воспроизводственного процесса. Г. Джонсон определяет современную денежную теорию как «теорию о влиянии денег в экономической системе», а денежно-кредитную политику — как систему мероприятий, «использующих контроль центрального банка над денежной массой как инструмент для достижения целей общехозяйственной политики»³. Американский ученый-денежник Дж. Кауфман дает более широкое определение предмета денежной теории, считая, что она занимается изучением «финансового сектора экономики и его взаимодействия с нефинансовым, или так называемым реальным, сектором»⁴.

¹ H. H. Villard. Monetary Theory. — «A Survey of Contemporary Economics», p. 315.

² «Readings in Monetary Theory». London, 1952, p. 457.

³ «Surveys of Economic Theory», vol. I, p. 1.

⁴ G. Kaufman. Current Issues in Monetary Economics and Policy: A Review. New York, 1969, p. 6.

В одном из наиболее популярных учебников по деньгам и банковскому делу, который в западной печати часто называют «лучшим», «классическим» и т. д., основной круг проблем, интересующих современных экономистов-денежников, очерчен следующим образом: «Какова связь денег и денежно-кредитной политики с такими экономическими переменными, как темп изменения реального дохода или производства, состояние занятости или беззанятости труда и других производственных факторов, поведение уровня цен и распределение дохода и богатства? Анализ подобных взаимосвязей и представляет центральную функцию денежной теории»¹.

Автор приведенных строк профессор Принстонского университета Л. Чендлер подразделяет явления, изучаемые денежной теорией, на три группы: 1) связь между мероприятиями денежно-кредитной политики и величиной денежной массы; 2) связь между денежной массой и совокупным спросом на товары; 3) связь между совокупным спросом и динамикой производства, занятости и ставок денежной заработной платы². По мере перехода от одной группы связей к другой усиливается «общехозяйственный аспект» денежной теории и, следовательно, ее переплетение с более общими разделами политической экономии. Так, первая группа вопросов включает рассмотрение процессов банковского кредитования и их воздействия на основные параметры денежной сферы (объем платежных средств, норма процента и т. п.). Вторая группа изучает воздействие чисто денежных изменений на величину потребительского и инвестиционного спроса. Наконец, на третьем этапе анализируются общие связи в хозяйственной системе, обуславливающие итоговый уровень производства и занятости. На второй и третьей ступенях денежная теория становится составной частью макроэкономики.

За последние десятилетия соотношение между так называемой «чистой» теорией денег, рассматривающей главным образом «качественные» особенности денег, и прикладными аспектами денежной теории, где преоб-

¹ L. Chandler. The Economics of Money and Banking. New York, 1969, p. 263.

² Ibid., p. 265.

ладает анализ количественных взаимосвязей и механизмов взаимодействия денежных и неденежных факторов, резко изменилось в пользу последних. Так, например, популярная в 20—40-х годах книга видного представителя кембриджской школы Д. Робертсона «Деньги» посвящена еще главным образом «качественным» и институционально-структурным проблемам теории денег. Основное внимание уделяется определению и классификации видов денег, устройству системы золотого стандарта, понятию покупательной силы денег и формирующим ее факторам. Лишь одна небольшая глава книги посвящена вопросу о роли денег в промышленном цикле, причем и она сводится главным образом к описанию инструментов кредитной политики¹. Подобная структура была характерна для большинства работ по теории денег, вышедших до кризиса 1929—1933 гг.²

В двухтомной работе Дж. М. Кейнса «Трактат о деньгах» (1930 г.), в которой подводился итог буржуазных исследований денег конца XIX — начала XX в. и намечались пути существенной перестройки теории денег в соответствии с требованиями государственно-монополистического капитализма, материал между чисто теоретическими и прикладными вопросами распределялся иначе. В первом томе работы по-прежнему рассматривались «качественные» проблемы: природа денег и классификация их видов, их функции, покупательная сила денег и факторы, обуславливающие ее колебания, и т. д.

Второй том работы посвящен описанию количественных закономерностей в сфере денежного обраще-

¹ D. H. Robertson. Money. London, 1928.

² В еще большей степени упор на описание различных институциональных и «качественных» элементов денежной системы характерен для работ XIX в. Например, английский экономист У. Джевонс в получившей большую известность работе «Деньги и механизм обмена» указывает на следующие вопросы, которые более всего волновали экономистов того времени: «Будем ли мы иметь золото или серебро или то и другое как меру стоимости? Будем ли мы применять бумажные деньги или металлические? Сколь долго будем мы здесь в Англии допускать, чтобы золотые монеты снижались по весу?» и т. д. (W. S. Jevons. Money and the Mechanism of Exchange. London, 1875, p. VIII). Основная часть книги посвящена описанию систем металлического стандарта, различных видов денежных субститутов («представительных» денег), чекооборота и банковского клиринга и т. п.

ния, влиянию денег на различные экономические секторы и т. д. Там исследуются вопросы скорости обращения денег, «кредитного цикла», поставлена проблема соотношения сбережений и инвестиций, которая впоследствии станет одним из центральных вопросов кейнсианской теоретической схемы, большое внимание в книге уделялось практическим вопросам денежно-кредитного регулирования¹.

В современных работах по проблемам денег главное внимание уделяется изучению механизма взаимодействия денег и неденежных факторов, моделированию процессов денежного обращения, реакции хозяйственных агентов на изменение различных денежных и кредитных параметров и т. п. Роль денег в воспроизводстве, «каналы» влияния денежной сферы, место денег и кредита в системе мероприятий государственного регулирования — таковы ведущие темы денежных исследований в послевоенные годы.

Эта общая направленность особенно наглядно и отчетливо проявилась в учебной литературе, в содержании и структуре учебных курсов, читаемых в высшей школе. В уже цитировавшемся учебнике Чендлера вопросам природы и функций денег, их месту в общественном разделении труда посвящен лишь один небольшой параграф первой главы. Самый крупный раздел книги — «Денежная теория», состоящий из четырех глав, содержит изложение основных элементов и функциональных зависимостей стандартной кейнсианской модели формирования национального дохода. Большое место в этом разделе уделяется проблемам спроса на деньги и денежной эмиссии, т. е. анализу двух групп важнейших факторов, определяющих состояние денежного сектора экономики. В другом обширном разделе подробно излагаются вопросы денежно-кредитной политики (цели, инструменты, мероприятия центрального банка США с 1914 года — года учреждения Федеральной резервной системы и т. д.). По аналогичной или близкой схеме построено большинство других современных учебников по денежному обращению и кредиту в США и в некоторых других капиталистических странах.

¹ J. M. Keynes. A Treatise of Money. Volume One: The Pure Theory of Money; Volume Two: The Applied Theory of Money. London, 1930.

Выступая в дискуссии по проблемам преподавания финансовых дисциплин в высшей школе на ежегодном съезде Американской финансовой ассоциации, известный банковский специалист Р. Робинсон отмечал, что теоретический курс «Деньги и банки» претерпел за последние десятилетия большие изменения, причем главную роль сыграла переоценка влияния денежных факторов в капиталистической экономике¹. Так, до первой мировой войны ведущие учебники по политической экономии в англосаксонских странах (А. Маршалла, Ф. Тейлора, Ф. Тауссига и др.) почти не останавливались на проблемах денежного обращения, считая их слишком специальными и подлежащими рассмотрению в рамках соответствующих узких дисциплин. Распространение кейнсианского учения разрушило «китайскую стену» и способствовало возврату денег в сферу общеэкономического анализа. Соответственно значительно увеличилось место, отводимое денежным проблемам в учебниках по общеэкономическим дисциплинам. Вместе с тем макроэкономика вторглась в денежную науку.

Робинсон подробно рассматривает «дозировку» различных проблем в современном курсе денежной теории. Прежде всего ставится вопрос о соотношении проблем «денег» и «кредита» (или банков). Робинсон указывает, что в учебниках наблюдается неуклонное сокращение материала, относящегося ко второй группе вопросов: банковское дело освещается главным образом в связи с процессами кредитно-денежной эмиссии. Но если вопросы эволюции и структуры банковской системы, развития кредитного рынка, кредитных операций и т. п. сводятся к минимуму, то, естественно, возникает вопрос о целесообразности применения термина «банки» в самом названии курса. И действительно, все большее число учебников не содержит в названии указания на «кредит» или «банки». Таким образом, наблюдающееся в западной литературе сближение проблем денежного обращения и кредита, обусловленное объективной тенденцией к усилению кредитного характера эмиссии, проявляется весьма своеобразно: оно ведет к «поглощению деньгами кредита»,

¹ R. I. Robinson. What Should We Teach in a Money and Banking Course. — «Journal of Finance», May 1966.

к трансформации учебных курсов в «теорию денег», где кредитные проблемы служат в какой-то степени дополнением к описанию процессов формирования массы платежных средств.

Другой важный вопрос — соотношение макроэкономической и денежной теорий. Их взаимопроникновение приводит к тому, что разграничительная грань стирается и учебник по денежному обращению становится «элементарным курсом макроэкономической теории»¹. Робинсон считает это вполне естественным и закономерным явлением.

Третья черта современных учебников — широкое освещение вопросов экономической политики. «Политика совершенно обязательна, — заявляет Робинсон. — Я не представляю, как курс денежной теории может обойтись без политики в денежной сфере, а также в области государственных финансов»². Наконец, валютные проблемы тоже включаются в современные курсы денег и кредита. Но некогда центральная проблема — вопрос о металлическом стандарте ныне не фигурирует в списке «обязательных элементов» теории и рассматривается лишь в разделах, посвященных истории денежных систем.

Итак, подчинение кредитно-банковских проблем ключевому вопросу «фабрикации денег»; соединение теории денег с макроэкономической теорией при доминирующем значении последней; растущее внимание к проблемам «управления деньгами» и эффективности государственного регулирования; ослабление связи теории внутреннего денежного обращения с проблемами международных валютных отношений (особенно по линии институционального устройства денежной системы) — все эти особенности учебной литературы отражают общую перестройку денежно-кредитной системы капитализма, кредитный характер современных денег, процесс превращения их в инструмент государственного регулирования экономики.

Тот факт, что «качественные» вопросы денег все более уступают место функционально-эмпирическому анализу, создает на первый взгляд впечатление, что фундаментальные проблемы денег уже решены запад-

¹ «Journal of Finance», May 1966, p. 406.

² Ibid., p. 409.

ной наукой и поэтому нет необходимости вновь возвращаться к ним. Подобная интерпретация была бы в корне неверной. Отсутствие ответа на многие коренные вопросы теории денег, касающиеся их природы, функций, формирования стоимости и т. д., побуждаст буржуазных ученых уходить от этой тематики, подмешивать ее чисто количественными, статистико-аналитическими исследованиями.

Американский экономист Р. Клауэр в предисловии к одному из наиболее представительных «ридингов» (сборников материалов) по проблемам теории денег пишет: «Стандартные учебники по деньгам и банковскому делу создают ложное впечатление авторитетности законченной доктрины. В действительности же современная теория денег относится к числу *наименее согласованных областей экономического анализа*, и никакой серьезный исследователь не может игнорировать этот факт или его причины»¹. Показательно и другое заявление Клауэра: после многовекового процесса развития современная денежная теория Запада «не содержит единой и последовательной характеристики двух «объектов», которые по сути своей составляют *conditio sine qua non* (непременное условие) самого существования денежной теории, а именно понятий «денежного товара» и «денежного хозяйства»².

Фундаментальные для всякой теории денег вопросы природы денег и принципов формирования их стоимости по-прежнему остаются камнем преткновения для буржуазных экономистов. Эти проблемы продолжают анализироваться в ряде абстрактно-теоретических работ, но они не занимают видного места в основном потоке экономической литературы. Тот факт, что полемика по указанной проблематике периодически вспыхивает с новой силой на страницах западной печати в форме ли дискуссии об «определении» денег, проблемы «соединения теории денег с теорией стоимости» или анализа «микрооснов денежного хозяйства», свидетельствует о серьезном неблагополучии в этой области, о неспособности буржуазной науки преодолеть повседневно возникающие конфликты между

¹ «Monetary Theory. Selected Readings». Ed. by R. W. Clower, p. 7 (курс. нащ. — В. У.).

² Ibidem.

теоретическими построениями и реальной действительностью.

Структура современного денежного анализа. Каковы наиболее активные области теоретических разработок по вопросам денег в 50—70-х годах? Известное представление о круге важнейших проблем и о пестрой гамме различных доктрин, мнений, гипотез в этой области дают получившие широкое распространение в послевоенной литературе обзоры состояния денежной теории. К числу наиболее интересных работ такого рода в последние годы относятся: четыре обзора Г. Джонсона (1962, 1967, 1970 и 1974 гг.)¹, обзоры У. Смита (1970 г.), Дж. Кауфмана (1969 г.), К. Бруннера (1961 и 1971 гг.)² и менее широкие по охвату обзорные статьи Д. Фэнда, А. Уолтерса, Д. Лейдлера, Л. Харриса и ряда других экономистов³. Необходимую историческую ретроспективу дают довоенная работа Р. Соулньера и уже упоминавшийся обзор Г. Вилларда⁴. Кроме того, большой интерес представляют обзоры смежных областей: теорий процента (Г. Шэккл) и теорий инфляции (М. Бронфенбреннер и Ф. Хольцман)⁵.

¹ *H. G. Johnson. Monetary Theory and Policy.* — «*Surveys of Economic Theory*», vol. I; *H. G. Johnson. Essays in Monetary Economics.* London, 1967; *H. G. Johnson. Recent Developments in Monetary Theory — A Commentary.* — «*Money in Britain 1959—1969*». London, 1970; *H. G. Johnson. Major Issues in Monetary Economics.* — «*Oxford Economic Papers*», July 1974.

² *W. L. Smith. On Some Current Issues in Monetary Economics: An Interpretation.* — «*Journal of Economic Literature*», September 1970; *G. Kaufman. Current Issues in Monetary Economics and Policy: A Review.* New York, 1969; *K. Brunner. Some Major Problems in Monetary Theory.* — «*American Economic Review*», May 1961; *K. Brunner. A Survey of Selected Issues in Monetary Theory.* — «*Schweizerische Zeitschrift für Volkswirtschaft und Statistik*», 1971, N 1.

³ *D. Fand. Some Issues in Monetary Economics.* — Federal Reserve Bank of St. Louis. «*Review*», January 1970; *A. A. Walters. The Radcliffe Report — Ten Years After: A Survey of Empirical Evidence.* — «*Money in Britain 1959—1969*»; *D. Laidler. The Definition of Money — Theoretical and Empirical Problems.* — «*Journal of Money, Credit and Banking*», August 1969; *L. Harris. Regularities and Irregularities in Monetary Economics.* — «*Essays in Money and Banking in Honour of R. S. Sayers*». Oxford, 1968.

⁴ *R. J. Saulnier. Contemporary Monetary Theory.* New York, 1938; *H. Villard. Monetary Theory.* — «*A Survey of Contemporary Economics*», 1948, vol. 1.

⁵ «*Surveys of Economic Theory*», vol. 1.

Среди наиболее активно обсуждаемых в последние годы на абстрактно-теоретическом уровне проблем следует назвать «классическую дихотомию», т. е. вопрос о традиционном разрыве между процессами формирования меновых пропорций товаров и установлением денежных («абсолютных») цен. Новая вспышка интереса к этой проблеме в послевоенной литературе вызвана публикацией работ Д. Патинкина, и в частности его книги «Деньги, процент и цены», где влияние изменений покупательной силы денег на потребительский спрос рассматривается как один из важнейших «каналов» связи денежных и «реальных» элементов воспроизводства¹.

В последние годы развернулась полемика и по двум другим теоретическим проблемам — о роли денег в моделях экономического роста и о специфических чертах «денежного» хозяйства. Первый вопрос связан с выяснением оптимальных темпов долговременного изменения денежной массы в неоклассических моделях роста. Напомним, что в традиционной теории деньги играли роль «нейтрального» фактора, не оказывающего влияния на темп «реального» роста. Теперь же делаются попытки определить степень влияния денег на равновесие системы в долговременном аспекте². Второй вопрос связан с выявлением качественных отличий между экономической системой, построенной на денежном обмене, и хозяйством, где господствует прямой товарообмен (бартер). Эта проблема приобрела особое значение в связи с попытками интерпретации кейнсианской системы, как модели «неравновесной экономики»³, где самый факт присутствия денег в обмене вызывает нарушения хозяйственного процесса.

Оживленной областью теоретического анализа по-прежнему служит изучение «каналов» воздействия денежных факторов на важнейшие народнохозяйственные процессы. Здесь в центре обсуждения буржуазных ученых находится предложенная Дж. Хиксом еще

¹ *D. Patinkin. Money, Interest, and Prices. New York, 1956.*

² См., например, *J. Tobin. A Dynamic Aggregative Model. — «Journal of Political Economy», April 1955; H. G. Johnson. Money in a Neo-Classical One-Sector Growth Model. — «Essays in Monetary Economics». London, 1967.*

³ См. гл. III, § 4.

в 1937 г. упрощенная и компактная модель общего экономического равновесия, где капиталистическое хозяйство представлено двумя рынками — товаров и денег. «Крест Хикса», как часто называют эту модель, поскольку она графически выражается двумя пересекающимися кривыми, используется для демонстрации общеэкономического эффекта кредитно-денежных и бюджетных мероприятий государства, расчета соответствующих мультипликаторов и т. д.

Большое внимание уделяется в современной литературе по деньгам изучению теоретических аспектов и эмпирических закономерностей формирования народнохозяйственной потребности в деньгах (спроса на деньги) и механизму денежной эмиссии. Важность этих работ заключается в том, что они тесно связаны с общими условиями состояния денежной сферы, а следовательно, и с вопросом о нарушениях хозяйственной устойчивости, проявляющихся в промышленных циклах и инфляции. Кроме того, от особенностей функций спроса и предложения денег во многом зависит результативность мероприятий денежно-кредитной политики.

Сугубо прикладной характер носят вопросы, связанные с различными аспектами денежно-кредитной политики центрального банка. Главное внимание уделяется здесь формулированию целей политики (их соотношению и возможным конфликтам между ними), механизму банковских резервов и возможности его эффективного использования для целенаправленного воздействия на объем платежных средств и другие параметры рынка кредита, изучению реакции различных секторов хозяйства на те или иные денежные мероприятия и т. д.

Итак, в теоретической литературе о деньгах отчетливо видны те сдвиги, которые происходят в капиталистическом хозяйстве на государственно-монополистической стадии. В эпоху империализма с ее огромным возрастанием роли банков, расширением сферы кредитных отношений и широким использованием денежно-кредитных рычагов для воздействия на конъюнктуру неоклассические представления о деньгах как о «вуали», окутывающей «реальные» хозяйственные процессы и пассивно подстраивающейся к ним, утрачивают популярность. Их место занимают концепции,

где деньги служат активным фактором капиталистического товарного производства и важным инструментом государственной политики. Соответственно значение денежной проблематики в буржуазной политической экономии неуклонно возрастает.

3. ДЕНЬГИ

КАК ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ
И КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА
МАССЫ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ

«Определение» денег: постановка вопроса. Буржуазным экономистам всегда была свойственна нечеткость позиции по вопросу о трактовке денег как политэкономической категории — сущности денег и противостоящего ей в сфере реальных хозяйственных отношений понятия денежной массы (или количества денег в обращении). Как писал в конце прошлого века У. Джевонс, «деньги для экономической науки — это то же, что квадратура круга для геометрии»¹. С течением времени положение не изменилось. И в наши дни вопрос о том, что такое деньги, снова и снова поднимается в литературе, сигнализируя о крайне неблагоприятном положении в этой области. Американский экономист П. Дэвидсон, рассматривая определения денег в работах современных западных авторов, заключает: «...неясность по поводу понятия и природы денег по-прежнему является бичом экономической теории»². Аналогичную мысль высказывает западногерманский экономист Г. Мюллер: «В нашей науке заметна тенденция все более уходить от ответа на простой вопрос, что представляют собой в действительности деньги. Стремление избегать тщательного определения фундаментальных понятий не ограничивается, конечно, только областью денег... Но в рамках общего анализа экономических процессов важно и необходимо определить природу денег таким образом, чтобы их включение в анализ не влекло за собой противоречий»³.

¹ W. S. Jevons. Money and the Mechanism of Exchange, p. 1.

² P. Davidson. Money and the Real World. — «The Economic Journal», March 1972, p. 101.

³ G. Muller. Money as an Economic Good. — «The German Economic Review», 1973, N 3, p. 193.

В истории буржуазной экономической мысли повышенный интерес к проблемам природы и отличительных черт денег возникал, как правило, в периоды кардинальных сдвигов в денежной системе, ее перестройки, массового распространения новых видов денег и платежно-расчетных отношений и т. д. Не случайно, например, острая полемика вокруг понятия денег развернулась в середине XIX в., когда в результате бурного развития кредитной системы значительно расширилась сфера банкотно-чекового обращения и безналичных расчетов. Другим поводом к усиленной полемике вокруг понятия денег послужил уход из оборота полноценных металлических денег и отмена золотого стандарта в первой трети XX в.

Новая вспышка интереса к проблемам сущности капиталистических денег наблюдается и в послевоенной экономической литературе 60—70-х годов. Вновь на повестку дня поставлен вопрос о конституирующих свойствах денег, о критериях разграничения денег и «не-денег», о месте «почти-денег» или «квази-денег» (высоколиквидных активов) в иерархии денежных понятий и т. д. Указанный круг вопросов выделяется обычно в современных работах под рубрикой «определения» денег (*definition of money*)¹.

Оживление этой дискуссии в последние годы имеет объективную основу. После второй мировой войны денежно-кредитная система капитализма вновь переживает период интенсивной перестройки. Резко усложнилась институциональная структура кредитной системы, происходит быстрый рост разнообразных небанковских кредитных институтов («финансовых посредников»), которые играют все возрастающую роль в обслуживании механизма формирования и обращения ссудных капиталов через каналы денежного рынка в капиталистических странах. Пассивы и активы этих учреждений, состоящие из различных видов долговых обязательств, вплетаются в общий процесс капиталистического воспроизводства, опосредствуют движение денежных доходов и накоплений. Усложнение кредитной надстройки в свою очередь оказывает

¹ *D. Laidler*. The Definition of Money. Theoretical and Empirical Problems. — «Journal of Money, Credit and Banking», August 1969; *G. Kaufman*. Current Issues in Monetary Economics and Policy: A Review, p. 23—26.

влияние на процессы денежного обращения и тезаврации платежных средств. Растет число альтернатив, с которыми сталкиваются хозяйствующие субъекты при размещении своих денежных доходов.

Важные изменения произошли за последние годы в технологии платежно-расчетных отношений. Широкое распространение в платежном обороте получили кредитные карточки, позволяющие осуществить безналичную покупку товаров и расчеты за услуги; растет использование потребительского кредита, дорожных чеков, безналичных расчетов с использованием ЭВМ в розничной торговле. Все это сужает традиционную сферу применения наличных денег и чеков, изменяет привычные, складывавшиеся веками формы денежных отношений. Американский экономист Л. Риттер писал недавно: «Существуют многочисленные признаки того, что наша платежная система в ближайшие десятилетия претерпит, по-видимому, столь же глубокие изменения, как в XIX в., когда вклады до востребования и чеки начали замещать монеты и бумажные деньги в качестве первичного средства обращения. Технологическая основа для альтернативного платежного механизма уже достаточно развита...»¹ В печати капиталистических стран оживленно обсуждаются проекты «общества без денег и чеков», где традиционные носители информации о денежном платеже будут заменены электрическими импульсами в системе электронной связи. Все эти сдвиги порождают настоятельную потребность в пересмотре устоявшихся теоретических определений и понятий.

В связи с этими объективными процессами в работах некоторых буржуазных авторов возникла, например, тенденция рассматривать деньги как элемент более широкого класса идентичных по своей природе «ликвидных активов». Деньги, утверждают они, выделяются лишь более высокой («превосходной») степенью ликвидности, т. е. того свойства, которое в различной мере присуще и другим экономическим объектам в системе товарных отношений. Английский профессор Р. Сэйерс, активно выступающий за низведение денег на положение «рядового финан-

¹ «Journal of Money, Credit and Banking», November 1970, p. 493.

сового актива», пишет: «Не существует какого-то одного вида активов или группы активов, которые единолично обладали бы одинаковыми денежными свойствами, отсутствующими у всех других видов активов»¹. Нетрудно заметить, что в этой трактовке деньги как всеобщий эквивалент, отражающий существеннейшие хозяйственные связи в рыночной экономике, утрачивают значение и не являются более объектом самостоятельного анализа.

В послевоенной литературе капиталистических стран широко практикуется построение «узких» и «широких» денежных агрегатов, призванных отобразить «запас», или «фонд», денег в хозяйстве. В книге «Денежная статистика Соединенных Штатов: расчеты, источники, методы» М. Фридмен и А. Шварц предлагают следующие «блоки», из которых можно составить альтернативные статистические «наборы» денежной массы, соответствующие различным теоретическим подходам: 1) наличные деньги (включая монеты и дорожные чеки «Американ экспресс»); 2) банковские вклады до востребования; 3) срочные и сберегательные вклады в коммерческих банках; 4) депозиты взаимно-сберегательных банков и почтово-сберегательной системы; 5) акции ссудо-сберегательных ассоциаций; 6) кассовая оценка полисов по страхованию жизни; 7) государственные сберегательные бонны серии E².

Из 127 возможных комбинаций этих элементов авторы книги выбирают четыре основных «кандидата» на роль показателя денежной массы: M_1 (сумма первых двух элементов), M_2 , M_3 и M_4 (с прибавлением следующих по порядку элементов — 3, 4 и 5-го).

Принцип многовариантности понятия денег или денежной массы проник в последние годы в официальную статистику. В США Федеральная резервная система регулярно публикует начиная с 1971 г. три денежных агрегата, Банк Англии (тоже с 1971 г.) — три, а затем два; Совет по кредиту и банкам Франции — два и т. п.

Отход от традиционной трактовки денег, привед-

¹ R. S. Sayers. Monetary Thought and Monetary Policy in England. — «Economic Journal», December 1964, p. 716.

² M. Friedman, A. Schwartz. Monetary Statistics of the United States: Estimates, Sources, Methods. New York, 1970, p. 149.

ший к усложнению системы денежных показателей, порождает трудные проблемы для органов денежно-кредитного контроля в капиталистических странах. Дело в том, что различные агрегаты существенно отличаются по величине и темпам роста. Так, в США три официально применяемые оценки денежной массы в декабре 1972 г. равнялись соответственно 255,5; 525,1 и 822,0 млрд. долл.¹ M_2 в 2 раза, а M_3 — более чем в 3 раза превышает «узкий» показатель денежной массы. Кроме того, амплитуда их колебаний не совпадает: в 1969 г., например, показатель M_1 вырос в США на 3,1%, а M_2 — на 2,4%, а в 1970 г. M_2 уже не отставал, а значительно перегонял M_1 (рост на 8,2% против 5,4% для M_1)².

В связи с использованием альтернативных статистических показателей денег в теоретической литературе все чаще выражается сомнение по поводу пригодности традиционного понятия денег в новых условиях, сложившихся в кредитно-денежной сфере. Соответственно продолжают поиски таких определений денег, которые вобрали бы новые элементы платежного оборота и вместе с тем позволили бы отграничить понятие денег, уберечь его от окончательного растворения в безбрежном океане «ликвидных активов».

Но вместо углубленного изучения процесса развития денег от низших форм к высшим, диктуемого изменениями в способе производства, буржуазные экономисты идут по пути формально-статистических тестов, сопоставления ликвидности у различных объектов экономического оборота.

Стремление обойти качественную сторону денег наиболее отчетливо проявляется у сторонников позитивистского подхода к изучению экономических явлений с их ярко выраженным приоритетом статистико-эмпирического анализа. Один из активных пропагандистов этого подхода, М. Фридмен, рассматривает проблему выделения денег в особую категорию лишь как удобный способ группировки статистических наблюдений. Его подход хорошо характеризуют следующие слова: «Определение денег нужно выби-

¹ «Federal Reserve Bulletin», August 1973, p. A17.

² Board of Governors of the Federal Reserve System. «Annual Report, 1970», p. 21.

рать не на основе какого-то принципа, а исходя из соображений пользы в организации наших знаний о хозяйственных связях. «Деньги» — это то, чему мы придаем численную величину с помощью обусловленной процедуры; это не то, что уже существует в природе и должно быть открыто, как, например, Американский континент; это экспериментальная теоретическая конструкция, которую нужно изобрести, подобно понятиям «длина», «температура» или «сила» в физике»¹.

Далеко не все экономисты-денежники согласны с таким утилитарно-прагматическим подходом. Английский профессор Э. Морган полемизирует с его сторонниками, указывая, что построение регрессионных уравнений «дополняет, а не заменяет изучения основных качественных характеристик денег, благодаря которым деньги играют особую роль в экономическом анализе»².

В зависимости от подхода к вопросу о понятии денег Дж. Кауфман делит современных теоретиков на «концептуалистов» и «эмпириков»³. Первые считают, что предварительным этапом построения денежных агрегатов должен быть теоретический анализ специфических свойств денег, подыскание критериев, которые позволили бы отделить одни элементы денежной массы от других сходных элементов. Вторые считают такое «априорное» определение конституирующих свойств денег методологически неприемлемым. По их мнению, только экспериментальное сопоставление различных агрегатов, выявление их большего или меньшего соответствия определенной теоретической гипотезе (например, наличие тесной статистической связи между изменением объема платежных средств и колебаниями величины национального дохода) может служить основанием для отнесения к категории денег. Рассматривая это деление, Фридмен и Шварц пишут: «Для первых одна разграничительная линия

¹ M. Friedman, A. Schwartz. Monetary Statistics of the United States: Estimates, Sources, Methods, p. 137.

² E. V. Morgan. The Essential Qualities of Money. — «The Manchester School of Economic and Social Studies», September 1969, p. 237.

³ G. Kaufman. Current Issues in Monetary Economics and Policy: A Review, p. 23.

(между деньгами и «не-деньгами». - В. У.) означала правильный подход, а все другие — ошибочный; для вторых же эта линия могла быть сдвинута в зависимости от существа изучаемой проблемы...»¹ Иначе говоря, с точки зрения второй группы экономистов, не существует неизменного понятия денег: оно меняется в зависимости от задач анализа.

Глубокий кризис, который переживает буржуазная наука по вопросу «определения» денег и их статистического измерения связан с непониманием диалектического единства и противоречий денег и товара, которые даны в марксистском учении о деньгах. Только на основе глубокого проникновения во внутреннюю природу денег можно понять, почему деньги сочетают уникальные свойства всеобщего эквивалента и в то же время родственны остальному товарному миру.

Американский экономист К. Боулдинг остроумно высмеивает современный спор об определении денег:

Нам нужно удачное определение денег,
Ибо если его не будет, то мы получим
Количественную теорию, но неизвестно какую²,
А это было бы слишком близко к истине, чтобы над этим
можно было смеяться.
Банки выпускают нечто, как пчелы выделяют мед
(И кое-что прилипает к их рукам).
Но какие предметы ликвидны, а какие нет —
Зависит от делового климата, от конъюнктуры,
Ибо очень большой круг активов можно отнести
И к средствам сохранения стоимости, и к средствам
обращения.
Так что ваше определение денег не лучше, чем мое.
Ясно, что при наличии компьютеров, управляемых с помощью
кредитных карточек,
Деньги, как таковые, в один прекрасный день исчезнут,
И нам не придется определять то, чего нет³.

Здесь в пародийной форме шекспировского сонета дана квинтэссенция споров, ведущихся на страницах западной печати: отсутствие формальных кри-

¹ M. Friedman, A. Schwartz. Monetary Statistics of the United States: Estimates, Sources, Methods, p. 103.

² Автор имеет в виду, что без четкого определения денег теряет смысл количественная теория денег, где главная функциональная зависимость выражена в виде определенного числового отношения между уровнем цен и запасом платежных средств в обороте.

³ «Journal of Money, Credit and Banking», August 1969, p. 555.

териев (и в частности неопределенность критерия ликвидности) для отграничения денег от «не-денег», расширение круга денежных субститутов, идея грядущего «исчезновения» современных видов денег в связи с распространением ЭВМ и электронных расчетов.

Рассмотрение позиции современных буржуазных теоретиков по вопросу о сущности («определении») денег требует исторической ретроспективы. Спор по этим вопросам довольно активно велся и в XIX в. «Качественные» аспекты изучения денег традиционно связывались с их функциями. С этого вопроса мы и начнем рассмотрение эволюции понятия денег.

Анализ денежных функций. «Деньги определяют их функциями; деньги — это то, что используется как деньги». Этой фразой открываются «Критические очерки по теории денег» Дж. Хикса, расцениваемые как наиболее серьезный вклад в теорию денег за последние годы¹. Приведенное высказывание хорошо отражает особенности подхода к рассмотрению денег как экономической категории в современной литературе. Суть его заключается в приписывании деньгам определенных функций, выборе «главной» функции и последующем построении на этой основе «статистических двойников» денежной массы.

Сосредоточение качественного анализа денег на изучении денежных функций и выведение понятия денег из характера той «работы», которую они выполняют, методологически не обосновано. Это приводит, как правило, к плоской и бессодержательной тавтологии, которая столь наглядно выражается в крылатой фразе американского экономиста Ф. Уокера «Деньги — это то, что они выполняют» (*Money is what money does*), высказанной еще в прошлом веке и с тех пор кочующей по страницам западных учебников и книг по проблемам денег². Одним из вариантов ее является и приведенное выше определение Хикса, которое не дает ответа на вопрос, что такое деньги.

Рассмотрение сути денег через призму их функций логически предопределяет и другую черту под-

¹ J. Hicks. *Critical Essays in Monetary Theory*, p. 1.

² F. A. Walker. *Money Trade and Industry*. New York, 1878, p. 1.

хода буржуазных экономистов — абсолютизацию какой-то одной функции, выделение ее в качестве ключевой и решающей при игнорировании прочих функций. Выпячиваются лишь определенные свойства денег, которые могут в большей мере отвечать природе одних, подчас отживающих и архаичных форм денежного обращения, и слабо проявляться в новейших условиях.

Разумеется, изучение денежных функций — важная фаза анализа денег. Но функции сами по себе лишь отражают глубинные свойства денег. Маркс выводит деньги из анализа противоречий товара, указывает на их важнейшую основополагающую черту — служить всеобщим воплощением абстрактного труда и вместилищем меновой стоимости. «Особенный товар, представляющий, таким образом, адекватное бытие меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров в качестве особенного, выделенного товара и есть деньги»¹. Коль скоро определены конституирующие черты денежного товара как всеобщего эквивалента, анализ функций представляет дальнейшую конкретизацию сущности денег. Через функции деньги реализуют свою особую роль в товарном мире. Но, будучи самостоятельным элементом системы хозяйственных отношений, они не могут быть сведены к выполняемой ими «работе».

Если идти от функций денег к их сути, а именно такой метод принят буржуазными исследователями, то неизбежным является произвольное выделение каких-то граней и денежных свойств в соответствии с заранее заданными доктринерскими установками и субъективными склонностями автора. Так, акцент на функциях сокровища и мировых денег абсолютизировал свойства их низших форм, свойственных простому товарному обращению. Исторически это приводило к металлистическим взглядам. Выдвижение же на первый план функции средства обращения или платежа, при игнорировании других функций денег, способствовало расцвету номиналистических воззрений, неспособных объяснить диалектический процесс созревания современных кредитных денег.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 35.

В самой трактовке денежных функций в буржуазной экономической литературе происходили определенные сдвиги. В работах конца XIX — начала XX в. обычно отмечалось выполнение деньгами следующих функций: средство обращения (*medium of exchange*), мера стоимости (*measure of value*), функция сбережения (*store of value*), функция отсроченных платежей (*standard of deferred payments*). Вместе с тем в подходе отдельных авторов проявилось стремление либо расширить набор этих функций, либо, напротив, максимально сузить их, свести к «главной» функции. В связи с первой тенденцией американский ученый-денежник Г. Эллис, подвергший детальному анализу наиболее распространенные денежные концепции и доктрины первой трети XX в., указывал на многочисленные попытки формулирования дополнительных функций денег, например перенесения стоимости во времени и в пространстве, тезаврации, страховки от непредвиденных обстоятельств, предоставления кредита, перемещения капитала от одного владельца к другому, уплаты налогов и долгов, дарения, демонстрации богатства и т. д. и т. п.¹

Другая, более распространенная тенденция состояла в сведении функций денег к одной функции, например средства обращения, или к «абстрактной единице счета». Следует при этом отметить, что в начале XX в. функция меры стоимости была уже практически повсеместно изгнана из анализа (даже если и фигурировала под таким названием) и заменена функцией «счетной единицы». В этом отношении большую роль сыграл выход книги одного из наиболее влиятельных представителей немецкого номинализма, Г. Кнаппа, «Государственная теория денег» (1905 г.). Стремясь обеспечить «концептуальное единство» всех видов денег, Кнапп лишает деньги каких-либо свойств, за исключением свойства погашать долги².

Кейнс в «Трактате о деньгах» писал: «Счетные деньги — а именно то, в чем выражаются долги, цены

¹ H. S. Ellis. *German Monetary Theory: 1905—1933*. Cambridge, Mass., 1934, p. 104.

² Эта тенденция очень стара: она идет от Дж. Беркли и Дж. Стюарта в XVII в. к авторам конца XIX в. «Денежная единица исчерпывает понятие денег», — писал Дель Мар (*A. Del Mar. The Science of Money*. New York, 1896, p. 199).

и общая покупательная сила, — служат первостепенным понятием в теории денег. Деньги, как таковые (money-proper), в полном значении слова могут существовать лишь в отношении к счетным деньгам»¹.

Маркс в свое время указывал, что смешение денег со счетной единицей означает смешение функции меры стоимости с масштабом цен. Подобная подмена представляет одну из самых распространенных ошибок при анализе металлических денег². В современной буржуазной политэкономии такой подход является общепринятым для всех направлений и школ денежного анализа. При этом не делается качественного различия между низшими (основанными на металле) и высшими (кредитными) системами эмиссии, тогда как именно это различие существенно для уяснения изменившихся условий формирования меновой стоимости денег.

Важный сдвиг в трактовке денежных функций в XX в. заключается в возросшем внимании к функции сбережения, или, если следовать английскому написанию, функции «сохранения стоимости» (store of value function). В свое время представители металлического направления особым образом трактовали эту функцию — как присущую только металлическим деньгам и проявляющуюся при их тезаврации. В этом свойстве они усматривали главный критерий отграничения действительных денег от их суррогатов. В номиналистической же литературе этой функции, естественно, уделялось мало внимания. Как писал впоследствии Ш. Рист, который в соответствии с традициями французских экономистов-денежников придерживался идеи «теоретического металлизма», «...резервная функция металлических денег имеет фундаментальное значение; и при игнорировании ее возникает ряд ошибок»³. Вместе с тем Рист полагал, что ортодоксальные металлисты, равно как и их противники, одинаково ошибаются, отказывая бумажным деньгам в способности выполнять «резервную» функцию, или функцию «сохранения стоимости»: «Бумаж-

¹ J. M. Keynes. A Treatise of Money, vol. I, p. 1, 3.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 60—70.

³ C. Rist. History of Monetary and Credit Theory. London, 1940, p. 326—327. Впервые книга издана в Париже в 1938 г. под названием «Histoire des Doctrines relatives aux Crédit et à la Monnaie».

ные деньги могут выполнять эту функцию... но делают это очень плохо»¹.

В работах авторов кембриджского направления впервые начали акцентироваться две функции денег как существенные для характеристики их природы — функция средства обращения и функция сбережения. В связи с этим подходом Маршалл различал, например, «обращающиеся» и «тезаврированные» деньги, Робертсон — деньги «в движении» и «в покое»; Кейнс в «Общей теории» делит деньги на «активные» и «пассивные». Подчеркивание двух функций было связано с анализом мотивов накопления денег, который характерен для современного подхода к изучению спроса на кассовые остатки. При этом сторонники различных теоретических подходов акцентируют внимание на какой-то одной функции, оставляя вторую в тени, либо соединяют обе чисто формальным образом.

Английский экономист У. Ньюлин пишет, например: «Важная функция, позволяющая нам определить деньги, очень проста: она состоит в том, что деньги используются как средство обращения»². Эта функция служит у него главным критерием отграничения денег. В то же время в книге говорится и о других функциях, но, по мнению автора, «ни одна из них не является необходимым или достаточным условием» для определения денег. В итоге «деньгами служит то, что функционирует в широких масштабах как средство обращения. Необходимым условием для выполнения этой меновой функции является общая приемлемость для исчисления долгов»³. В этом определении четко проступает идентичность подхода Ньюлина с общей номиналистической позицией начала века.

В других работах акцент делается на функции сохранения стоимости, иначе говоря, центральным моментом служит не факт платежа (перехода денег от

¹ C. Rist. History of Monetary and Credit Theory, p. 337.

² W. T. Newlyn. Theory of Money. London, 1962, p. 1.

³ W. T. Newlyn. Theory of Money, p. 2. Идентичные определения широко распространены в современных работах. Американские экономисты Л. Риттер и У. Силбер пишут: «Деньги — это то, что принимается всеми как средство платежа или для погашения долга» (L. Ritter, W. Silber. Money. New York, 1970, p. 9).

одного субъекта к другому), а факт накопления денег в кассах предприятий и частных лиц. Но в целом для широкого круга современных авторов наиболее типичной является эклектическая позиция: выделение двух «главных» функций денег (средства обращения и «сохранения стоимости») и дополнение их функцией «счетных денег». Такие определения можно встретить в работах Дж. Хикса, Т. Сцитовского, Д. Патинкина и других ведущих денежников¹.

Ранние определения денег и денежной массы. Развивая в литературе домонополистического периода положения о функциях денег использовались как теоретическая база для построения статистического показателя, выражающего «фонд», или количество, обращающихся денег. Наиболее часто встречались следующие комбинации элементов денежного обращения: 1) сумма металлических денег (полноценных и неполноценных монет) и государственных бумажных денег с принудительным курсом; 2) к указанным выше компонентам прибавлялись банкноты; 3) к агрегату, указанному в пункте 2, прибавлялись кредитные орудия обращения, выполняющие платежные функции, — чеки и торговые векселя.

Стремясь расширить круг альтернативных денежных понятий, не нарушая при этом единства принятых традиционных определений, английский экономист Г. Торнтон ввел в начале XIX в. термин «средства платежа» (*means of payments*), наряду с которым часто использовалось понятие «орудие обращения» (*circulating medium* или *currency*). Эти термины были самыми ранними предвестниками грядущего перехода к более широким денежным агрегатам. Они включали такие элементы тогдашней денежной системы Англии, как металлические и бумажные деньги, банкноты Банка Англии и провинциальных банков, банковские депозиты (или чеки), коммерческие векселя.

Наиболее спорным вопросом в XIX в. был вопрос о правомерности включения в состав «подлинных» денег банкнот, которые в тот период являлись относительно новым элементом денежного обращения. Ина-

¹ J. R. Hicks. *Critical Essays in Monetary Theory*, p. 1—60; T. Scitovsky. *Money and the Balance of Payment*. Chicago, 1969, p. 1—11; D. Patinkin. *Money, Interest, and Prices*, p. 15.

че говоря, полемика вращалась вокруг первых двух из указанных выше комбинаций денежных элементов. Что касается третьего агрегата, то, хотя отдельные авторы время от времени отождествляли с деньгами долговые обязательства — банковские депозиты или базирующиеся на них платежные средства (Дж. Ло, Дж. Стюарт, Г. Маклеод, С. Ньюкомб), эта трактовка не получила тогда широкого распространения. Включение остатков на банковских счетах в денежную массу произошло лишь в XX в., причем инициаторами такого включения выступили экономисты кембриджской школы (Р. Хоутри, Д. Робертсон, Дж. Кейнс).

Интересно отметить, что теория отстала от практики по меньшей мере на полвека: безналичные расчеты активно использовались для замещения наличных денег уже в последней трети XIX в.

Сторонники наиболее узкой трактовки денег, как правило, связывали качественные особенности денег с денежным материалом, обладающим стоимостью независимо от монетной формы. Что касается объединения металлических и бумажных денег в едином агрегате, то эта практика обосновывалась различными соображениями — от ссылок на «представительный характер» бумажных денег до признания действительных денег «чистым богатством» (а не свидетельством долга), в силу чего кредитные орудия обращения, погашаемые в конечном счете «подлинными» деньгами, не попадали в эту рубрику.

Те экономисты, которые выступали за включение в понятие денег банкнот (но не депозитов!), выдвигали на первый план платежную функцию денег. Для отделения банкнот от других элементов кредита обычно указывали на то, что банкноты, как и другие виды наличных денег, имеют всеобщее хождение и обладают силой законного платежного средства, тогда как, например, сфера обращения чеков гораздо более локализована¹. Другие доводы заключались в ссылке на существенные расхождения в скорости обращения между банкнотами и средствами на депозитных сче-

¹ Этому взгляду способствовали правовые акты, которыми банкноты наделялись обязательной платежной силой (в Англии в 1833 г., во Франции в 1876 г. и т. д.).

гах или на наличие устойчивых пропорций между наличными деньгами и депозитами.

Классификация взглядов отдельных авторов XVIII—XIX вв. по вопросу об определении денег представляет весьма сложную задачу. Дело в том, что в большинстве работ того периода отсутствуют четкие определения; более того, в одной и той же работе можно встретить противоречивые, подчас взаимно исключаящие трактовки. Кроме того, определение состава денежной массы само по себе не давало еще законченного представления об общей позиции автора по всему кругу теоретических денежных проблем, о принадлежности его к той или иной школе. Такие разные экономисты, как Р. Кантильон, Дж. Милль, Т. Тук и т. д., называли в своих сочинениях деньгами полноценные металлические монеты, тогда как Г. Торнтон, Д. Рикардо, Дж. Маккулох, Ф. Уокер, Э. Кеннен включали в денежную массу и банкноты.

Но классификация только по этому внешнему признаку была бы обманчивой. Исходя из нее, представителей знаменитой в 40—60-х годах XIX в. банковской школы (Т. Тук, Дж. Фуллартон, Дж. Ст. Милль) следовало бы отнести к числу сторонников узкой трактовки денег, а представителей денежной школы (например, Дж. Норман) — к сторонникам более широкого понятия. В действительности же положение было как раз обратным: именно банковская школа отстаивала расширительную трактовку денег и пыталась устранить китайскую стену между металлическими деньгами и прочими средствами обращения.

Полемика между денежной и банковской школами является, пожалуй, одной из наиболее ярких страниц в истории буржуазной науки о деньгах. Не случайно этому теоретическому спору большое внимание уделял Маркс, который, отмечая ошибки обоих направлений, подвергал особенно острой критике денежную школу и базирующееся на ее идеях законодательство Англии¹.

Для нас полемика в середине XIX в. важна потому, что тогда была впервые четко поставлена проб-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 164—165; т. 25, ч. II, стр. 33, 61, 96, 102.

лема классификации сложной иерархии денежных понятий, с которой буржуазная политекономия сталкивается в наши дни. Не случайно в ряде недавно изданных на Западе работ проводится параллель между полемикой сторонников узких и расширительных трактовок денег в середине XIX в. и в наши дни. Аналогия настолько близка, что английский экономист Харрингтон заключает: «Два взгляда на деньги по существу не изменились на протяжении почти двух столетий». В статье «Спор по вопросам денег» он далее пишет: «Несмотря на множество новых фактов, на очевидный прогресс в экономической теории, несмотря на неоклассические новшества и на так называемую «кейнсианскую революцию», экономисты по-прежнему ведут полемику по тем же проблемам, которые разделяли Рикардо и его сторонников»¹. Поскольку корни современных дискуссий восходят к первой половине XIX в., необходимо кратко остановиться на этой полемике.

Естественным центром острых противоречий по вопросам понятия денег и устройства денежной системы в период капитализма свободной конкуренции была Англия, где ранее других стран возникли развитые кредитные отношения и основанное на них обращение банкнот и чеков. Непосредственным толчком к разворачиванию дискуссии было обесценение неразменных на золото банкнот Банка Англии в период 1797—1821 гг. На поверхности это обесценение выражалось в повышении банкнотной цены золота в слитках. Д. Рикардо в своей работе «Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот» (1811 г.) и в других сочинениях по вопросам денег² предложил теоретическое объяснение наблюдаемого феномена с позиций количественной теории. В его схеме ценность денежной единицы зависела от количества платежных средств (в том числе от суммы эмитируемых банкнот). Характеризуя позицию Рикардо, Маркс писал: «Это обесценение,— не бумажных денег по отношению к золоту, а золота и бумажных денег, вместе взятых, или совокупной массы средств об-

¹ R. Harrington. *Monetarist Controversy* («The Manchester School of Economic and Social Studies», December 1971, p. 269).

² Давид Рикардо. Соч., т. II. М., 1955.

ращения данной страны, — представляет собой одно из главных открытий Рикардо, которое лорд Оверстон и К^о поставили себе на службу и сделали основным принципом банковского законодательства сэра Роберта Пеля 1844 и 1845 годов»¹. Именно увеличение выпуска банкнот было, по мнению Рикардо, главной причиной обесценения денег в Англии. Как он писал, проблема заключается не в высокой цене слитков, а в низкой «цене» бумажных денег (неразменных банкнот).

Противники Рикардо возражали, что главная причина инфляции кроется не в выпуске банкнот, а в общеэкономической ситуации, и в частности связана с факторами на стороне предложения товаров. По их мнению, главной причиной роста цен было то, что в период войны поставки многих товаров уменьшились. Кроме того, Англия предоставила часть золотого запаса своим союзникам по войне, и поэтому (второй довод) выпуск банкнот лишь заместил общее сокращение массы металлических денег в обращении.

По окончании войны и восстановлении разменности банкнот на золото дискуссия не прекратилась, но приняла несколько иную направленность. Главное внимание уделялось следующему вопросу: каким должно быть устройство механизма денежной эмиссии, чтобы предотвратить возможность инфляционного обесценения денег? Цель экономической политики того периода заключалась в поддержании устойчивого курса английской валюты на внешнем рынке. Здесь следует искать корни панического страха английских политических деятелей и экономистов перед инфляцией. Повышение внутренних цен ограничивало возможности экспорта и стимулировало импорт, нарушая тем самым равновесие платежного баланса. Для недопущения роста цен сторонники денежной школы рекомендовали ограничивать выпуск банкнот жесткими рамками золотого запаса, так как, по теории Рикардо, золото распределяется между странами пропорционально объему торговли и, следовательно, в точности соответствует потребностям оборота. Банкноты же только тогда необходимы, когда они замещают деньги. Отсюда стремление так построить механизм

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 154.

банкнотной эмиссии, чтобы он автоматически приспособлял выпуск банкнот к колебаниям металлического запаса центрального банка. Здесь явно проявилось непонимание тогдашними экономистами качественно иной природы кредитных денег по сравнению с металлическими.

Банковская школа, напротив, считала, что жесткое и механическое регулирование денежной массы чревато пагубными последствиями для экономики страны. По мнению сторонников этого течения, выпуск банкнот не должен подчиняться автоматическому правилу; его необходимо сознательно корректировать, но не в связи с изменением металлического запаса, а в зависимости от изменяющейся потребности оборота в платежных средствах, что требует элемента человеческих суждений и оценок (принцип дискреции). Автоматизм в регулировании эмиссии в условиях господства золотого стандарта неизбежно приводит к резкому сокращению выпуска банкнот в моменты наивысшей потребности в них. В результате возникает ситуация острого «денежного голода», которая приводит к появлению различных суррогатов и заменителей денег.

Указывая на то, что полноценные деньги могут успешно замещаться в отдельных функциях кредитными орудиями, авторы банковской школы акцентировали внимание на отсутствии функциональных различий между деньгами и их субститутами. Дж. Ст. Милль, например, подчеркивал большое значение коммерческого кредита (в виде векселей и открытых счетов) и отрицал наличие четкой грани между обращением банкнот и чеков. Что же касается опасности чрезмерного выпуска банкнот, то при наличии кредитного обеспечения избыточные банкноты вернутся в банки и не приведут к переполнению денежного обращения.

Если резюмировать существо спора обоих направлений, то его можно свести к трем вопросам: 1) является ли величина денежной массы причиной или следствием изменений в экономике (или, если следовать современной терминологии, экзогенной или эндогенной величиной в системе экономических связей)? 2) существует ли четкая грань между деньгами и денежными субститутами? 3) должен ли центральный

банк руководствоваться в своей эмиссионной деятельности автоматическими принципами или же регулировать эмиссию по своему усмотрению? Эти вопросы и по сей день звучат очень актуально.

По первому вопросу денежная школа занимала традиционную позицию, соответствовавшую исходным предпосылкам количественной теории денег. Ее представители полагали, что денежная масса служит инициатором хозяйственных сдвигов, хотя конечный эффект изменения денег (в долговременном аспекте) сводился лишь к сдвигам в «ценностной оболочке». Банковская же школа, напротив, подчеркивала влияние, идущее от хозяйственного оборота к деньгам. Деньги при таком подходе играют роль пассивного фактора и, как правило, также не оказывают самостоятельного воздействия на процессы в «реальном» секторе воспроизводства.

По второму и третьему вопросам (о составе денежной массы и принципах ее регулирования) экономисты денежной школы стремились провести четкую разграничительную линию между деньгами и другими орудиями обращения, подчеркивая при этом вещественно-материальный характер металлических денег. Из их подхода следовало, что деньги «уникальны», не имеют достаточно близких субститутов и не могут быть успешно замещены в ряде своих функций. Кроме того, они полагали, что между деньгами и другими средствами обращения всегда поддерживается устойчивое отношение. Поэтому вся сфера денежного обращения должна функционировать так, как если бы в ней находились только металлические деньги. А для этого механизм эмиссии банкнот необходимо жестко привязать к изменениям золотого запаса.

В противовес этой концепции банковская школа подчеркивала наличие широкого класса достаточно близких субститутов металлических денег в виде чеков, векселей и других кредитных орудий обращения и поэтому выступала против сведения денежного обращения к изменениям металлического базиса. При повышенном спросе на средства платежа недостаток металлических денег может компенсироваться альтернативными формами и суррогатами денег, причем кредитная гарантия банкнот обеспечивает механизм их обратного притока в эмиссионные учреждения.

Идеи банковской школы, как мы видим, более соответствовали новому, нарождавшемуся механизму денежной эмиссии эпохи промышленного капитализма. Но в исторических условиях середины XIX в. победу одержала денежная школа, что надолго определило как специфические пути развития денежной теории, так и особенности выпуска платежных средств в Англии и других капиталистических странах, копировавших черты устройства денежного обращения тогдашней «мастерской мира». Маркс писал, что большую роль в таком исходе спора сыграли интересы денежных капиталистов, банкиров, спекулянтов деньгами, которым политика ограничения платежных средств приносила баснословные прибыли. Впоследствии вся практика денежного обращения и серьезное обострение торговых и денежных кризисов во второй половине XIX в. показали несостоятельность ряда ключевых идей и взглядов денежной школы, что обусловило резкую критику этой доктрины в буржуазной литературе.

Тем не менее, несмотря на прогрессирующую перестройку денежно-кредитной сферы, относительное сужение металлического обращения и огромное развитие чекового и вексельного оборота, наиболее крупные экономисты конца XIX — начала XX в., за небольшим исключением, занимали традиционную металлистическую позицию. В литературе преобладало деление на «собственно деньги», к которым формально относились лишь металлические монеты и разменные на металл банкноты, и «орудия обращения» (или фидуциарные деньги), куда зачислялись прочие кредитные инструменты. И. Фишер и другие американские авторы первой четверти XX в. выделяли золотые деньги в особую категорию «первичных денег», а банкноты и депозиты включали в категорию «средств обращения»¹.

В странах континентальной Европы также не было единодушия в трактовке элементов денежной массы. Большинство французских экономистов применяли термин «деньги» только к полноценным металлическим деньгам. В Скандинавских странах сохра-

¹ I. Fisher. The Purchasing Power of Money. New York, 1911, p. 10.

нялось деление на «стандартные деньги» (металлические монеты) и «средства обращения» (К. Викселль). Аналогичную позицию занимали австрийские и немецкие экономисты (Л. Мизес, К. Гельферих). Иначе говоря, различные формы кредитных денег не признавались самостоятельным и качественно отличным элементом капиталистического денежного обращения, а «привязывались» к металлическим деньгам, пришедшим из докапиталистических формаций.

20-е и 30-е годы XX в. явились своеобразным рубежом в переформулировании денежных понятий и перестройке показателей денежной массы. Главный сдвиг заключался в том, что не только банкноты, но и банковские депозиты, служащие основой для выписки чеков, были включены в объем платежных средств, в денежную массу. Здесь несомненно сыграли роль отмена системы металлического стандарта в подавляющем большинстве стран и сужение сферы обращения наличных денег. Демонетизация благородных металлов сделала устаревшим прежнее деление на «собственно деньги» и «средства обращения». А концентрация подавляющей части расчетов в безналичном банковском обороте продемонстрировала архаичность отнесения к деньгам только наличных платежных средств.

Пионерами активного использования более широких денежных понятий в экономическом анализе были американские экономисты Л. Кюрри и Дж. Энджелл¹. Они детально изучили динамику отдельных компонентов денежного оборота и построили статистические ряды для различных определений денежной массы. Кюрри предложил, например, следующий статистический эквивалент этого показателя: наличные деньги (монеты и банкноты) в обращении за вычетом сумм их, находящихся в кассах кредитных учреждений, плюс остатки на чековых счетах и минус межбанковские депозиты². Вычеты, которые были сделаны из денежной массы, Кюрри обосновал следующим образом: суммы наличных денег в кассах

¹ L. Currie. The Supply and Control of Money in the United States; J. W. Angell. The Behavior of Money. New York, 1936; J. W. Angell. Investment and Business Cycles. New York, 1941.

² L. Currie. The Supply and Control of Money in the United States, p. 24.

банков являются по существу резервом, предназначенным для погашения другого компонента денежной массы — депозитов, и во избежание двойного счета их необходимо исключить. Аналогичным образом суммы межбанковских депозитов в совокупном балансе банковской системы взаимно погашаются.

Энджелл помимо указанного агрегата использовал более широкое понятие денежной массы, включив в него срочные и сберегательные банковские вклады, служащие своеобразным резервом ликвидных активов. Компоненты более узкого агрегата (наличные деньги плюс чековые счета) Энджелл называл «обращающимися деньгами» (*circulating money*), а более широкий агрегат — «общей суммой денег» (*total money*)¹. После второй мировой войны эти агрегаты, как уже говорилось выше, получили широкое распространение в теоретической литературе и в статистике капиталистических стран. Таким образом, были не только значительно расширены рамки понятия денег, но и введена практика использования его альтернативных вариантов.

Деньги и ликвидность: критерии выделения денег в современной литературе. Работы Кейнса оставили глубокий след в теории денег. Главной чертой, которая отличала концепцию Кейнса от традиционных постановок, было решительное выдвижение на первый план резервной функции (функции «сохранения стоимости») в качестве определяющего свойства денег, тогда как количественная теория, как правило, акцентировала внимание на функции средства обращения.

Особое качество, отводящее деньгам специфическое место в системе хозяйственных связей, заключается, по мнению Кейнса, в ликвидности, в их способности воплощать «готовую» покупательную силу. В этом отношении деньги превосходят все другие элементы хозяйственного оборота (например, товары, ценные бумаги и т. д.), которые также обладают указанным свойством, но в меньшей степени. Именно стремление обеспечить ликвидность заставляет агентов капиталистического производства накапливать деньги в размерах, превышающих минимальную потребность в них платежного оборота, несмотря на то

¹ J. W. Angell, *The Behavior of Money*, p. 5—11.

что эти дополнительные фонды денег не приносят их владельцу дополнительного дохода в форме процента.

Эти соображения имели важные последствия для денежной теории, и в частности для определения денег. Как только ликвидность становится отличительным свойством денег, четкая грань между деньгами и «не-деньгами» исчезает. Специфика денег становится вопросом не качественных, а чисто количественных различий. Не случайно в кейнсианской теории проблема определения денег диктуется прагматическими соображениями. Как писал Кейнс, «мы можем провести грань между «деньгами» и «долгами» в той точке, где это наиболее удобно при рассмотрении какой-либо частной проблемы»¹.

Последователи Кейнса подхватили и развили этот подход, причем многие современные авторы склонны вообще игнорировать тот факт, что в первоначальном виде понятие предпочтения ликвидности у Кейнса включало и платежную функцию денег, т. е. потребность в средствах обращения. Деньги в их работах изображаются как рядовой элемент «набора» финансовых активов, не отличающихся в принципе друг от друга². При таком подходе внимание сосредоточивается на процессах замещения денег другими активами (финансовыми или реальными) в балансах хозяйственных единиц (потребителей, капиталистических фирм, кредитно-финансовых институтов и т. д.), а основным критерием отграничения денег от «не-денег» становятся чисто формальные моменты, например статистически оцениваемая степень замещаемости (substitution) различных активов³.

¹ J. M. Keynes. *The General Theory...*, p. 167. Как правило, Кейнс включает в запас денег все виды банковских депозитов (в том числе срочные вклады).

² «...Рассмотрение денег как вида активов, отличающихся от других своей превосходной ликвидностью, является обычным положением среди современных теоретиков» (H. Johnson. *Monetary Theory and Monetary Policy*. — *«Surveys of Economic Theory»*, vol. I, p. 1).

³ E. L. Feige. *The Demand for Liquid Assets: A Temporal Cross Section Analysis*. Englewood Cliffs, 1964; T. H. Lee. *Alternative Interest Rates and the Demand for Money; The Empirical Evidence* — *«The American Economic Review»*, December 1967; G. Kaufman. *More on an Empirical Definition of Money*. — *«The American Economic Review»*, March 1969; W. K. Chetty. *On Measuring the*

Несмотря на то что в современной литературе о деньгах эти идеи получили чрезвычайно широкое распространение, лишь небольшая группа авторов доводит их до логического конца, делая неизбежный при таком подходе вывод о принципиальной невозможности четкого выделения денег как фактора, имеющего самостоятельное экономическое значение. Большинство современных экономистов Запада по традиции тяготеет к трактовке, опирающейся на функцию средства обращения как важнейшую отличительную характеристику денег. Но идея наиболее экстремистского крыла неокейнсианского течения об «устарелости» понятия денег прочно укоренилась в современной литературе.

Выше уже говорилось, что с точки зрения подхода к определению денег современных авторов можно разделить на сторонников «априорного» и «эмпирического» подхода. В качестве критерия «априорных» определений денег используются: 1) критерий нейтральности (У. Ньюлин, Л. Йэгер); 2) критерий чистого богатства (Б. Пешек и Т. Сэйвинг) и 3) критерий ликвидности (Дж. Герли и Э. Шоу, авторы отчета Рэдклиффа).

Начнем с критерия нейтральности. У. Ньюлин проводит разграничение между деньгами и «квази-деньгами» на основе функции средства обращения. По его мнению, ко второй категории относятся те элементы финансовой сферы, «которые, будучи неотличимы от денег как активов, не функционируют широко в качестве средства обращения»¹. Основным спорным элементом, на котором сосредоточивает в дальнейшем внимание Ньюлин, — срочные и сберегательные вклады в коммерческих банках. Относятся ли они к «собственно деньгам» или к категории «квази-денег», близких денежных заместителей? Ньюлин считает, что *de facto* эти вклады являются деньгами и могут выполнять платежные функции. Но трудность такой интерпретации заключается в том, что вклады не могут быть использованы для расчетов непосредственно. А раз так, то почему нельзя включить в определение

Nearness of Near Money. — «The American Economic Review», June, 1969.

¹ W. T. Newlyn. The Theory of Money, p. 6.

денег также и обязательства других кредитных учреждений, например вклады в строительных кооперативах или сберегательных банках?

Чтобы обосновать включение срочных вкладов в коммерческих банках, Ньюлин предлагает довольно сложную конструкцию, базирующуюся на введении дополнительного критерия выделения денег, так называемого критерия нейтральности. «Важная характеристика средств обращения, — пишет он, — заключается в том, что их количество у определенного лица автоматически возрастает или уменьшается в результате разрыва между платежами и поступлениями, но это изменение не влияет на общую сумму платежных средств и не оказывает какого-либо эффекта на рынке ссуд»¹. Иначе говоря, все виды платежных средств составляют как бы систему сообщающихся сосудов — их превращение из одной формы в другую не изменяет общей массы средств обращения.

Пытаясь отойти от формально-юридического принципа классификации денежных понятий, Ньюлин сам становится жертвой этого подхода. Если учитывать экономическую природу срочных вкладов, то они по ряду важных моментов существенно отличаются от денег, и в частности от такого элемента денежной массы, как чековые депозиты. По своей природе и характеру возникновения срочные вклады не предназначены обслуживать обращение: они представляют элемент сбережений населения или накоплений капиталистических фирм, аккумулированных кредитной системой. Поэтому — исходя из существа дела, а не из чисто формальных соображений — было бы неправильно объединять их со средствами обращения.

Но даже в плане чисто логических доказательств позиция Ньюлина не выдерживает критики. Верно, что, осуществляя платеж с помощью банковского чека, предприниматель не изменяет общего фонда существующих платежных средств и не влияет на процесс кредитования, тогда как при изъятии вклада из строительного кооператива или другого небанковского учреждения общая сумма платежных средств увеличится: деньги могут быть внесены на чековый счет в банке или оставлены в наличной форме. Кроме то-

¹ W. T. Newlyn. The Theory of Money, p. 9.

го, сократится объем ссудных операций, так как для восстановления прежнего соотношения активов и пассивов кооперативу придется отозвать часть ссуд.

Однако Ньюлин в своих рассуждениях исходит из молчаливого предположения, что взятый из кооператива вклад и далее будет существовать в виде средств обращения. Между тем возможен другой вариант: полученные деньги будут внесены в другое небанковское кредитное учреждение. В этом случае общая сумма «квази-денег» не уменьшится и принцип нейтральности не будет нарушен. Различие между банковским и небанковским срочным вкладом, на котором настаивает Ньюлин, исчезнет.

Кстати, Л. Йэгер, применив критерий нейтральности к денежному обращению США, приходит к прямо противоположному выводу — о необходимости исключения срочных банковских вкладов из состава денежной массы. Дело в том, что в США к этой категории депозитов применяются другие (более низкие) нормы обязательных резервов, чем к чековым счетам. Поэтому изъятие срочного вклада и превращение его в чековый депозит повлечет перестройку банковских активов и не оставит систему нейтральной¹. Ясно, что критерий нейтральности крайне ненадежен и не может служить основой для классификации элементов денежной массы.

Другая попытка выдвинуть экономический критерий отграничения денег была сделана в работе американских экономистов Б. Пешека и Т. Сэйвинга «Деньги, богатство и экономическая теория»². Позиция Пешека и Сэйвинга сводится к различению денег как «чистого богатства» и «долгов», т. е. широкого класса финансовых активов, фигурирующих на балансе одних хозяйственных единиц как требование, а других — как обязательство. Сразу же возникает вопрос: а как быть с банкнотами и чековыми депозитами, которые в буржуазной литературе всегда рассматривались как свидетельства кредита или долга? Являются ли они деньгами? Пешек и Сэйвинг отвечают на этот вопрос утвердительно, относя их к ка-

¹ L. B. Yeager. Essential Properties of the Medium of Exchange. — «Kyklos», 1968, N 1.

² B. Pesek, T. Saving. Money, Wealth and Economic Theory. New York, 1967.

тегории «чистого богатства» и не считая, таким образом, «долгом». Главным аргументом для такой классификации служит тот факт, что ни банкноты, ни чековые счета не приносят дохода в виде процента. Но стоит только начать уплачивать процент по чековым счетам (что, кстати, говоря, практикуется в некоторых странах), как эти счета сразу перейдут из класса «денег» в класс «долгов».

Доводы Пешека и Сэйвинга и соответственно их классификация денег несостоятельны. Главная ошибка заключается в нечеткости размежевания понятий денег и кредита, денег и долга, что свойственно буржуазной политэкономии на протяжении многих десятилетий. Уплата процента не дает подлинного критерия в разграничении денег и кредита. По своей природе и характеру эмиссии банкнота представляет кредитные деньги, свидетельство долга, хотя по ней и не уплачивается процент. Чековые депозиты (текущие счета) играют двойственную роль: выполняя платежную функцию при осуществлении безналичных расчетов, они вместе с тем представляют собой одну из форм ссудного капитала, аккумулированного кредитной системой.

Если строго следовать концепции Пешека и Сэйвинга, то это приведет к полному устранению из определения денег кредитных денег и отнесению к этой категории лишь металлических монет и бумажных денег, выпускаемых для покрытия бюджетного дефицита. Такой подход игнорирует длительную эволюцию денежной системы капитализма, в результате которой кредитные деньги и кредитное обращение занимают сейчас центральное место среди других форм эмиссии.

До сих пор речь шла о работах, где в качестве определяющего момента трактовки денег принимается функция средства обращения. Акцент на функции «сохранения стоимости» приводит к ликвидности как основному качеству денег. Своеобразной вехой в развитии этого подхода была книга американских экономистов Дж. Герли и Э. Шоу «Деньги в теории финансов»¹ и ряд статей. В основу анализа авторы кладут факт бурного развития специализированных

¹ J. G. Gurley, E. S. Shaw. Money in a Theory of Finance. Washington, 1960.

небанковских кредитных институтов, который наблюдается в большинстве развитых капиталистических стран в течение последних 30—40 лет. Изучая природу этих институтов, характер их активов и пассивов и роль, которую они играют в процессах экономического развития, Герли и Шоу приходят к выводу об отсутствии принципиальных различий между кредитными обязательствами небанковских учреждений и аналогичными пассивами банков. Это положение приводит их к другому тезису: об отсутствии существенных различий между банковскими депозитами как элементом денежной массы и «прочими ликвидными активами». Иначе говоря, грань между деньгами и их близкими субститутами утрачивает определенность. Этот вывод был использован для критического пересмотра принципов денежно-кредитной политики. Главным объектом регулирования центральных банков служит денежная масса в традиционном понимании этого термина, тогда как, по мнению представителей «школы ликвидности», необходимо подвергнуть государственному контролю также операции небанковских кредитных институтов, создающих «инструменты ликвидности»¹. Большой резонанс вызвало предложение Герли рассматривать денежную массу как набор различных финансовых активов (включая государственные ценные бумаги, страховые полисы и т. д.), взвешенных по степени ликвидности, или, иначе говоря, «интенсивности» их денежных свойств (degree of moneyness)².

Наиболее крайнюю позицию в вопросе об определении денег занимает ряд английских экономистов, среди которых выделяется известный банковский специалист профессор Р. Сэйерс. Его идеи об «устарелости» понятия денег, неадекватности этого понятия современным условиям нашли наиболее яркое выражение в отчете Рэдклиффа, где последовательно проводится линия на изгнание из экономического анализа понятия денег. «...Денежные факторы влияют на общий спрос путем изменения ликвидной позиции фи-

¹ J. G. Gurley, E. S. Shaw. Financial Aspects of Economic Development. — «The American Economic Review», September 1955.

² J. G. Gurley. Liquidity and Financial Institutions in the Post-war Period. Washington, 1960, p. 7—8.

нансовых институтов, фирм и людей, желающих израсходовать реальные ресурсы: количество денег само по себе не является критическим фактором...»¹

Подобно тому как банкноты в течение XIX в. превратились, по характеристике Кейнса, в «мелкую разменную монету» банковского оборота, банковские депозиты превращаются в «мелкую монету системы». Этим сравнением Сэйерс хочет сказать, что деньги лишь небольшая часть «общего пула» ликвидных активов и в центр анализа необходимо поставить «широкое понятие ликвидности»². Еще более резко высказывается Сэйерс в другой работе: «Называть нечто деньгами и полагать, что их количество должно изменяться по правилам, предписанным официальными властями,— значит строить здание на песке... Не существует готовой и четкой грани между тем, что является деньгами и что ими не является... Когда мы интересуемся предложением денег, наше внимание в действительности направлено на изменение ликвидной позиции хозяйства. Даже список финансовых институтов, чье поведение имеет отношение (к ликвидной позиции. — В. У.), не имеет конца»³.

Позиция авторов отчета Рэдклиффа вызвала продолжительные дебаты и острую критику как из неоклассического лагеря, где денежная масса по-прежнему считается ключевым понятием финансовой сферы, так и со стороны многих некейнсианцев, которые сочли развитие взглядов Кейнса в отчете Рэдклиффа карикатурой. Самуэльсон, например, назвал отчет Рэдклиффа «самой бесплодной операцией всех времен»⁴. Английский эконометрик А. Уолтерс указывает на крайнюю неясность понятия ликвидности и трудность его четкого количественного выражения. В одном месте отчета Рэдклиффа ликвидность отождествляется с «суммой денег, которую, как думают люди, они могли бы получить»; в другом под ликвидностью понимается «ссудная деятельность бесконеч-

¹ Committee on the Working of the Monetary System. «Report». London, 1959, p. 135.

² «Economic Journal», December 1960, p. 712, 721—724.

³ R. S. Sayers. Central Banking after Bagehot. Oxford, 1957, p. 5—6.

⁴ P. Samuelson. The Role of Money in National Economic Policy. — «Controlling Monetary Aggregates». Boston, 1969, p. 7.

но широкого круга финансовых учреждений»¹. Ултерс пишет: «Смысл подобного определения невозможно понять. Ликвидность есть состояние ума в отношении бесконечного ряда институтов. Но даже если кто-нибудь с помощью интуиции и мог бы проникнуть через дымовую завесу в суть вопроса, то совершенно ясно, в принципе нет возможности измерить ликвидность... Чистая теория Рэдклиффа никогда не может быть проверена»². Все попытки уточнить понятие ликвидности оканчивались неудачей. Одни авторы в качестве главного критерия выдвигают способность к быстрой реализации активов по заранее обусловленной цене, другие — степень развитости рынка данного актива и т. п.

В целом подход к определению денег с точки зрения ликвидности не способствовал прояснению сложных теоретических проблем. Деньги есть особая категория товарного хозяйства, с их помощью удостоверяется общественный характер труда в системе рыночных связей. Эта функция выполняется лишь определенным, ограниченным числом реально существующих в хозяйственном обороте элементов. Из того, что статистически рассчитываемый коэффициент замещения чековых депозитов акциями ссудо-сберегательных ассоциаций достаточно высок, еще отнюдь не следует, что последние могут считаться деньгами в политэкономическом смысле. Акции ссудо-сберегательных ассоциаций лишь один из многочисленных видов кредитных обязательств, удостоверяющих право на получение дохода на ссуженный капитал. отождествление их с деньгами на основе критерия ликвидности означает преднамеренное абстрагирование от существенных свойств денег.

В заключение необходимо остановиться на эмпирическом подходе к определению денег. Наиболее известным сторонником его является М. Фридмен, определяющий деньги как «временное вместилище покупательной силы, позволяющее отделить акт покупки от акта продажи»³. Концептуально эта позиция близ-

¹ Committee on the Working of the Monetary System. «Report», p. 133—134.

² «Money in Britain 1959—1969», p. 40.

³ M. Friedman, A. Schwartz. A Monetary History of the United States 1867—1960. Princeton, 1963, p. 650.

ка к определениям, базирующимся на резервной функции денег. Но Фридмен считает невозможным заранее провести разграничительную грань между деньгами и «не-деньгами». Основным критерием для включения того или иного вида активов в «запас денег» служит наличие статистически устойчивой функции спроса на эти активы. Обнаружив, например, на основе расчета параметров регрессионных уравнений, что агрегат M_2 (включающий срочные и сберегательные вклады банков) в статистическом отношении теснее связан с конъюнктурными изменениями национального дохода, Фридмен готов признать M_2 более адекватным понятию денежной массы, чем, скажем, M_1 или M_3 .

В современной буржуазной литературе о деньгах наблюдается отчетливое стремление расширить традиционные рамки понятия денег. Эта тенденция продиктована объективным процессом развития кредитно-денежной сферы капитализма, ее усложнением. Современный денежный оборот в развитых странах капитализма состоит из двух тесно связанных и сообщающихся сфер — налично-денежного и безналичного оборота. Если в XIX в. депозиты (и основанный на них безналичный оборот) являлись лишь дополнением к наличным деньгам (и наличному обращению), то ныне подавляющая часть платежей в большинстве развитых стран капитализма — свыше 90% в США, 80% в Англии и Швеции и т. д. — осуществляется с помощью чеков и жирооборота, т. е. посредством записей по банковским счетам. В каком-то смысле налично-денежное обращение является теперь «дополнением» к безналичному. Обеспечиваемая нынешней денежно-кредитной системой капитализма относительная бесперебойность превращения денег из наличной формы в безналичную и обратно способствует расширению сферы безналичных расчетов, привлекая к использованию этих методов платежа все больший круг участников хозяйственных сделок. В США, где безналичные платежи давно уже приобрели массовый характер в сфере индивидуальных расчетов населения, количество чековых счетов в банках неуклонно возрастает (с 27 млн. в 1939 г. до 94 млн. в 1972 г.), а число ежегодно выписываемых чеков, служащее показателем объема безналичных расчетов, увеличилось за тот же период с 3,5 млрд.

до 26 млрд. Огромный объем платежей в западноевропейских странах выполняется с помощью жирооборота. Это тоже одна из форм замещения наличных денег. Наконец, научно-техническая революция вводит новые средства расчетов, основанные на ЭВМ. «Электронные деньги» в виде записей в памяти банковских компьютеров, передаваемые по каналам дистанционной связи, в недалеком будущем заменят современные формы обращения.

Все эти сдвиги диктуют необходимость изменения традиционного набора элементов, включаемых в «запас денег». Преобладающую, а в ряде стран подавляющую долю денежной массы в современных условиях составляет та часть банковских депозитов, которая используется для платежей чеками, кредитными карточками и для жирорасчетов. Но это отнюдь не ведет к «зыбкости» или условности теоретического понятия денег. При оценке денежных агрегатов необходимо прежде всего исходить из существа денег как особого элемента в системе хозяйственных связей, удостоверяющего общественный характер труда, заключенного в товарах, и опосредствующего оборот товаров и капитала. Многие элементы широких денежных агрегатов, конструируемых статистикой капиталистических стран, не участвуют непосредственно в платежных операциях и, выполняя лишь резервную функцию, не могут быть причислены к деньгам. Тем не менее, построение таких агрегатов для разного рода аналитических и практических целей в принципе вполне допустимо. Попытки буржуазных авторов абстрагироваться от экономической стороны дела и формулировать понятие денег на основе чисто внешних, формальных критериев неизбежно оканчиваются неудачей.

4. ДЕНЬГИ В СВЕТЕ ЭВОЛЮЦИИ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ

Постановка вопроса о стоимости денег в литературе домонополистического периода. Вопрос о стоимости денег («ценности денежной единицы») красной нитью проходит через всю историю денежных доктрин. Как писал П. Самуэльсон, «на эту тему

было написано больше, чем по любому другому вопросу в экономической теории...»¹. С особой остротой вопрос о факторах, регулирующих стоимость денег, встал в конце XIX — начале XX в., когда созревшие в недрах капиталистической денежной системы новые формы платежных отношений неумолимо приводили к вытеснению из обращения полноценных денег и замене их кредитными деньгами и кредитным обращением.

Сужение масштабов обращения благородных металлов, а впоследствии и полное их изъятие расценивались буржуазной политэкономией как наглядное свидетельство «изначального» отсутствия у денег товарной природы и самостоятельной ценности. Тем самым делалась попытка оправдать давнюю идею об «исключительности» денег, их полной противоположности товарному миру и, следовательно, особых путях формирования их стоимости. Подобный подход не учитывает длительного исторического пути, пройденного деньгами от субстанциональных форм к символам или знакам стоимости. При нем игнорируются сложные закономерности развития и отмирания различных видов денег в условиях различных общественно-экономических формаций. Металлические и бумажные деньги рассматриваются буржуазными авторами как качественно однородные элементы денежного обращения, соотношение которых определяется лишь вопросами «удобства». Между тем, происхождение отдельных видов денег, их связь с миром товаров, закономерности обращения и формирования стоимости существенно различны.

Маркс в своей работе «К критике политической экономии» подробно исследовал историю развития теорий ценности денег и дал их развернутую и обстоятельную критику. Он подчеркивал, что в формировании номиналистического взгляда большую роль сыграло выдвигание на первый план функции денег как средства обращения, где они фигурируют лишь в качестве мимолетного посредника в обращении товаров. «Классическая политическая экономия, — подчеркивает Маркс, — рассматривала деньги прежде

¹ «Canadian Journal of Economics», February 1968, p. 1.

всего в их текучей форме»¹ и смешивала законы обращения металлических и бумажных денег. Этот подход был характерен для работ итальянских экономистов XVII в., а также Ш. Монтескье, Дж. Локка и Д. Юма. Маркс прослеживает также дальнейшее развитие количественной теории (хотя она в то время еще не имела такого названия) в работах Рикардо, Дж. Милля и представителей денежной школы в 40-х годах XIX в. в Англии².

К началу XX в., по свидетельству К. Викселя, в экономической литературе шел спор между двумя основными концепциями формирования стоимости денег: теорией издержек производства (*cost of production theory of money*) и количественной теорией (*quantity theory of money*). В первом случае стоимость выступала еще как некая абсолютная характеристика, внутренне присущая деньгам и определяемая в конечном счете условиями производства. Ее главным представителем в XIX в. Виксель считает Н. Сениора, хотя основы этой теории с упором на трудовые затраты заложил в буржуазной политической экономии Д. Рикардо³. Вторая теория снимала проблему стоимости как конечного основания цен. Стоимость денег получила единственно возможное выражение — как меновая стоимость, покупательная сила по отношению ко всем товарам.

Виксель отвергает теорию издержек как не дающую ответа на многие вопросы⁴. Правда, он не может совершенно отрицать тот очевидный факт, что в условиях металлического обращения издержки добычи благородных металлов оказывают влияние на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 140—141.

² См. там же, стр. 141—167.

³ Теория издержек (или факторов производства), на которую ссылается Виксель, отличалась от трудовой теории стоимости; она вводила в процесс определения стоимости нетрудовые факторы — капитал, землю и т. д. (см., например, N. W. Senior. *Three Lectures on the Value of Money*. 1829; выдержки из этой работы приведены в сборнике «*Monetary Theory. Selected Readings*», р. 67—79).

⁴ «В наши дни, — писал он, — ни один теоретик не может поддерживать традиционную концепцию, что деньги заключают в себе независимую и более или менее неизменную внутреннюю стоимость, с которой сравниваются или в которой измеряются меновые стоимости реальных товаров...» (K. Wicksell. *Interest and Prices*, р. 29).

стоимость денег¹. Его доводы против теории факторов производства сводятся к указанию на то, что сдвиги в условиях производства благородных металлов проявляются лишь с большим временным интервалом, вследствие чего невозможно объяснить кратко-временные колебания меновой стоимости денег изменением ценности их металлической субстанции.

Викселль полагал, что, развенчивая теорию издержек, он доказывает несостоятельность самой идеи о товарной природе денег: «Рассмотрение денег (или, скорее, субстанции, из которой они сделаны) как товара, — писал он, — и базирующаяся на этом рассмотрении теория стоимости денег ведет к почти исключительно негативным выводам...»². Но наличие на различных стадиях обмена денег, которые одновременно служили обычным товаром не случайность, а исключительно важный факт, требующий глубокого научного осмысливания в свете всей исторической эволюции денежной системы. Маркс проанализировал причины и пути выделения денег из товарного мира. Он подчеркивал, что стоимостное бытие золота, обслуживающего хозяйственный оборот в качестве денег, как бы раздваивается. Его стоимость как товара не совпадает со стоимостью, которую оно представляет в роли монеты. «Монета после нескольких своих шагов в обращении представляет больше металлического содержания, чем она в действительности имеет». «Призрачное бытие золота» как средства обращения постоянно вступает в противоречие с его «действительным бытием»³. Здесь заключен зародыш последующей «идеализации» денег, отделения процесса формирования их меновой стоимости от материальной субстанции, воплощающей абстрактный труд. Эти тонкие различия между стоимостью денег как товара и их меновой стоимостью как монеты, наглядно показывающие, что деньги не вещь с заранее заданными свойствами, а вещная оболочка общественного отношения, прошли незамеченными для буржуазных экономистов. Викселль не понял качественных отличий теории денег Маркса от всего, что дала до него

¹ K. Wicksell. Interest and Prices, p. 32.

² Ibid., p. 33.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 92, 167.

буржуазная политэкономия, неправомерно отождествляя марксистский анализ денег с металлизмом¹.

В качестве альтернативной теории стоимости денег Викселль выдвигает количественную теорию, которая, по его словам, «знаменует решительный шаг вперед, подчеркивая чисто формальный или условный характер стоимости денег...»². Он вынужден признать, что логическая обоснованность этой концепции весьма уязвима, но тем не менее рекомендует принять объяснение количественной теории на том основании, что ее легче критиковать, чем «заменить лучшей и более правильной»³.

В начале XX в. буржуазная теория денег окончательно перешла на позиции количественной теории, определяя относительную ценность денег одним фактором — массой платежных средств. Немаловажную роль в росте популярности этой теории сыграли работы И. Фишера и разработка теории индексов цен. Последние позволили перенести акцент с внутренней (субстанциональной) стоимости на межвременные сопоставления «уровней цен», т. е. меновых пропорций между деньгами и товарами, выражающихся в покупательной силе денег.

Австрийская школа «субъективной ценности» и проблема меновой стоимости денег. А. Маргет показал в «Теории цен», что на протяжении всей истории экономических доктрин делались попытки применить к исследованию денег научный аппарат и методологические принципы, которые в различные периоды использовались в общеэкономическом анализе⁴. Как известно, видную роль в развитии буржуазной политэкономии играла и продолжает играть теория предельной полезности. Необходимо кратко остановиться на объяснениях формирования ценности денег с позиции этой теории.

Фундамент этой теории был, как известно, заложен в 70-х годах XIX в. в работах Л. Вальраса, К. Менгера и У. Джевонса. «Маржиналистская революция» была направлена своим острием против марксизма. Следует сразу оговориться, что это отно-

¹ K. Wicksell. Interest and Prices, p. 35.

² Ibid., p. 38.

³ Ibid., p. 43.

⁴ A. Marget. Theory of Prices, vol. II, p. 8—88.

сится не к самому принципу использования предельных величин в экономическом анализе, который идеологически нейтрален и может плодотворно использоваться как инструмент научного познания¹. Антимарксистская направленность работ маржиналистского течения обуславливалась специфической интерпретацией, которую придавали ей буржуазные теоретики в их борьбе против трудовой теории стоимости².

В нашей критической литературе неоднократно давалась оценка общих аспектов теории предельной полезности³. Здесь нас интересует главным образом ее влияние на теорию денег. В последней трети XIX и начале XX в. теория денег стояла в стороне от победного шествия «маржиналистской революции». В этой области принципы предельного анализа долго не могли найти применения. Сторонники господствующей тогда количественной теории денег в принципе отрицали возможность применения предельного анализа на том основании, что деньги, согласно «классическим» воззрениям, не обладают непосредственной полезностью, способностью удовлетворять потребности людей, а служат лишь средством получения полезных вещей в процессе обмена. В теории же предельной полезности потребность в том или ином товаре служит основой для возникновения субъективных оценок, на которых в свою очередь покоятся меновые пропорции. Те авторы, которые тем не менее пред-

¹ Например, система предельных оценок широко используется советскими экономистами-математиками в теории и практике оптимального планирования.

² Историк экономической мысли К. Капп, давая общую оценку целей, которые преследовались авторами субъективной теории ценности, писал: «Было два пути, чтобы опровергнуть революционные выводы социалистической доктрины: во-первых, можно было утверждать, что не один только труд, но и другие факторы производства, и в первую очередь капитал, являются продуктивными и участвуют в создании стоимости конечного продукта; во-вторых, можно было применить традиционную цепочку причинности, которая сводила стоимость товаров к стоимости факторов производства... Неоклассики приняли оба эти подхода. Результатом было полное отбрасывание трудовой теории стоимости...» («History of Economic Thought. A Book of Readings». Ed. by K. W. Kapp, L. L. Kapp. New York, 1963, p. 285).

³ И. Г. Блюмин. Критика буржуазной политической экономии, т. 1. Субъективная школа в буржуазной политической экономии. М., 1962; К. Б. Козлова, Р. М. Энгов. Теория цены; Б. Г. Серебряков. Теории экономического равновесия.

принимали попытки использовать аппарат предельной полезности при изучении денег, неизбежно попадали в порочный круг, были вынуждены объяснять товарные цены ценами же. Ранние варианты австрийской теории субъективной ценности, основанные на кардиналистском подходе, т. е. на попытках непосредственного измерения и сопоставления полезности потребительских товаров или системы субъективного удовлетворения от их потребления, неизбежно терпели крах при переходе к анализу денег.

Так, Менгер попытался применить принципы маржинализма не прямо к деньгам, а к денежному доходу. Но то значение, которое индивидуум приписывает единице денег, не может помочь в объяснении меновой стоимости денег, так как покупательная сила денег должна быть известна *до того*, как индивидуум сможет оценить полезность (и следовательно, ценность) единицы дохода. Возникал порочный круг: чтобы измерить покупательную силу денег, надо знать... их покупательную силу!

Другие представители австрийской школы, Ф. Визер и Л. Мизес, тщетно пытались преодолеть эти методологические трудности. Визер, например, указывая, что деньги не имеют собственной полезности, приписывал им меновую стоимость на основе полезности тех товаров, которые покупаются за деньги. Здесь опять возникали знакомые уже затруднения, так как субъективная оценка товара зависит от действующей структуры цен, т. е., иными словами, от покупательной силы денег.

Л. Мизес в книге «Теория денег и кредита»¹ открыто признал, что австрийский вариант теории предельной полезности оказался неприменимым к задачам определения стоимости денег. В качестве альтернативы он выдвинул так называемую «регрессионную теорему», переносящую вопрос о полезности денег к моменту первоначального применения благородных металлов как денежного материала. У Мизеса субъективная ценность денег зависит от двух факторов: объективной стоимости денег и субъективной полез-

¹ *L. von Mises. Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel. München, 1912 (английское издание: «The Theory of Money and Credit». London, 1934).*

пости покупаемых на них товаров. Когда золото только начало функционировать в роли денег, его оценка базировалась на меновой стоимости металла в немонетарном обороте. Поэтому в сегодняшней стоимости денег присутствует «исторический компонент», берущий начало со времен обращения благородных металлов в качестве простого товара. Сегодняшние субъективные оценки денег покоятся на вчерашней объективной меновой стоимости металлов. Пятясь назад (отсюда и термин «регрессионная» в названии концепции), Мизес в конечном счете приходит к «первоначальной субъективной полезности» денежного материала, выводя ее из немонетарного использования¹.

Теория Мизеса очень уязвима. Не существует непрерывной цепи исторических событий, связывающих деньги сегодняшнего дня с прежним немонетарным использованием металла. Как мы уже отмечали, процесс «идеализации» денег в монетарной форме приводил к отрыву меновых пропорций от металлической субстанции. Многократный выпуск бумажных денег, острая инфляция, последующие денежные реформы также кардинально изменяли ценовые соотношения. В современных условиях при полном изъятии золота из обращения и монополистическом характере ценообразования всякая попытка уловить связь между сегодняшними ценами и издержками добычи благородных металлов заведомо обречена на неудачу. Тем более невозможно проследить эту связь через десятилетия. Искусственность теоретической конструкции Мизеса усугубляется еще и тем, что ей присущи также все пороки методологического подхода австрийской школы, где стоимость сводится к «напряженности» желания получить товар и т. п.

Денежный номинализм. Публикация в 1905 г. книги немецкого экономиста Г. Кнаппа «Государственная теория денег» как бы подвела черту под всем предшествующим развитием буржуазных денежных доктрин, в ходе которого было отброшено положение об их товарной природе. Многие экономисты не приняли теорию Кнаппа о «назначенной ценности» денег,

¹ «Регрессионная теорема» изложена также в итоговой книге Мизеса «Human Actions. A Treatise on Economics». New Haven, 1949, р. 405—408. Эта работа впервые вышла в 1940 г. на немецком языке.

согласно которой «деньги есть творение закона»¹. Но его позиция была воспринята как окончательный разрыв с «условностями» металлического стандарта. Именно в этом смысле Кнапп был провозглашен глашатаем «новой эры» в изучении денег — эры номинализма, отрицающего паличие внутренней стоимости у любых видов денег.

Американский экономист Г. Эллис в своей работе о немецких денежных теориях даст следующую характеристику основных черт номиналистического подхода: «Номинализм, рассматривающий деньги как требование или просто как билет, считает покупательную силу, выраженную в индексах цен, единственно возможным смыслом понятия их стоимости, которая, по-видимому, регулируется количеством имеющихся в наличии билетов. Естественно, что номиналисты тяготеют к количественной теории цен и к объяснениям валютного курса с позиций паритета покупательной силы. Не случайно и то, что теоретики, склонные рассматривать деньги как нечто уникальное и изолированное от мира товаров, видят в них *causa movens* (первопричину) циклических колебаний конъюнктуры»².

В начале XX в. стали модными различные классификации денежных теорий на основе отношения их авторов к проблемам стоимости денег. Эллис приводит одну из таких классификаций. В основе ее лежит кнапповское деление денежных теорий на две большие группы: номиналистические и товарно-металлистические. Первые в свою очередь подразделяются на «хартальные», объявляющие деньги «творением закона», и так называемые теории «ортодоксального» (или «экономического») номинализма, где деньги хотя и трактуются как символ стоимости, но природа этого символа выводится из экономических (а не только из правовых) причин³. Вторая группа

¹ Этой фразой начиналась книга Кнаппа (*G. F. Knapp. The State Theory of Money. London, 1924, p. 1*).

² *H. S. Ellis. German Monetary Theory: 1905—1933, p. 5—6.*

³ Как писал немецкий экономист Альтман, «между государственным номинализмом, допускающим только юридическое истолкование денег, и металлизмом лежит еще экономический номинализм, где стоимость денег рассматривается не как свойство, провозглашенное государством, а как функциональная характери-

теорий делится на «собственно товарные» теории (где для объяснения стоимости денег используются факторы спроса и предложения или сопоставление предельных оценок) и металлизм (где стоимость денег определяется издержками производства денежного материала).

Эта классификация, на первый взгляд, более сложна, чем та, которую дал в начале века Викселль. В ней обобщена огромная литература по проблемам стоимости денег, появившаяся в первой трети XX в.¹ В отличие от схемы Викселля количественная теория является теперь частным случаем более широкой номиналистической концепции, а теория издержек (которая была у Викселля вторым полюсом) сводится к металлизму. Но по существу в основе классификации лежит внеисторический и поэтому крайне ограниченный принцип полярности — наличие или отсутствие у денег субстанциональной стоимости, безотносительно к многовековому процессу их трансформации. При этом игнорируется возможность изменения механизма формирования стоимости денег в ходе исторической эволюции способов общественного производства.

Анализ буржуазных взглядов первой трети XX в. по вопросам стоимости денег обнаруживает ряд интересных особенностей. Так, понятие стоимости денег трактовалось разными авторами в одном из следующих значений: 1) как покупательная сила; 2) как субъективная оценка денежной единицы дохода (или богатства); 3) как полезность запаса денег (кассовых остатков); 4) как ценность денег в народнохозяйственном смысле. Кроме того, ряд авторов вовсе отрицал наличие у денег стоимости в каком-либо экономическом смысле.

ка... обусловленная исторически сформировавшейся покупательной силой» (цит. по указанной работе Г. Эллиса, стр. 35). Сам Эллис делает следующее заключение: «Хартальность — это качество, сообщаемое деньгам государством и заключающееся в символическом свойстве погашать долги, тогда как номинальность — качество, сообщаемое деньгам государством или товарным оборотом и состоящее в символическом воплощении всех денежных функций». Развернутый марксистский анализ различных вариантов номинализма дается в монографии А. Б. Эйдельмант «Новейший номинализм и его предшественники» (М., 1948).

¹ Библиография к работе Эллиса содержит более 400 названий по указанной тематике.

Трактовка стоимости денег как покупательной силы была связана прежде всего с трансакционной версией количественной теории, представленной наиболее полно в работах И. Фишера. Здесь ценность денежной единицы определялась исключительно фактором их редкости на стороне предложения платежных средств. Роль субъективных моментов при таком подходе сводилась к минимуму. Вторую трактовку денег можно встретить в работах австрийских экономистов, сторонников субъективных теорий ценности (К. Менгер, Ф. Визер, Л. Мизес). Стоимость денежной единицы в их постановке зависела от оценки индивидуумом своего дохода (богатства). Третье понимание стоимости денег предлагали сторонники особой версии количественной теории — теории кассовых остатков (Л. Вальрас, экономисты кембриджского направления). Они сосредоточивали внимание на анализе полезности самих денег, связывая ее со специфическими «удобствами», которые обладание ими приносило владельцу. Соответственно приобретало смысл понятие спроса на кассовые остатки¹. Наконец, четвертое направление, не получившее большого развития, было связано с попытками выведения стоимости денег из повышения эффективности производства с переходом к денежной экономике (Мак-Кинли, Б. Андерсон, Г. Грейданус).

Наибольшее распространение в первой четверти века получила трактовка стоимости денег как покупательной силы. Большую роль в этом сыграл механический вариант количественной теории И. Фишера, позволивший перейти к сопоставлению «уровней цен», не вникая в сложный теоретический вопрос о конечном основании цен, или, иначе говоря, о факторах, определяющих высоту этого уровня. Механизм изменения покупательной силы денег остается нераскрытым.

Общее мнение, преобладавшее в западной науке о деньгах в тот период, подытожил Эллис: «...деньги — это символ; они не являются товаром ни по общему подходу, ни по природе их стоимости, ни по механизму, посредством которого эта стоимость устанавли-

¹ См. подробнее гл. II.

ливается»¹. Кейнс в «Трактате о деньгах», признавая наличие в современной ему системе товарных денег, т. е. денег из материала, имеющего самостоятельную ценность, считал тем не менее важнейшим качеством денег их функцию счетной единицы. «Сегодня, — утверждал он, — все деньги цивилизованных наций, вне всякого сомнения, являются хартальными»².

В XIX в. бумажные деньги рассматривались как аномалия, как неизбежное зло³. В начале XX в. большинство экономистов Запада приняли точку зрения, исчерпывающе выраженную Кейнсом: денежная экономика только тогда достигает высшей стадии развития, когда освобождается от какой-либо связи с золотом. Ошибочность и ненаучный характер этой позиции заключается не в признании тогда уже очевидного факта нарушения связи денежного обращения с благородными металлами, а в попытке ликвидировать изначальное происхождение денег из товарного мира и тем самым отождествить любые формы денег со «знаками» или «счетными талонами».

Современные попытки «соединения» теории стоимости и теории денег. Дальнейшее развитие буржуазной теории денег проходило под знаком слияния элементов количественной теории с методологическим аппаратом микроэкономической теории цены. Ключевую роль здесь сыграло перенесение акцента в литературе о деньгах на исследование психологических мотивов, формирующих потребность в денежных остатках. В центр был поставлен вопрос о «полезности» денег, их потребительной стоимости. Мы видели, что в прошлом попытки применить кардиналистскую трактовку полезности к теории денег экономистами австрийской школы окончились провалом. Ни перенос на деньги полезности купленного товара, ни субъективная оценка единицы денежного дохода не позволяли выйти за пределы порочного круга, где цены объяснялись ценами.

¹ H. S. Ellis. German Monetary Theory: 1905—1933, p. 121.

² J. M. Keynes. A Treatise of Money, vol. I, p. 5.

³ Эту идею хорошо выразил сторонник французского металлизма Ш. Рист: «Теория бумажных денег находилась в таком же отношении к теории металлической валюты, как в медицине патология органа относится к его нормальной анатомии и физиологии» (C. Rist. History of Monetary and Credit Theory, p. 310).

В дальнейшем теория предельной полезности претерпела изменения. После работ В. Парето, Ф. Уикстида и Дж. Хикса на смену количественно измеримой полезности пришло понятие предпочтения одних благ другим. Получила распространение ординалистская, или порядковая, теория полезности, где от потребителей не требуется точно измерять полезность, а необходимо лишь ранжировать свои потребности. В центр внимания были поставлены процессы замещения одних благ другими в потребительском наборе. Соответственно и спрос на кассовые остатки начал рассматриваться с точки зрения формирования потребителем «портфеля» активов.

Советский экономист С. М. Никитин отмечал, что один из важных сдвигов в трактовке проблем стоимости в буржуазной экономической литературе XX в. заключался в вынесении на первый план вопросов зависимости цен от изменений спроса и предложения. Тем самым проблема стоимости как конечного основания цен по существу снималась, так как для решения этого вопроса необходимо принять в качестве исходного пункта равенство спроса и предложения. Механизм связи денежной цены товара со стоимостью денег перестает быть предметом анализа¹.

На современную постановку вопроса о формировании покупательной силы денег большое влияние оказала статья Хикса «Предложение об упрощении теории денег» (1935 г.)². Автор констатировал, что попытки приложить принципы предельного анализа к деньгам оканчивались безрезультатно и что в этой области по-прежнему необходима «маржинальная революция». Эти неудачи объяснялись, по мнению Хикса, тем, что полезность денег в работах предшествующих авторов связывалась со спросом на покупаемые за деньги товары, а не со спросом на сами кассовые остатки. Он предложил применить к деньгам общую теорию выбора, основанную на кривых безразличия, в которых отражается система потребительских предпочтений. В схеме Хикса деньги являются одним из рядовых элементов набора (или «портфеля») раз-

¹ С. М. Никитин. Теории стоимости и их эволюция, стр. 136—143.

² J. R. Hicks. A Suggestion for Simplifying the Theory of Money. — «Critical Essays in Monetary Theory», p. 61—82.

нообразных активов, которыми оперируют индивидуумы в процессе своей хозяйственной деятельности. Различные внешние нарушения экономической ситуации приводят к сдвигам в структуре этого набора, устраняют достигнутый ранее «портфельный баланс». Изменяется спрос на различные элементы «портфеля» — ценные бумаги, товары, кассовые остатки. Формирующаяся в процессе поиска оптимальных комбинаций шкала предельных оценок определяет в конечном счете относительную ценность каждого отдельного актива, и в том числе покупательную силу денежной единицы.

Теоретические построения Хикса не разрешили противоречий, пронизывающих буржуазные концепции стоимости. Его попытка дать монистическое объяснение законов формирования стоимости в сферах товарного обмена и обращения денег несостоятельна уже потому, что проблема стоимости как объективная основа «цены» (меновый стоимости) денег с самого начала отбрасывается. О трудностях, с которыми сталкиваются западные теоретики, свидетельствуют продолжающиеся по сей день призывы «покончить с изоляцией» денежной теории, «интегрировать» ее в общую систему категорий и понятий буржуазной политической экономии. Усилилась тенденция к «экономической» (а не юридически-правовой) интерпретации денег, разъяснению законов их обращения на основе общих методологических принципов, применяемых в экономическом анализе «реальных» процессов. Нынешняя ситуация отличается, следовательно, от положения в западной науке о деньгах начала века, когда было модно изображать деньги как символ, условный знак, «билет» и т. п. Показательны выступления по этим вопросам современных западногерманских экономистов, особенно если учесть, что довоенная Германия была оплотом номинализма. Г. Мюллер, например, решительно отвергает возможность применения чисто юридических понятий (например, абстрактной счетной единицы) для выражения внутренней природы денег: «В противоположность номинализму в политической экономии и юриспруденции необходимо иметь в виду, что СП (средства платежа. — В. У.) — это товар в экономическом смысле, независимо от того, состоят ли они из полновесных мо-

нет, клочка бумаги или же обращающихся быстро и без существенных издержек долговых претензий (банковских депозитов)»¹. Автор статьи указывает на большой вред, который принесла теоретическая концепция номинализма экономике капиталистических стран путем оправдания инфляционной практики в 20—30-х годах.

Но эти новейшие нюансы не изменяют общего подхода к трактовке природы денег в современной литературе. Показательна в этом отношении позиция американских авторов Б. Пешека и Т. Сэйвинга в учебнике «Основы денег и банковского дела». С самого начала они провозглашают общность экономических законов для денег и товаров: «...в своей основе стоимость денег определяется таким же образом, как стоимость любого другого товара или услуги, т. е. путем взаимодействия предложения и спроса»². Но само понятие стоимости трактуется ими в духе субъективных концепций, сводится исключительно к «напряженности желания» обладать товаром. Авторы приводят слова К. Боулдинга о стоимости, считая их наиболее исчерпывающим и апробированным решением проблемы: «Это не физическое свойство товара, как вес или объем, а просто то, что мы чувствуем в отношении него. Вещи имеют ценность потому, что кто-то считает, что они ее имеют, и ни по каким иным причинам... Это верно даже в отношении золота...»³

Пешек и Сэйвинг вынуждены признать большую роль издержек в формировании покупательной силы. Интересен их анализ эмиссионной монополии как условия поддержания меновой стоимости современных бумажных денег на уровне, превышающем издержки их производства. В отличие от Кнаппа, они видят в эмиссионной деятельности государства не орудие установления стоимости денег, а одно из условий реализации каких-то объективных законов, нарушение которых ведет к инфляции⁴. Но все это очень далеко

¹ «The German Economic Review», 1972, N 3. p. 203.

² B. Pesek, T. Saving. The Foundations of Money and Banking. New York, 1968, p. 7.

³ Ibid., p. 82.

⁴ «К сожалению, незначительные издержки производства современных денег имеют свои неудобства. Они дают возможность

от научного объяснения механизма формирования меновых соотношений товаров и денег.

В марксистской экономической мысли определение стоимости денег на основе трудовых затрат является незыблемым принципом анализа. Хотя механизм формирования стоимости денег значительно модифицировался с уходом из обращения благородных металлов, связь стоимостной основы денег с трудовыми затратами, на наш взгляд, сохраняется. Этот сложный вопрос требует специального анализа. Укажем лишь, что огромную роль в регулировании меновой стоимости современных денег играет их непосредственное участие в качестве важнейшего опосредствующего фактора в системе общественного разделения труда и в кругообороте капитала, т. е. в важнейших процессах функционирования капиталистического способа производства.

правительствам злоупотреблять своей монопольной силой. Всегда существует искушение напечатать немного больше «бумажек», что ведет к острой инфляции...» (*B. Pesek, T. Saving. The Foundations of Money and Banking, p. 9*).

КЕЙНС И НЕОКЛАССИКИ: ФОРМИРОВАНИЕ ДВУХ ГЛАВНЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В БУРЖУАЗНОМ АНАЛИЗЕ ДЕНЕГ

В первой главе были рассмотрены общие особенности развития современной денежной теории, ее структура и трактовка некоторых ключевых проблем. В то же время указывалось, что денежная теория является ареной острой борьбы между различными течениями в рамках буржуазной политэкономии, представители которых по-разному интерпретируют роль денежных факторов в механизме капиталистического воспроизводства, их взаимодействие с факторами материальной сферы, а также выдвигают специфические программы в области экономической политики.

Основной водораздел пролегает между неоклассической и кейнсианской денежными доктринами. Граница эта подчас расплывчата в силу как особенностей индивидуальных позиций авторов, так и взаимопроникновения различных точек зрения, известного в буржуазной литературе под названием неоклассического синтеза.

Тем не менее по важнейшим проблемам денежной теории выявляются существенные различия в позиции представителей конкурирующих подходов. Эта борьба находит выражение не только в теории, но и в рекомендациях по вопросам экономической политики и конкретных мероприятиях правящей администрации. Так, в США после второй мировой войны экономиче-

ская платформа президентов-демократов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона имела ярко выраженную кейнсианскую ориентацию, тогда как представители республиканской партии Д. Эйзенхауэр и Р. Никсон тяготели к рецептам неоклассической школы. Первые делали упор на проблемы ускоренного экономического роста как на основную задачу государственной экономической политики, уделяли большое внимание бюджетным рычагам «накачивания конъюнктуры» и считали вопросы инфляционного обесценения денег если не второстепенной, то по крайней мере не главной проблемой дня. Вторые, напротив, рассматривали стабильность покупательной силы денег как важнейшую долговременную цель государственных мероприятий, делали большую ставку на денежно-кредитную политику и считали бюджет относительно малоэффективным оружием экономического регулирования. Аналогичное размежевание позиций прослеживается и в других развитых странах капитализма¹.

Чтобы понять природу современных споров и разногласий по проблемам теории денег в практике денежного регулирования, необходимо выявить особенности формирования главных линий анализа денежных проблем, проследить их историческое развитие.

В этой связи прежде всего привлекает внимание количественная теория денег, которая служила в прошлом одной из наиболее авторитетных гипотез о влиянии денег в экономической системе и продолжает сохранять сильные позиции и в наши дни как основа современной неоклассической теории денег. Своеобразным конкурентом количественной теории служит кейнсианская теория денег, сформировавшаяся в 30-х годах и давшая мощный толчок пересмотру всего комплекса традиционных представлений о деньгах. Новейшие денежные доктрины 50—70-х годов представляют собой дальнейшее развитие и модификацию этих двух базисных подходов.

¹ E. S. Kirschen *a. o.* Economic Policies in Our Time, vol. 1. Amsterdam—Chicago, 1964, p. 220—264.

1. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

Основные положения количественной теории и этапы ее эволюции. Количественная теория денег, утверждающая, что цены товаров определяются объемом платежных средств, находящихся в обращении, принадлежит к числу старейших доктрин в истории буржуазной экономической мысли. Период ее зарождения относится к XVI в., когда происходивший в Европе бурный рост товарных цен настоятельно требовал объяснения причин этого явления. Кроме того, это был период господства в экономических трактатах идей меркантилизма с его благоговейной верой в особые свойства благородных металлов как важнейшего элемента общественного богатства — тезис, подвергшийся серьезной критике в последующей литературе. В итоге родилась гипотеза, получившая впоследствии название количественной теории денег.

За более чем четырехсотлетний период своего существования количественная теория прошла ряд этапов, и в процессе этой длительной трансформации ее основные формулировки и выводы существенно изменились. Из первых, крайне примитивных положений теории, где товарные цены объявлялись просто зеркальным отражением массы благородных металлов, имеющих в стране, развились более сложные варианты, в которых учитывались объем товарообменных сделок или денежных доходов населения, скорость обращения денежной единицы, наличие различных видов платежных средств (например, чеков) и т. п. Возникли и различные объяснения механизма влияния денег в хозяйственной системе, которые отсутствовали в первых вариантах теории.

Наиболее распространенный в XVIII—XIX вв. вариант количественной теории гласил, что при условии *caeteris paribus* (неизменности прочих условий) уровень товарных цен в среднем изменяется пропорционально изменению количества денег. Это положение сначала применялось к металлическим (золотым и серебряным) деньгам, а затем, после работ Д. Рикардо, и к бумажным (неразмненным) деньгам.

Как видно из приведенной формулировки, количественная теория включает, как правило, два базисных

положения: постулат причинности (цены зависят от количества денег) и постулат пропорциональности (цены изменяются пропорционально изменению количества денег). Эти два элемента в работах различных авторов могут сочетаться самым причудливым образом: имеются прямые и косвенные определения зависимости денег и цен, очень жесткая констатация связи и связь, выраженная в предположительной, гипотетической форме, и т. д. В 20-х годах нынешнего столетия немецкий экономист Маршак попытался систематизировать различные формулировки теории по степени категоричности и акцентам: «1) цены будут расти в определенной пропорции к росту количества денег; 2) их рост не будет пропорциональным росту количества денег; 3) увеличение количества денег может быть причиной повышения цен; 4) рост количества денег — причина любого общего повышения цен; 5) рост количества денег всегда является причиной и никогда — следствием изменения цен; 6) единственный результат увеличения количества денег — снижение их стоимости» и т. п.¹

Таким образом, базисная идея количественной теории может быть выражена различно: от констатации самой общей связи между динамикой цен и изменениями массы платежных средств (второй и третий пункты в перечне Маршака) до категорического утверждения, что любое крупное повышение цен есть прямой и пропорциональный результат предшествующего изменения денежной массы (пункты четвертый и пятый).

В период своего зарождения количественная теория отнюдь не претендовала на объяснение причин изменения цен. Ее главной задачей было обоснование взгляда, что деньги принципиально отличаются от других представителей товарного мира благодаря отсутствию у них внутренней стоимости. И лишь впоследствии в количественной теории начал преобладать тезис о связи состояния денежного обращения с динамикой цен. Таким образом, эта теория могла выступать: 1) как особая теория формирования ценности денег; 2) как теория, предназначенная для объяс-

¹ *J. Marschak. Die Verkehrsgleichung.* — «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», 1924, p. 345.

нения динамики цен, и 3) как специфический вариант трактовки скорости обращения денег. Последнее связано с распространенным среди количественников тезисом о постоянстве показателя скорости обращения денег, что является, как мы увидим, необходимой предпосылкой вывода о пропорциональном влиянии количества денег на цены.

Первым, кто в более или менее отчетливой форме высказал предположение о зависимости уровня цен от количества благородных металлов, был французский философ Жан Бодэн. В своем трактате «Ответ на парадоксы де Мальструа» (1568 г.) он анализировал причины резкого роста дороговизны в странах Западной Европы в XV—XVI вв. и пришел к следующему выводу: «Я считаю, что высокие цены, которые мы наблюдаем сейчас, проистекают из четырех или пяти причин. Главная и почти единственная (на которую до сих пор никто не ссылался) заключается в обилии золота и серебра, которых в Королевстве значительно больше, чем четверть века назад...»¹

Здесь еще нет в явной форме количественной теории, как таковой: Бодэн высказывает лишь предположение о наличии некой общей связи уровня цен с количеством благородных металлов в стране. Он не выдвигает положения о прямой, а тем более пропорциональной зависимости между изменениями количества денег и изменениями цен.

Другие авторы XVI—XVII вв. (Б. Даванзатти, Дж. Монтарини, Дж. Локк) разрабатывают идею Бодэна, постепенно превращая ее в прямолинейный и механический вариант количественной теории. Даванзатти (1588 г.) прямо сравнивает запас благородных металлов с запасом товаров. Его расчет, когда на одну единицу денег (золота) в случае увеличения их количества приходится, при сохранении прочих равных условий, меньшее количество товаров и соответственно повышается денежная цена единицы товара, а стоимость единицы денег падает, становится вскоре общим местом в экономической литературе того времени.

¹ Цит. по: «Early Economic Thought». Ed. by A. E. Monroe, Cambridge (Mass.), 1924, p. 127.

Английский философ и экономист Дж. Локк попытался использовать этот прием в борьбе против воззрений меркантилистов, видевших в благородных металлах воплощение реального богатства общества. В своей работе «Некоторые соображения о последствиях понижения процента и повышения стоимости денег» (1692 г.) он говорит о *пропорциональности* изменения денег и цен. Но у Локка этот постулат опять-таки не предназначен для объяснения динамики цен. Здесь количественная теория выступает лишь как специфическая теория формирования меновой стоимости денег. Главным фактором, регулирующим и определяющим стоимость денег (в данном случае золота и серебра), служит в отличие от других товаров их количество.

Английский философ Д. Юм соединил наблюдения Ж. Бодэна в эпоху «революции цен» с идеей Локка об особых свойствах денег как средства обращения, не обладающего внутренней стоимостью. В его формулировке (трактат «О деньгах», изданный в 1752 г.) изменение количества денег приводит (через определенное время) к пропорциональному изменению уровня цен¹. Таким образом, то, что Локк мыслил как иллюстрацию к характеристике специфических свойств денежного товара, Юм превратил в причинную связь, идущую от денег к ценам.

К. Маркс характеризует Юма как самого выдающегося представителя этой теории в XVIII в. И действительно, в его работе основные постулаты количественной теории выражены с такой предельной четкостью, что последующие авторы в течение столетий по существу лишь дополняли и развивали их. Юм основывал свои заключения на фактическом материале периода «революции цен», т. е. одного из исключительных периодов в экономической истории буржуазного способа производства. Маркс указывал в этой связи,

¹ Говоря о последствиях увеличения количества золота и серебра в стране, Юм замечает: «Первоначально не происходит никаких изменений. Затем это приводит к повышению цен сначала на один товар, затем на другой, пока в конечном счете цены всех товаров не возрастут в такой же пропорции, что и количество мегаллических денег, имеющих в королевстве» (*D. Hume. Of Money*. — Цит. по: «History of Economic Thought. A Book of Readings», p. 84).

что «Юму, как и всем другим писателям XVIII столетия, недоставало материалов, необходимых для детального изучения денежного обращения... такого материала, который появляется вообще только с полным развитием банковского дела»¹.

В работах классиков буржуазной политэкономии принципы количественной теории были последовательно развиты Д. Рикардо, который силой своего научного авторитета утвердил весьма негибкую версию этой теории в экономической литературе на многие поколения вперед. Большой исторический вклад Рикардо заключался в развитии им трудовой теории стоимости и применении ее к исследованию различных политэкономических проблем. Но по вопросам денег взгляды Рикардо отличались большой непоследовательностью. «Чем американские рудники были для Юма, — пишет Маркс, — тем станки для печатания бумажных денег на Треднидл-стрит были для Рикардо; и в одном месте он сам открыто отождествляет оба эти фактора»².

Развитие теоретических взглядов Рикардо было тесно связано с важнейшим экономическим событием того времени — обесценением банкнот Банка Англии после прекращения их размена на золото в 1797 г. В поисках причин этого явления Рикардо наряду с совершенно правильными и прогрессивными для того времени положениями об определении стоимости металлических денег овеществленным в них рабочим временем, как говорит Маркс, «внезапно сворачивает с прямого пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду...»³, а именно к положению о зависимости товарных цен от количества обращающегося золота⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 143.

² Там же, стр. 150.

³ Там же, стр. 151.

⁴ «Если бы в какой-нибудь из этих стран был открыт золотой рудник, то средства обращения ее понизились бы в своей стоимости, поскольку в обращение поступило бы возросшее количество драгоценных металлов, не могущих поэтому иметь такую же стоимость, как средства обращения в других странах... Если бы вместо открытия в стране рудника в ней был учрежден банк наподобие Английского банка с правом выпускать свои банкноты в качестве средств обращения, то выпуск... большого количества банкнот, а следовательно, значительное увеличение суммы средств

Особые черты развитого в классической политэкономии варианта количественной теории заключались в следующем. Во-первых, количество денег в обращении определяется автономно, т. е. по существу независимо от суммы цен товаров и от процессов производства и обращения. В этом заключалась одна из главных ошибок сторонников количественной теории, которые не видели взаимной обусловленности товарного и денежного обращения. Во-вторых, в указанной трактовке количественной теории скорость обращения денег предполагается жестко фиксированной и определяемой медленно изменяющимися платежными обычаями. Она не зависит от цен, товарообменных сделок и других элементов хозяйственного оборота. В-третьих, совершенно исключалась возможность какого-либо воздействия денежной сферы на «реальные» элементы воспроизводственного процесса. Эффект изменения денег сказывается только на ценностной оболочке (концепция «вуали»). В-четвертых, изменение количества денег оказывает одинаковый и механический эффект на цены всех товаров, независимо от того, какой экономический сектор хозяйства испытывает «первоначальный толчок» в виде возросшего спроса и каково было начальное состояние хозяйственной системы в момент увеличения количества денег.

Впоследствии было доказано, что связь между деньгами и ценами не является жесткой и направленной в одну сторону, а допускает разнообразные комбинации; что скорость обращения денег нестабильна и испытывает значительные изменения не только в долговременном, но и кратковременном аспекте; что денежная сфера влияет на процесс производства различными путями, а не только через «ценностные» каналы; что инфляционный процесс под влиянием избыточной денежной массы разворачивается неравномерно, воздействуя на цены то одних, то других товарных групп, и т. д. Кроме того, инфляция связана со слож-

обращения привело бы к такому результату, как и открытие рудника. Средства обращения понизились бы в своей стоимости, а товары повысились бы соответственно в цене. Равновесие между данной страной и остальными могло бы быть восстановлено только путем вывоза части монет. Таким образом, учреждение банка этого типа и сопровождающий его выпуск банкнот действуют так же, как и открытие рудника...» (*Давид Рикардо*. Соч., т. II, стр. 49—50).

ными структурными нарушениями воспроизводства и деньги далеко не всегда являются главной причиной этого процесса. Все эти моменты были уяснены значительно позднее, но показательно, что уже в середине XIX в. в буржуазной литературе возникла сильная оппозиция количественной теории и были выдвинуты доводы, которые в какой-то мере предвосхищают будущую острую критику в адрес количественников.

Английский экономист Т. Тук, который, по характеристике Маркса, выводил свои идеи «не из какой-нибудь теории, но из добросовестного анализа истории товарных цен»¹, справедливо критиковал экономистов денежной школы за односторонность трактовки причинной зависимости денег и цен. Правда, подчеркивая в своих работах многофакторную природу товарных цен, Тук сам в значительной мере абсолютизирует обратную линию причинных связей, идущую от товарного обращения в денежной сфере. В итоге он также приходит к одностороннему объяснению сложного экономического феномена².

Деньги в подобной трактовке совершенно пассивны: они лишь следуют за суммой сделок и не оказывают самостоятельного влияния. В условиях инфляции эта трактовка трудноприменима, и не случайно к концу XIX в. большинство авторов склонялось все же к количественной теории, несмотря на наличие у нее многих слабых мест. Так, Викселль полагал, что заменить количественную теорию денег нечем, хотя и подчеркивал несостоятельность ряда предпосылок, на которых базировалась эта доктрина³.

К началу XX в. споры вокруг количественной теории разгорелись с новой силой. Выходят многочисленные работы, вроде объемистого трактата Б. Андерсона «Стоимость денег» (1917 г.), посвященные целиком разбору и критике основных положений этой теории⁴. Для укрепления позиций количественной теории необходимо было более четко сформулировать взаимосвязь различных ключевых факторов денежной и не-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 165.

² Знаменитый «12-й принцип» Тука гласил: «...цены товаров не зависят от количества денег... а, наоборот, сумма средств обращения является следствием цен» (T. Tooke. An Inquiry into the Currency Principle. London, 1844, p. 123—124).

³ K. Wicksell. Interest and Prices, p. 42.

⁴ B. Anderson. The Value of Money. New York, 1917.

денежной сферы. Эту задачу взял на себя И. Фишер, выдвинувший трансакционную версию количественной теории на базе так называемого уравнения обмена, и английские экономисты-неоклассики, разработавшие особый вариант — теорию кассовых остатков.

Трансакционный вариант количественной теории. Теория И. Фишера основана на двояком выражении суммы товарообменных сделок (по английски — *transactions*, откуда и появилось название его концепции) — как произведения массы платежных средств на скорость их обращения и как произведения уровня цен на количество реализованных товаров. Будучи объединены в одной формуле, эти величины, по мнению Фишера, позволяют анализировать взаимосвязи важнейших макроэкономических величин и при определенных предположениях приводят к выводу о влиянии денег на цены.

Фишер основывает свою теоретическую конструкцию на формуле, известной в литературе как уравнение обмена¹:

$$MV = \sum pQ,$$

где M — сумма наличных денег, находящихся в обороте в течение периода (например, года);

V — скорость обращения;

p — цена индивидуального товара, реализованного в течение рассматриваемого периода;

Q — количество товара.

Элементарное событие, которое лежит в основе фишеровской формулы, — товарообменная сделка. В правой части уравнения фигурирует сумма цен всех товаров, участвовавших в сделках; в левой им противостоит сумма всех платежей деньгами.

¹ Следует отметить, что ни теоретические положения Фишера, ни использованный им аналитический аппарат не являлись чем-то абсолютно новым в экономической литературе начала XX в. Основные идеи количественной теории были сформулированы Юмом и получили окончательную шлифовку в «Отчете о слитках» (1810 г.) и работах Д. Рикардо. Само уравнение обмена было предложено малоизвестным американским экономистом С. Ньюкомбом в работе «Принципы политической экономии» (*S. Newcomb, Principles of Political Economy*. New York, 1885, p. 346). «Депозитный элемент» формулы и ряд других положений фишеровской версии разработал до него Э. Кеммерер (*E. W. Kemmerer. Money and Credit Instruments in Their Relation to General Prices*. New York, 1907).

В дальнейшем Фишер усложняет уравнение, вводя в левой части еще один член $M'V'$, где M' — сумма денежных средств на чековых счетах; V' — скорость обращения этих остатков в течение периода. Формула приобретает следующий вид:

$$MV + M'V' = PT,$$

где P — средний взвешенный уровень цен, а T — сумма всех Q .

Уравнение обмена тавтологично по определению. Это тождество, правая часть которого безусловно равна левой, поскольку они представляют собой лишь различные способы выражения одной и той же величины — денежной суммы товарообменных сделок. Но Фишер стремится построить на этом уравнении причинно-следственные зависимости, трактуя определенным образом динамику и связь различных элементов формулы. В итоге уравнение обмена становится основой теории общего уровня цен. «Уровень цен, — пишет он, — изменяется 1) прямо пропорционально количеству денег в обращении, 2) прямо пропорционально скорости обращения денег, 3) обратно пропорционально объему торговли, осуществленному с помощью этих денег. Первое из этих отношений... выражает центральную идею количественной теории»¹.

Пропорциональное воздействие изменения количества денег на цены проявляется, по мнению Фишера, лишь в долговременном плане. Что же касается кратковременного аспекта, то указанное влияние денег может существенно искажаться во время так называемых «переходных периодов» («transition periods»), под которыми он понимал циклические колебания производства.

Формулировки Фишера до сих пор дают пищу для споров буржуазных теоретиков. Одни критики обвиняют Фишера в создании весьма негибкой и механической версии количественной теории, утверждающей тезис о прямо пропорциональной зависимости между изменением денег и цен. Другие, напротив, ссылаясь на идею «переходных периодов», в ходе которых, как признавал Фишер, выведенные им закономерности не

¹ I. Fisher. The Purchasing Power of Money, p. 29.

действуют, считают уравнение обмена лишь общим условием равновесия экономической системы¹.

При анализе уравнения обмена большое внимание уделялось «выключению» влияния факторов T и V , которые могут нарушить прямую зависимость M и P . «Неэластичность» предложения товаров и скорость обращения денег Фишер связывал с их слабой реакцией (вернее, отсутствием реакции) на изменение количества денег в обращении. В этой связи выдвигались следующие соображения. Объем произведенных и обмениваемых товаров (T) в долгосрочном плане определяется: условиями производства (разделение труда, технология, накопление капитала, география различных природных ресурсов), условиями связи производителей и потребителей (транспорт, связь, развитие кредитной системы), изменением характера потребностей и т. д.² Но эти факторы меняются относительно медленно. Что касается денег, то их влияние на «реальные» факторы воспроизводства несущественно³.

Второй ключевой фактор в уравнении обмена — скорость обращения денег — жестко задан институциональной структурой оборота, платежными обычаями и т. п. Среди условий, влияющих на скорость, называются: привычки и предпочтения хозяйственных агентов (склонность к сбережению, масштабы использования чеков), сложившиеся платежные обычаи (частота платежей, степень их синхронизации), состояние средств связи и транспорта и т. д.⁴

Автор «Покупательной силы денег» неоднократно возвращается к вопросу о «неэластичности» скорости обращения денег, независимости этого показателя от изменений количества платежных средств. Дело в том, что наличие отчетливой реакции скорости на денежную эмиссию могло бы существенно исказить провозглашаемую количественной теорией зависимость P от

¹ Шумпетер признавал, например, «что количественная теорема верна только в условиях равновесия» (*J. A. Schumpeter. History of Economic Analysis*, p. 1102).

² *I. Fisher. The Purchasing Power of Money*, p. 74—75.

³ «Инфляция денег не может увеличить продукт ферм или заводов, равно как и скорость грузовых поездов или судов. Ход деловых операций покоится на естественных ресурсах и технических условиях, а не на количестве денег» (*Ibid.*, p. 155).

⁴ *I. Fisher. The Purchasing Power of Money*, p. 79.

М, устранить пропорциональность изменений этих величин. Исходя из устойчивости платежных обычаев, Фишер утверждает, что «среднее время пребывания денег в одних и тех же руках очень точно определено», и что удвоение количества денег и депозитов «оставило бы скорость почти неизменной»¹.

Последующее исследование этого вопроса в XX в. показало, что скорость обращения денег может существенно реагировать на резкие изменения величины денежной массы, особенно в периоды разрушительной инфляции. Но в момент выхода книги Фишера это еще не было очевидным. Более того, приведенные им статистические выкладки, казалось, подтверждали вывод о малой изменчивости скорости обращения денег. Так, по расчетам Фишера, в 1896—1909 гг. в США при изменении суммы наличных денег на 80% и индекса цен на 65% скорость обращения возросла незначительно — в пределах 11—12%. Эти цифры были истолкованы им как подтверждение количественной теории.

Фишер исключал и какую-либо возможность обратного влияния общей суммы сделок (*PT*) на «денежные» элементы уравнения обмена. Он пишет: «Уровень цен обычно служит единственным пассивным элементом уравнения обмена. Он контролируется исключительно другими элементами и порождающими их причинами, но сам не контролирует их»². Произвольность такого допущения очевидна: в реальных условиях капиталистического производства изменение уровня цен и соответственно суммы сделок несомненно влияет на потребность в платежных средствах и на размеры денежной эмиссии.

Теория Фишера закрепляла традиционный разрыв между денежной и общеэкономической теорией. Она декларировала отсутствие связи между общим уровнем цен, который определяется количеством денег, и меновыми пропорциями отдельных товаров. «Уровень цен, — утверждает Фишер, — должен изучаться независимо от индивидуальных цен»³.

Как теория стоимости денег концепция Фишера представляет собой яркий пример номинализма. Об

¹ I. Fisher. The Purchasing Power of Money, p. 146.

² Ibidem.

³ Ibid., p. 175.

этом говорят, в частности, иллюстрации, с помощью которых Фишер пытается обосновать взгляд, что именно количество денег (а не их стоимость) оказывает решающее влияние на уровень цен. Первый пример Фишера сводится к гипотетической ситуации, когда правительство объявляет об удвоении номинала всех существующих денег; второй — к чеканке вдвое большего количества монет из того же количества металла и третий — к выпуску государством дубликата для каждой имеющейся уже в обращении монеты. Эти случаи, по мнению Фишера, приведут к одинаковому эффекту — удвоению среднего уровня цен. Он пишет: «Короче говоря, количественная теория денег утверждает, что (при условии неизменной скорости обращения и условий торговли), если мы увеличим количество долларов... цены поднимутся в той же пропорции. *Важно именно число, а не вес...* Это факт, который отличает деньги от всех других товаров»¹.

По традиции всех количественников Фишер рассматривал деньги исключительно как средство обращения. Ясно, что с учетом других функций денег их удвоение отнюдь не обязательно приведет к удвоению спроса на товары, на чем базируются доказательства Фишера о пропорциональном росте цен. В действительности деньги могут быть отложены, тезаврированы, использованы для покупки каких-либо специфических видов товаров, создавая повышенный спрос лишь на определенных рынках, и т. п.²

Книга Фишера способствовала утверждению в буржуазной литературе весьма негибкого варианта количественной теории. И не случайно, что эта теория потерпела фиаско в 30-х годах, после чего началась длительная полоса ее упадка и непопулярности.

Кембриджский вариант количественной теории. Рассмотрение денег с точки зрения их участия в осуществлении товарообменных сделок получило наибольшее распространение в американской литературе о деньгах (Э. Кеммерер, И. Фишер). В Западной Европе в начале XX в. пользовался популярностью дру-

¹ I. Fisher. The Purchasing Power of Money, p. 31 (курсив наш.— В. У.).

² Как указывал Маркс, рассматривая позицию Рикардо, у последнего деньги идентичны монете, т. е. обращающимся деньгам. Такова же позиция Фишера.

гой вариант количественной теории, известный как теория кассовых остатков (*cash balance theory*), или кембриджская версия. Последнее название было связано с тем, что наиболее активными пропагандистами этой концепции выступали экономисты, принадлежащие к кембриджской школе, — А. Маршалл, А. Пигу, Д. Робертсон, Ф. Лавингтон и Дж. М. Кейнс (в своих ранних работах).

Вместе с тем следует отметить, что некоторые важные положения, легшие затем в основу теории кассовых остатков, были развиты вне рамок кембриджского направления Т. Туком, К. Викселлем, А. Вагнером, Ф. Визером, И. Шумпетером, Л. Вальрасом. Так, Л. Вальрас ввел понятие *encaisse désirée* («желаемые кассовые остатки»): этим термином он обозначал часть дохода, которую лицо желает хранить в денежной форме. Это понятие заняло центральное место в концепции кембриджских экономистов.

Еще ранее, в середине XIX в., Т. Тук сформулировал так называемую доходную теорию цен (*income theory of prices*), которая также была использована экономистами кембриджской школы. Выше уже упоминалось о «12-м принципе» работы Тука «Исследование принципов денежного обращения», где декларировалось положение об определяющем влиянии суммы товарных цен на динамику платежных средств. На вопрос о том, что определяет уровень цен, Тук выдвинул не менее известный 13-й принцип, гласивший, что уровень цен определяется спросом на потребительские товары, а этот спрос в свою очередь зависит от изменений в доходах населения¹. Акцент на связи доходов с процессами ценообразования прослеживается и в работах кембриджских теоретиков.

Подобно Фишеру, представители кембриджской школы пытались продемонстрировать определяющее влияние на уровень цен изменений денежной массы. Они подчеркивали идентичность своих взглядов взглядам Фишера, тогдашнего признанного авторитета по вопросам денежной теории, переводя различия в плоскость методологии, аналитических приемов и т. д.²

¹ T. Tooke. *An Inquiry into the Currency Principle*, p. 124.

² А. Пигу, изложивший в статье «Стоимость денег» основные принципы кембриджского подхода, пишет: «Хотя механизм, который я собираюсь предложить, весьма отличается от того, который

Но именно тем особенностям кембриджской версии, которые первоначально представлялись чисто техническими и второстепенными, суждено было сыграть впоследствии важную роль в перестройке денежного анализа. Различия фишеровского и кембриджского вариантов проявились прежде всего в общем подходе к исследованию денежных проблем. Теория Фишера представляла собой макроэкономическую теорию. Ее сторонники мало интересовались особенностями поведения отдельных хозяйственных агентов; главным объектом исследования являлись агрегатные потоки денег в хозяйственном обороте, взятом как единое целое. Скорость обращения денег рассматривалась как частота переходов денежной единицы из рук в руки в процессе осуществления сделок.

Кембриджские экономисты сосредоточивали внимание на мотивах поведения индивидуальных агентов производства. В центр были поставлены не процессы движения денег, а их накопление в кассах капиталистических фирм и у отдельных лиц. В основе своей подобный подход был микроэкономическим. Главный вопрос, на который пытались дать ответ теоретики кембриджской школы, заключался в следующем: от каких факторов зависит спрос хозяйственных субъектов на кассовые остатки? Иначе говоря, чем определяется пропорция, в которой делится текущий доход между деньгами и другими возможными формами его помещения, например инвестируемым капиталом? ¹

Анализируя спрос на кассовые остатки, кембридж-

разработан профессором И. Фишером в его превосходной книге «Покупательная сила денег»... я никоим образом не являюсь «оппонентом» «количественной теории» или враждебным критиком тонкого анализа профессора Фишера. Он нарисовал свою картину одной краской, а я другой. Но обе картины написаны с одного предмета, и изображение наиболее важных свойств этого предмета в значительной мере совпадает». (*A. C. Pigou, The Value of Money*. — Цит. по: «*Readings in Monetary Theory*». London, 1952, p. 162—163).

¹ Пигу считал главной особенностью своего подхода то, что в нем «внимание сосредоточено на доле ресурсов, которую люди предпочитают хранить в форме титулов (прав требований. — В. У.) на законное платежное средство вместо того, чтобы делать акцент на скорости обращения денег» («*Readings in Monetary Theory*», p. 174). В категорию «титулов на законное платежное средство» (*titles for legal tender*) Пигу зачислял золотые деньги, а также неполноценные монеты, банкноты, чековые депозиты.

ские экономисты подчеркивали два момента — удобство обладания деньгами как всеобщим покупательным средством («готовой покупательной силой», как писал А. Маршалл) и роль денег как страхового резерва на случай непредвиденных обстоятельств¹. Размеры накопления денег увязывались с мотивами поведения хозяйственных субъектов, а не навязывались им с «железной необходимостью» свыше. Д. Лейдлер отмечает, что акцент в кембриджском варианте делался на желании хранить деньги, а не на обязанности их хранить и именно это обуславливает существенное его отличие от фишеровской схемы².

Сторонники теории кассовых остатков подчеркивали два мотива накопления денег — как фонда средств обращения и как резерва на покрытие непредвиденных нужд. По существу это означало, что они принимали во внимание две функции денег — как средства обращения и как средства сбережения. В транзакционной версии во внимание принималась лишь функция обращения.

Говоря об определяющем принципе распределения дохода между деньгами и другими альтернативными формами, Маршалл пишет, что удобству, создаваемому накоплением крупных денежных остатков, противостоят «жертвы» в виде «упущенной выгоды», так как эти деньги, будучи обращены в капитал, могли бы принести прибыль. Такое сопоставление «прибылей» и «издержек» составляет сердцевину теории потребительского выбора, которую кембриджские экономисты пытались последовательно применить к деньгам³.

¹ «Readings in Monetary Theory», p. 164; *D. Robertson. Money*, p. 35.

² *D. Laidler. The Demand for Money. Theories and Evidence*. Scranton, 1969, p. 58.

³ «Спрос на деньги, равно как и спрос на хлеб, есть результат процесса индивидуального взвешивания конкурирующих преимуществ на пределе» (*D. Robertson. Money*, p. 37). «...Точка равновесия достигается там, где вычисленные преимущества хранения на руках большего количества денег по сравнению с расходованием или инвестированием их примерно уравниваются» (*Дж. Кейнс. Трактат о денежной реформе*, М., 1925, стр. 42). «Ресурсы, выделенные для потребления, представляют доход с немедленным удовлетворением; те, которые хранятся как запас денег, приносят доход в виде удобства и предосторожности, а те, которые выделяются для инвестирования в узком смысле слова, приносят доход в виде процента... Количество ресурсов, которые ин-

Тем не менее принцип выбора, который по существу призван отразить особые условия формирования потребности в деньгах на стадии позднего капитализма, не получил последовательного выражения в теории кассовых остатков. Путем ряда упрощений анализ в конечном счете переводился на рельсы традиционной количественной теории с ее ключевым тезисом о наличии жесткой причинной связи между общим уровнем цен и количеством платежных средств. Это наглядно проявилось в следующей формуле (формула Пигу, или «кембриджское уравнение»):

$$M = kRP,$$

где M — количество денежных единиц;

R — общая величина производства в физическом выражении в единицу времени;

P — цена произведенной продукции;

k — часть RP , которую люди предпочитают хранить в виде денег.

«Когда k и R трактуются как константы, — пишет Пигу, — эта формула, конечно, представляет уравнение равносторонней гиперболы»¹. Иными словами, при постоянстве k и R возникает обратно пропорциональная связь между стоимостью (покупательной силой) денежной единицы и величиной имеющихся в хозяйстве кассовых остатков (количеством денег). А это и есть главный вывод количественной теории.

Интерпретация формулы Пигу покоится на уже знакомом нам выводе неоклассической модели о том, что в хозяйстве всегда существует полная занятость. Стабильность же k равносильна принятию условия о неизменной скорости обращения денег. Необходимо подчеркнуть еще одну важную особенность кембриджского подхода: RP в формуле Пигу отражает сумму денежных доходов, эквивалентную конечному продукту, тогда как у Фишера PT — общая сумма сделок, включающая промежуточные стадии производства и обращения, финансовые сделки и другие операции, не

дивидуум держит в форме денег, будет таково, что единица ресурсов... приносит ему доход в виде удобства и безопасности, равный удовлетворению, получаемому от предельной единицы, потраченной на потребительские товары, а также чистой норме процента» (*F. Lavington. The English Capital Market. London, 1921, p. 30*).

¹ «Readings in Monetary Theory», p. 165.

связанные непосредственно с конечным результатом производства. Коэффициент k отражает скорость особым образом — как скорость обращения денег в кругообороте конечных доходов в отличие от скорости обращения денег в сделках.

Важная деталь: в кембриджской теории речь идет о «реальной» покупательной силе «запаса денег», с учетом динамики цен, а не о номинальной стоимости этого запаса, выражаемой числом денежных единиц. Нарушение привычной пропорции между номинальной суммой денег и доходом (например, удвоение числа денежных единиц у отдельных лиц) дает начало процессу обесценения денег, так что в конечном счете «привычный» уровень «реальных» кассовых остатков, отражаемый коэффициентом k , восстанавливается.

Робертсон описывает этот процесс следующим образом: «По мере того как новые деньги попадают в обращение, отдельные лица обнаруживают, что их запас денег возрастает, и пытаются сократить свои запасы до нормального уровня, тратя их быстрее»¹. Но денежные остатки не могут исчезнуть бесследно. Они лишь переходят от одних лиц к другим. Расходование денег ускоряется, что выражается в повышении спроса на товары. Однако, поскольку хозяйство в неоклассической модели всегда находится в точке полной занятости, ускоренное расходование денег может выразиться лишь в росте цен. Покупательная сила денежной единицы снижается, и прирост денег, вызвавший процесс корректировки, «ассимилируется» оборотом. В конечном счете восстанавливается прежняя стоимость запаса денег, но при более высоком уровне цен.

Реакция экономической системы на рост количества денег связана в кембриджской схеме с совершенной эластичностью цен. Это одна из важнейших предпосылок неоклассической модели. Главное условие, определяющее автоматизм действия ценностного механизма, заключается в устойчивости пропорции между количеством денег и доходом (или, что то же самое, постоянстве скорости), что на сей раз, в отличие от фишеровского варианта, обосновывается действием психологических факторов. Благодаря всем этим допущениям Маршалл имеет возможность заключить

¹ D. H. Robertson. Money, p. 117.

свой анализ денег и цен в духе наиболее жестких версий количественной теории: «...если все прочие факторы останутся неизменными, то возникает прямая связь между суммой денег и уровнем цен, иначе говоря, если один показатель повысится на 10%, то и второй увеличится на 10%»¹.

Хотя кембриджский вариант количественной теории провозгласил мотивационный подход к проблеме накопления денег, он в то же время оставил без внимания «эталон» прибыльности капитала — норму процента и ее влияние на процессы денежного обращения. В кембриджской формуле выбор между деньгами и альтернативными формами помещения дохода (например, инвестированием в реальные активы или ценные бумаги) не был открыто выражен. Спрос на кассовые остатки зависит в ней только от сделок по обмену конечного продукта на доходы, что делает кембриджский подход в принципе идентичным фишеровскому. Таким образом, особенности обращения и накопления кредитных денег как элемента капиталистических отношений, опосредствующего движение капитала и его превращения из одной формы в другую, не были поняты экономистами-неоклассиками. В конечном счете они сводили капиталистический оборот к простому товарному обращению.

Итак, теория кассовых остатков наметила новые подходы к изучению денег, акцентировала внимание на психологии хозяйственных субъектов, закономерностях их поведения. Но этот принцип не получил последовательного развития до середины 30-х годов. Принятие условий неоклассической модели воспроизводства в сочетании с предпосылкой стабильной скорости обращения денег ограничивало применимость мотивационного анализа, сводило сложный механизм взаимодействия денег и неденежных факторов к прямолинейной зависимости спроса на деньги от суммы товарообменных сделок.

Неудивительно, что в итоге кембриджские теоретики приходят к пресловутой концепции «вуали». Д. Робертсон начинает свою книгу «Деньги» следующей знаменательной фразой: «Деньги не представляют собой столь жизненно важной темы, как приходит-

¹ A. Marshall. Money, Credit and Commerce. London, 1923, p. 45.

ся иногда слышать... Для исследователя необходимо с самого начала прорвать денежную вуаль, которая окутывает большинство деловых операций, и посмотреть, что происходит в сфере обращения реальных товаров и услуг...»¹

Количественная теория и неоклассическая концепция воспроизводства. Основные предпосылки и выводы традиционных вариантов количественной теории, которые сложились к началу XX в., находились в органической связи со всей системой взглядов буржуазной политической экономии домонополистического периода капитализма. Ныне эти взгляды, как правило, преподносятся в учебной и теоретической литературе в виде «макроэкономической модели классиков»². На этом понятии необходимо остановиться подробнее.

Термины «классики» политэкономии, «классическая» политэкономия и т. п. трактуются в современных буржуазных работах расширительно. Как известно, Маркс включал в понятие «классическая экономия» работы таких выдающихся представителей экономической мысли, как У. Петти, А. Смит и Д. Рикардо. Главным критерием для такой классификации было наиболее последовательное развитие этими учеными научных элементов политической экономии в домарксистский период, и в первую очередь элементов трудовой теории стоимости.

В западной литературе этот критерий, естественно, не применяется, и определение «классиков» теряет четкие очертания. Наряду со Смитом и Рикардо к ним относят представителей периода разложения классической политэкономии, для которых характерно введение нетрудовых элементов в понятие стоимости, например Ж. Сэя, Г. Мальтуса, Дж. Ст. Милля, а иногда и более поздних экономистов — Л. Вальраса, К. Висселля, А. Маршалла, А. Пигу. Часто экономисты конца XIX — начала XX в. выделяются в «неоклассическую ветвь» политэкономии, которая отличалась последовательным развитием принципов маржиналистского анализа. Но при этом подчеркивается преемственность основных исходных предпосылок и постулатов этих экономистов и «классиков».

¹ D. Robertson. Money, p. 1.

² См., например, R. G. D. Allen. Macroeconomic Theory. A Mathematical Treatment. New York, 1967, p. 101—112.

На основе обобщения взглядов, доминировавших в буржуазной политэкономии домонополистического периода, в современной экономической литературе делается попытка построить структурную модель «классиков», которая отражала бы наиболее характерные особенности подхода экономистов периода свободной конкуренции к решению экономических проблем, была бы своего рода эталоном экономического мышления той эпохи.

В популярном учебнике по макроэкономическому анализу, выдержавшем полтора десятка изданий, американский экономист Г. Эккли пишет, что под термином «экономист-классик» обычно понимаются английские и американские экономисты, следовавшие «основной ортодоксальной линии со времен Рикардо (1772—1823) до, скажем, 1930 г.»¹. При этом подчеркивается, что «ни один «экономист-классик» не придерживался положений, которые ныне приписываются этому мифическому ученому... Его идеи были гораздо менее четко очерчены и более реалистичны... Если в историческом аспекте говорить о... макроэкономических теориях «экономистов-классиков» было бы несколько неточно, то аналитически такой подход тем не менее полезен»².

Нам представляется, что более правильно говорить о неоклассической модели воспроизводства, поскольку то, что представлено в современных учебниках, лишь в очень отдаленной степени напоминает учение классиков буржуазной политической экономии. Сохранены лишь некоторые важные исходные предпосылки классического подхода, тогда как основные блоки этой модели (производственная функция, функция спроса на деньги, функциональные связи на рынке рабочей силы и т. п.) детально разработаны уже в XX в., т. е. через много десятилетий после заката классической политической экономии.

Неоклассическая модель воспроизводства зиждется на признании того, что в условиях совершенной конкуренции и обусловленной этим полной эластичности цен на всех рынках (включая не только цены рядовых товаров, но и цену товара рабочая сила — заработную плату и «цену» капитала — процент) экономическая

¹ G. Ackley. *Macroeconomic Theory*. New York, 1961, p. 109.

² *Ibidem*.

система автоматически, благодаря действию внутренних сил и без какого-либо вмешательства извне, будет неизбежно приведена в состояние равновесия при полной занятости трудовых и производственных ресурсов. Иначе говоря, для экономики капитализма при наличии ничем не ограничиваемой конкуренции нормальным состоянием является максимальная загрузка имеющихся ресурсов, что делает невозможным общее перепроизводство товаров, кризисы, длительную безработицу и т. д.

Одной из особенностей неоклассической модели было то, что она по существу являлась моделью бартера, безденежного хозяйства. Хотя деньги фигурировали в ней, они не были органически связаны с «реальными» факторами воспроизводства, с кругооборотом общественного капитала. Основное назначение денег в этой системе заключалось в определении уровня денежных цен.

Количественная теория денег органически вплета-лась в систему неоклассических взглядов. Мы уже говорили о специфической концепции реализации, нашедшей выражение в короткой фразе Ж. Сэя «предложение само порождает для себя спрос». Совокупный рыночный спрос в неоклассических моделях общего равновесия всегда в точности равен совокупному предложению товаров, что обусловлено конкуренцией и быстрой подстройкой цен к равновесному уровню производства при полном использовании ресурсов.

Сэй игнорировал реальные противоречия товарного производства, порождаемые двойственным характером труда, заключенного в товаре. Товар должен найти потребителя, а труд, заключенный в нем, должен быть признан общественно необходимым трудом. Акт реализации товара в условиях денежного хозяйства, его продажа удостоверяется передачей особого товара — всеобщего эквивалента, или денег. Для Сэя же обмен товара на товар ничуть не отличается от продажи его за деньги. Последние представляют собой лишь технический инструмент, облегчающий процесс обращения товаров.

С этим взглядом был связан тезис о «нерациональности» накапливания денег, который, как мы видели, был подвергнут некоторому пересмотру в кембриджском варианте количественной теории. Эконо-

мический субъект стремится свести количество денег к минимуму, диктуемому потребностями обслуживания товарооборота. Любой дополнительный доход должен быть немедленно израсходован, так как накопление его в денежной форме не отвечает каким-либо реальным потребностям. Поскольку удержание денег мимолетно, формулу «товар — деньги — товар» можно заменить формулой «товар — товар», опустив посредствующее звено как несущественную деталь.

Несколько инородным в этой модели выглядело столь распространенное явление, как акт денежного сбережения. Не разрывает ли он потока расходов, что в свою очередь может вызвать несовпадение совокупного спроса и предложения? На это давался следующий ответ. Сберегаемый доход может принимать различные формы: накапливаться в виде запаса наличных денег (чистая тезаврация); быть инвестирован в производительный капитал (машины, оборудование) и, наконец, расходоваться на покупку ценных бумаг (т. е. фактически предоставляться в ссуду). Первый путь в силу его предполагаемой нерациональности отпадает (деньги — мимолетный посредник, и накопление их не имеет смысла). Второй путь привлекает немногих людей, ибо для этого необходимо организовать самостоятельное производство. Наиболее массовым является третий путь: «рациональный человек» покупает ценные бумаги, приносящие доход, или ссужает деньги под процент в какой-либо другой форме.

Таким образом, проблема «избыточных денег», как представляли ее себе экономисты-неоклассики, решалась путем привлечения рынка кредита, который представлен в этой модели ценными бумагами («облигациями»). Покупку «облигаций» можно рассматривать как специфическую форму расходования денег, и поэтому акт сбережения сам по себе не нарушает общего совпадения спроса и предложения¹.

Большое значение в этой системе доказательств имело свободное колебание «цены» капитала — специфического товара, представляющего объект торговли

¹ Эта идея продолжала доминировать и в начале XX в. Кейнс в «Общей теории» замечает: «Современное мышление, как и прежде, глубоко увязло в представлении, что, если люди не расходуют деньги одним путем, они делают это другим» (*J. M. Keynes. The General Theory...*, p. 20).

на рынке кредита. Норма процента, выступающая в роли такой «цены», является главным регулятором, обеспечивающим равенство сбережений и инвестиций, а следовательно, уравнивание спроса и предложения капитала. Неоклассическая теория процента формулировалась таким образом, что она подкрепляла общий вывод количественной теории об отсутствии связи денег с реальной экономикой. Факторы, обуславливающие движение этой «цены», не имели связи с денежным обращением: они определялись «реальными» факторами («предельной производительностью капитала» на стороне спроса на ссудный капитал и склонностью сберегать — на стороне предложения ссудного капитала).

Итак, деньги, полученные хозяйственным субъектом в виде дохода, немедленно расходуются. При этом часть доходов может сберегаться, поступать в распоряжение кредитной системы. В конечном счете экономический механизм всех рынков (в том числе и кредитного) обеспечивает полное расходование денег, мобилизованных в форме дохода. Но для этого необходимо одно условие: абсолютная эластичность товарных цен как в сторону их повышения, так и в сторону снижения. Если спрос на товары по каким-то причинам превысил предложение, скажем, на 20%, то это не может создать никаких затруднений: просто цены через какое-то время поднимутся на 20% и равновесие будет восстановлено на уровне «полной занятости» при прежнем физическом объеме продаж. Если денег, поступивших на рынок кредита в виде сбережений, будет недостаточно для удовлетворения спроса на заемный капитал, то цена на этом рынке (норма процента) повысится. Значительная группа заемщиков будет устранена с рынка (займы станут менее выгодными). Кроме того, с повышением рыночных процентных ставок предложение сбережений возрастет, что будет также способствовать восстановлению равновесия. Таким образом, важнейшим условием функционирования системы является гибкость цен на всех рынках.

Выше уже говорилось о попытках «усложнить» количественную теорию, выйти за рамки традиционных представлений о прямолинейной связи денег и цен в условиях широкого развития банковской системы и превращения кредита в необходимый момент процес-

са воспроизводства. Наблюдая на рубеже XX в. зарождение финансового капитала и специфических форм сращивания банков с промышленностью, Виксель и некоторые другие экономисты пытались описать новые пути воздействия денежной сферы на процессы экономического развития. Денежная масса, указывал Виксель, в современных условиях изменяется в ходе кредитных операций банков. Банки не только перераспределяют накопленные деньги (сбережения), но и создают новые платежные средства. Тем самым они воздействуют на процессы капиталовложений, на спрос. Но, оставаясь в рамках «классических» представлений и предполагая, в частности, что механизм гибких цен достаточно эффективно регулирует и координирует действия производителей, Виксель считал полную занятость типичной чертой системы и сводил влияние денег к ценностной «вуали».

Маркс подверг критике классическую теорию реализации. Изображая капиталистическую экономику как гармонически развивающуюся систему, где внутренние силы автоматически и эффективно ликвидируют диспропорции воспроизводства, эта теория противоречила реальным фактам.

Маркс отмечал, что в работах авторов первой половины XIX в. господствовал тезис о «метафизическом равновесии между покупками и продажами», которое превращает «процесс обращения в непосредственную меновую торговлю». Инициатором этого взгляда был Дж. Милль, но именно в работах Сэя «хитроумная находка» Милля получила логическое завершение и была использована в полемике против Сисмонди и Мальтуса¹.

«Непосредственная меновая торговля — первоначальная форма процесса обмена. — представляет собой скорее начало превращения потребительных стоимостей в товары, чем товаров в деньги. Меновая стоимость не получает еще никакой самостоятельной формы, она еще непосредственно связана с потребительной стоимостью». На определенной стадии развития товарно-денежных отношений весь товарный мир разделяется на ординарные товары и деньги, выступающие как кристаллизация меновой стоимости това-

¹ См. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 13, стр. 80—81.

ров. В этом смысле «процесс обмена есть вместе с тем процесс образования денег»¹.

Подобная перестройка вносит огромные изменения в хозяйственный механизм. С появлением денег впервые возникает «всеобщая возможность торговых кризисов», которая резко усиливается с развитием функции денег как средства платежа и появлением разнообразных кредитных отношений. Разделение единого менового акта на два самостоятельных акта — покупку и продажу и упрочение этого отношения составляет «всеобщую форму разрыва связанных друг с другом моментов этого общественного обмена»². С появлением денег возникает формальная возможность современных кризисов перепроизводства³. Но превращение этой возможности в реальное и регулярно повторяющееся явление связано с капиталистическими производственными отношениями, с развитием основного противоречия капитализма — между общественным характером труда и частнокапиталистическим присвоением.

Значение кардинального сдвига, вызванного превращением натурального хозяйства в товарно-денежное хозяйство, не было понято экономистами XIX в. Господствовало мнение, что «меновая торговля есть адекватная форма процесса обмена товаров, которая только сопряжена с известными техническими неудобствами, для устранения которых деньги служат хитро придуманным средством»⁴. Маркс высмеивает представления о том, что деньги — это материальное орудие, вроде корабля или паровой машины, а не выражение общественного отношения, что позволяло некоторым экономистам вообще исключать деньги из списка экономических категорий.

Трактовка денег как чисто технического инструмента во многом облегчала и вуалировала ошибочную аргументацию Сэя, Милля и их последователей по вопросам реализации товаров. Уже сам по себе всеобщий избыток товаров в периоды циклических кризисов говорил об отсутствии автоматизма реализации, о неэффективности системы цен как средства стихийного

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 36, 38.

² Там же, стр. 80.

³ См. там же.

⁴ Там же, стр. 37—38.

регулирования пропорций. Именно тогда с наибольшей силой обнаруживается противоположность товара и денег, служащая, по словам Маркса, абстрактной и всеобщей формой всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде¹. В классической же схеме благодаря предварительной скоординированности производства и мгновенному установлению равновесных цен таких диспропорций возникнуть не может. С этих позиций обмен товара на деньги рассматривается не как признание общественной потребности в товаре (все, что произведено, будет продано!), а как малосущественная техническая деталь, не вносящая принципиальных изменений в процесс производства и обращения товаров. Количественная теория с ее сведением роли денег к простому средству обращения и подчеркиванием «ценностной вуали» была важным элементом неоклассических взглядов. И не случайно инициатор перестройки буржуазной политической экономики в духе требований государственно-монополистического капитализма Дж. М. Кейнс одной из первых мишеней при критике «классических постулатов» избрал традиционную концепцию денег, уделив ей в своих работах первоочередное внимание.

2. ТЕОРИЯ ПРЕДПОЧТЕНИЯ ЛИКВИДНОСТИ

«Кейнсианская революция» в экономической теории: общие замечания. Теория Кейнса, в том числе и его взгляды на роль денег, окончательно сформировалась в первой половине 30-х годов, когда весь капиталистический мир переживал серьезнейший экономический кризис. Этому предшествовала длительная полоса экономических трудностей, унаследованных от первой мировой войны: разрушенное хозяйство и острейшая инфляция, появление огромной, быстро растущей армии безработных и т. д. С особой силой указанные процессы проявились в старейшей стране «классического капитализма» — Англии, и это обстоятельство не могло не повлиять на мировоззрение Кейнса, его подход к решению научных проблем.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 80.

Кризис 1929—1933 гг. явился кульминацией развития капиталистической экономики в межвоенный период. Он с исключительной остротой поставил вопрос об исторических судьбах капитализма, путях и перспективах его дальнейшего развития. Неудивительно, что влияние кризиса и последующей глубочайшей депрессии на экономическую структуру и классовую борьбу, стратегию монополий и политику государства было столь глубоким и значительным, что по сей день буржуазные экономисты, социологи, политические деятели снова и снова возвращаются к событиям 30-х годов, пытаясь переосмыслить их причины и последствия.

В условиях «великой депрессии» особенно наглядно выявились коренные дефекты традиционной экономической теории, ее неспособность дать реалистический анализ причин хронических болезней капитализма и предложить эффективные меры если не для ликвидации, то по крайней мере для смягчения наиболее серьезных нарушений в процессе капиталистического производства. Политическая экономия домонополистического периода была проникнута оптимистической верой в жизнеспособность капитализма, целительное действие саморегулирующих механизмов, которые, действуя спонтанно и автоматически, неизменно приводят производство и занятость к максимуму при данном уровне развития производительных сил. Возникла настоятельная потребность в новом подходе, при котором получили бы объяснение такие явления, как массовая безработица, длительные падения производства, наличие неиспользованных мощностей при относительной узости потребления и т. д. Этот вакуум в буржуазной политэкономии попытался заполнить Кейнс.

Отход Кейнса от теоретических догм периода свободной конкуренции был долгим и трудным. Будучи воспитан в традициях неоклассического анализа и имея своими учителями и коллегами таких выдающихся представителей кембриджской школы, как А. Маршалл, А. Пигу, Д. Робертсон, Кейнс в начале своей научной карьеры тяготел к классическим схемам экономического процесса, полностью разделял их общую философию и взгляды по проблемам денег.

«Новый Кейнс» появился на свет лишь в 30-х го-

дах. Мировая известность пришла к нему после выхода в 1936 г. «Общей теории занятости, процента и денег», где были подвергнуты систематическому пересмотру и критике некоторые важные положения неоклассической теории воспроизводства и цикла. Как писал американский экономист Р. Лекачмен, «знаменитый Кейнс, каким его знала публика в Англии и Соединенных Штатах, утвердил себя на арене мировых событий между 1936 и 1946 годами»¹.

В числе первых и главных объектов критики в «Общей теории» был закон Сэя и сопутствовавшая ему количественная теория денег². Немарксистской политэкономии понадобилось, таким образом, почти сто лет, чтобы признать наконец ошибочность догмы о постоянном «равенстве покупок и продаж», об автоматическом совпадении спроса и предложения. К. Маркс, как мы указывали, продемонстрировал антинаучный характер схемы Сэя еще в 50-х годах XIX в. Его критический анализ классической политэкономии привел к созданию принципиально нового, подлинно революционного учения, указывающего пути к глубоким социальным преобразованиям. Периодические нарушения хозяйственной активности Маркс связывал с капиталистическими производственными отношениями, классовой структурой буржуазного общества. Кейнс же подошел к разрушению «классических схем» с позиций защиты капиталистического строя и свойственных этому строю отношений собственности и распределения. Нехватка платежеспособного спроса как непосредственная причина всех экономических трудностей капитализма выводится им из общих особенностей поведения хозяйственных субъектов.

Важной чертой кейнсианских взглядов была их ярко выраженная практическая ориентация. С первых лет своей научной карьеры Кейнс уделял первостепенное внимание проблемам безработицы, инфляции и дефляции и другим проявлениям неравновесия в капиталистической экономике. В качестве главного средства экономической политики он выдвигает в тот период систему кредитно-денежных и банковских мероприятий: регулирование количества денег и нормы

¹ R. Lekachman. The Age of Keynes. New York, 1968, p. 50—51.

² J. M. Keynes. The General Theory..., p. 18—21.

процента. Но для свободного использования этих рычагов необходима автономность денежной политики, которая несовместима с системой золотого стандарта. Этим, в частности, была обусловлена «антизолотая» позиция Кейнса, теоретическое развенчание им золота как денежного товара.

Такой же подход — от практических рекомендаций к теории — прослеживается и в более поздних работах Кейнса. В конце 20-х годов он уделяет все большее внимание прямому вмешательству государства в хозяйственные процессы. Вначале речь шла об организации в широких масштабах общественных работ¹, затем — о программах «дефицитного финансирования»².

Тот факт, что Кейнс попытался дать практическое решение наиболее жгучих и неотложных проблем экономической политики в критический для капитализма период, во многом объясняет грандиозный успех его доктрины. «...Кейнсианская революция не была лишь революцией в экономической теории, — пишет Дж. Хикс. — Кейнс был пророком или пропагандистом... Он продавал свою политику политикам и публике... «Общая теория» была его способом продавать политику профессиональным экономистам»³.

Следует вместе с тем отметить, что быстрота практической реализации рекомендаций Кейнса и их влияние на экономическую политику конца 30-х годов часто преувеличиваются в западной литературе. Формирование экономической политики — это сложный процесс, связь которого с теоретическими доктринами далеко не столь ясна и прямолинейна, как это иногда пытаются доказать. Изучение правительственных мероприятий в конце 30-х годов в США (политика «нового курса»), Англии, Швеции и других странах показывает, что Кейнс в значительной мере обобщил те тенденции к расширению экономических функций государства, которые уже наметились в тот период и были закономерным проявлением государственно-монополистического капитализма. Наиболее полно при-

¹ J. M. Keynes and D. H. Henderson. Can Lloyd George Do It? — «The Nation and Athenaeum», 1929, May 11.

² J. M. Keynes. The Means to Prosperity. London, 1933.

³ J. Hicks. Recollection and Documents. — «Economica», February 1973, p. 11.

знание кейнсианских идей как теоретической основы государственного вмешательства в экономику проявилось позднее, в годы второй мировой войны и особенно в послевоенный период, когда бюджетные расходы увеличились во много раз и их влияние начало ощущаться в различных секторах капиталистической экономики¹.

Хотя первоначально большинство наиболее крупных теоретиков того времени — Г. Хаберлер, А. Пигу, Дж. Винер, Р. Хоутри, Ф. Хайек — неодобрительно отнеслись к выходу «Общей теории» и подвергли ее резкой критике, указывая на многочисленные натяжки, необоснованные претензии, сомнительные и непроверенные выводы, кейнсианство одержало быструю и бескровную победу и заняло доминирующее место в экономической теории Запада. Но, как часто бывает в истории экономической мысли, триумфальный взлет кейнсианских идей, его претензии на создание принципиально новой экономической философии и действенных программ борьбы с цикличностью капиталистического производства с самого начала заключали в себе семена последующего разочарования в этой модели, ее острой критики. Уже через несколько лет после выхода книги Кейнса стало ясно, что его учение не может претендовать на роль «общей» или «всеобъемлющей» теории капиталистической экономики, так как оно базируется на ряде весьма специфических допущений и предпосылок, соответствие которых реальным условиям капиталистического производства само нуждалось в строгом доказательстве.

Некритическое восприятие кейнсианства буржуазной политекономией усугубило его глубокий и продолжительный кризис в послевоенные годы. Вместе с тем некоторые западные теоретики склонны изображать серьезные противоречия кейнсианской теории как результат последующей переработки ее многочисленными последователями и учениками Кейнса.

«Устоявшаяся ортодоксия», «традиционное кейнсианство», «доходно-расходная модель», «стандартная

¹ D. Winch. *Economics and Policy: A Historical Study*. London, 1972; A. Sweezy. *The Keynesians and Government Policy, 1933—1939*. — «The American Economic Review», May 1972; R. Leachman. *The Age of Keynes*, p. 112—113.

учебная версия» — такими эпитетами наделяет один из комментаторов Кейнса, американский ученый А. Лейонхувуд, «обширный класс моделей» кейнсианского типа, где, как он считает, подлинные идеи «Общей теории» были существенно искажены¹.

С такой постановкой, где причины кризиса кейнсианства сводятся к «неудачной интерпретации» его положений в последующей литературе, нельзя согласиться. Вопросы, по которым идет сейчас спор между западными экономистами, например: верил ли Кейнс в существование так называемой ликвидной ловушки (полной нечувствительности нормы процента к росту денежной массы) или рассматривал ее как гипотетически возможный случай; считал ли он, что инвестиции существенно реагируют на изменения процентных ставок; отводил ли он главное место в своей программе регулирующих мероприятий бюджетным рычагам или действиям центрального банка и т. д. — это второстепенные моменты, не могущие повлиять на оценку той исторической роли, которую сыграло кейнсианство в развитии экономической мысли Запада. Сторонники «канонизированного варианта» доктрины, служащего сейчас объектом атак со стороны ревнителей ее «оригинальной версии», в принципе адекватно отразили взгляды Кейнса, его намерения и цели. «Перечитывая «Общую теорию», — писал недавно американский экономист Л. Йэгер в статье, посвященной указанному спору, — я был поражен тем, насколько близко идеи Кейнса совпадают с предположительно вульгарным кейнсианством доходно-расходной теории»². Английский экономист Р. Джэкмен путем детального разбора дискуссионных вопросов убедительно показывает, что различия между «стандартной» макроэкономической моделью и «первоначальной схемой» Кейнса не затрагивают существа кейнсианской доктрины.

«Историческая миссия» Кейнса заключалась в открытом и безоговорочном признании факта внутренней неустойчивости капиталистического производства как

¹ A. Leijonhuvud. On the Keynesian Economics and the Economics of Keynes. New York, 1968.

² L. B. Yeager. The Keynesian Diversion. — «Western Economic Journal», June 1973, p. 156.

его неотъемлемой и имманентной черты; в развенчании традиционного оптимизма неоклассиков по поводу «встроенных механизмов» саморегулирования стихийной рыночной системы; наконец, в обосновании государственно-монополистических мероприятий и их стабилизирующего влияния на хозяйственные процессы. Этим и определялось огромное влияние «революции Кейнса» в капиталистическом мире. Но самый метод исследования капиталистического воспроизводства, предложенный Кейнсом (равно как и его программа устранения цикличности экономического развития) не оправдал возлагавшихся на него надежд, оказался в конечном счете несостоятельным. Рекомендуемые методы «управления спросом» способны в лучшем случае временно активизировать производство ценой создания новых острых диспропорций в капиталистической экономике. Таков закономерный результат глубинных дефектов кейнсианской доктрины, ее намеренного абстрагирования от существенных черт и особенностей социально-экономической и политической структуры капитализма.

Роль денег в системе хозяйственных связей. Значительная часть обширной послекейнсианской литературы посвящена одной из самых сложных и запутанных страниц кейнсианства — вопросу о роли денег в капиталистическом воспроизводстве. «Монетарный ренессанс», который наблюдается сейчас в буржуазной экономической теории, привлек к этой проблеме особенно пристальное внимание.

В «Общей теории» одно из центральных мест отводится факторам неопределенности хозяйственных перспектив и риска, их влиянию на поведение участников экономического оборота. Последние вынуждены принимать решения в условиях недостаточно четкого предвидения, обусловленного господством рыночной стихии и анархии капиталистического производства. Этот подход определил и особую роль денег, которые служат в крайне неустойчивом кейнсианском мире своеобразным «якорем стабильности» для хозяйственных субъектов. В процессах накопления денег в своеобразной форме отражается наличие риска, вероятность нереализации деловых расчетов и ожидания прибылей. «Наше желание хранить деньги... — писал Кейнс, — это барометр нашего недоверия к собствен-

ным расчетам и к общему согласованному мнению по поводу будущего»¹.

Введение фактора неопределенности подрывало действие стихийных механизмов установления равновесия в экономической системе неоклассиков. В частности, устранялась предпосылка о совершенной эластичности цен. Так, в модели общего равновесия Вальраса цены, уравнивающие спрос и предложение и обеспечивающие полную «расчистку» рынка от товаров, известны хозяйственным агентам еще до начала рыночных операций. В соответствии с этой информацией, предоставляемой участникам оборота бесплатно, корректируются планы производства, так что не может быть ни избытка, ни недостатка товаров на рынке. Подобное положение равносильно утверждению о «совершенной гибкости» цен, их способности очень быстро (по существу мгновенно) подстраиваться к равновесному уровню. Анархичная и неустойчивая экономика капитализма приобретает тем самым способность к мгновенному восстановлению нарушенных пропорций, т. е. по существу как бы подвергается предварительному учету и планированию, — предположение, в корне противоречащее действительному положению вещей.

Кейнс отказался от этих нереалистических предпосылок. В его модели цены, как стихийный регулятор хозяйственных пропорций, отключены благодаря введению ряда условий, порождающих их негибкость и неоптимальность. В результате совокупный спрос лишь случайно может соответствовать предложению товаров. Доктрина Сэя об автоматическом совпадении этих величин, которую Кейнс называет «аксиомой параллельных линий» неоклассического подхода², отвергается. Главным фактором, определяющим состояние капиталистического производства, Кейнс считал объем совокупного платежеспособного спроса. В чем же причины постоянной дефицитности спроса, представляющей, по мнению Кейнса, хроническую болезнь капитализма? Вокруг этого центрального вопроса и строится анализ в «Общей теории».

¹ J. M. Keynes. The General Theory of Employment. — Цит. по: «Monetary Theory. Selected Readings», p. 218.

² J. M. Keynes. The General Theory..., p. 21.

Кейнс тщательно обходит вопрос о природе капиталистических производственных отношений. У него можно встретить весьма общие и поверхностные рассуждения о «богатых» и «бедных» странах, но совершенно отсутствует исследование социальной и классовой структуры общества. Это искажает действительные причины кризисов и других проявлений хронической неустойчивости капиталистической экономики. Главные усилия Кейнс направляет на доказательство возможности «утечек» денег из кругооборота доходов, приводящих в конечном счете к нехватке платежеспособного спроса. Отсюда то внимание, которое уделяется процессам тесаврации денег и их связи с наличием элементов риска в хозяйственной деятельности. Как мы помним, в неоклассической системе накопление резервных фондов денег считалось нерациональным, акт же сбережения рассматривался как особая форма расходования денег. У Кейнса тесаврация денег представляет необходимый элемент воспроизводства. Она связана с оценками и калькуляциями хозяйственных агентов, их расчетами на будущее¹. Как писал известный английский экономист Дж. Шэкл, «...в бартерной системе, где деньги служат только *numeraire* (счетной единицей), информация (о будущем.—В. У.) по необходимости должна быть точной... Если же нельзя точно сказать, как будет использована вещь, то мы тем не менее в силу отсутствия денег (как средства сбережения.—В. У.) должны преодолевать и игнорировать наше незнание. Именно деньги позволяют отсрочивать решения»².

Кейнс подчеркивает значение денег, перечисляя «конечные независимые переменные», которые определяют в его модели уровень производства и занятости: «1) три фундаментальных психологических фактора, а именно психологическая склонность к потреблению, психологическое отношение к ликвидности и психологическое ожидание будущего дохода на капитальные активы; 2) единица заработной платы, определяемая переговорами между нанимателями и работниками; 3) количество денег, определяемое операци-

¹ J. M. Keynes. *The General Theory...*, p. 293—294.

² G. L. Shackle. *The Years of High Theory*. Cambridge, 1967, p. 290.

ями центрального банка...»¹ Если свести вопрос о причинно-следственной зависимости к голой схеме, то денежный сектор экономики, представленный предпочтением ликвидности (кейнсианский вариант спроса на кассовые остатки) и денежной массой (предложение денег), определяет величину нормы процента; процент, взаимодействуя с предельной эффективностью капитала (ожидаемой доходностью единицы капитальных вложений), определяет динамику инвестиций, а инвестиции и потребительские расходы, формируя совокупный спрос, определяют объем национального дохода и степень использования трудовых и производственных ресурсов. Все указанные факторы действуют одновременно, что обуславливает статичный характер модели.

В неоклассической схеме экономических процессов основной механизм влияния денег ограничен «ценностной оболочкой». У Кейнса же основной канал связи денежных и «реальных» факторов — это норма процента, служащая важным фактором при принятии решений о будущих капиталовложениях. Он настойчиво подчеркивает второстепенный характер проблемы формирования уровня цен как линии анализа, приводящей к заключению о «нейтральности» денег. Подлинную важность деньги приобретают лишь в теории процента².

Необходимо подчеркнуть важные различия в трактовке процента неоклассиками и Кейнсом. У первых процент служит одним из главных автоматических регуляторов производства. Он уравнивает инвестиции (спрос на капитал) и сбережения (предложение капитала). Такое уравнивание благодаря принятию традиционных предпосылок об отсутствии неопределенности и риска, о наличии полной информации о будущем и т. д. совершается еще на стадии планирования этих величин хозяйственными агентами. Если прибегнуть к терминологии западных авторов, можно сказать, что суммы сбережений и инвестиций в «классической» системе всегда равны не только *ex post* (как уже реализованные, фактические величины), но и *ex ante* (как

¹ J. M. Keynes. The General Theory... p. 246—247.

² Ibid., p. 32.

ожидаемые или планируемые величины) ¹. Точное совпадение инвестиций и сбережений обеспечивается нормой процента, стимулирующей приток капиталов на рынок в случае их нехватки и одновременно «отсекающей» часть избыточного инвестиционного спроса. В неоклассической теории норма процента всегда соответствует уровню, при котором достигается наивысшая занятость.

В модели Кейнса динамика производства и потребления не регулируется *ex ante* нормой процента. Потребление жестко определено предельной склонностью к потреблению — одним из «основных психологических законов», согласно которому потребление с увеличением размеров дохода растет, но не в такой степени, как доход. Иначе говоря, по мере роста доходов увеличивается накапливаемая часть, которая, однако, не покрывается автоматически соответствующим ростом инвестиций. Процент перестает уравнивать сбережения и инвестиции. В экономике капитализма заложена, таким образом, хроническая диспропорция, приводящая к снижению производства и занятости. Это один из примеров того, как в кейнсианской модели проявляется неопределенность будущего — в данном случае как незнание равновесной нормы процента, отсутствие механизма его автоматической подстройки к уровню, обеспечивающему максимальную загрузку производственного аппарата ².

Наиболее капризным звеном в системе хозяйственных связей, обуславливающим неустойчивость всей экономической системы, является, по мнению Кейнса, процесс инвестирования капиталов. Именно здесь осо-

¹ Различие между величинами *ex ante* и *ex post*, широко распространенное в буржуазном экономическом анализе, впервые ввел Г. Мюрдаль (*G. Myrdal. Monetary Equilibrium*, p. 46).

² В тексте «Общей теории» имеются высказывания, из которых можно заключить, что Кейнс все же признавал наличие определенной зависимости между нормой процента и объемом сбережений. Он неоднократно говорит, например, об «эффекте неожиданной прибавки» (*windfall effect*), связанной с переоценкой стоимости финансовых активов под влиянием изменений рыночной нормы процента (*J. M. Keynes. The General Theory...*, p. 92—94). Этот вопрос подробно рассмотрен в гл. IV (особенно стр. 187—205) указанной книги А. Лейонхууда. Но в то же время имеются веские доказательства, что Кейнс не верил в стабилизирующие свойства процента, так как считал долгосрочную ставку процента негибкой.

бенно сильно проявляется влияние фактора неопределенности. В «Общей теории» большое место уделено анализу поведения «рационального инвестора», мотивам инвестиционных решений.

Движущая сила капиталистического производства — максимизация прибыли. Капиталовложения, рассчитанные на более или менее длительный период, связаны с возможностью нереализации расчетов на получение прибыли. Принимая решение об инвестировании капитала, предприниматель вынужден руководствоваться не точными расчетами, которые невозможны из-за незнания будущих перспектив хозяйственного развития, а некими косвенными оценками, слухами, настроениями рынка и т. п. Он будет переносить на будущее свои суждения об изменениях конъюнктуры в настоящем. «Наше знание факторов, — пишет Кейнс, — которые будут определять доходность инвестиций через несколько лет, ничтожно»¹. Поэтому инвестор полагается на общепризнанное мнение по поводу ближайшего периода². А эти суждения, утверждает Кейнс, формируются главным образом под влиянием рыночной спекуляции, информации о биржевой активности и т. д. Неудивительно, что в этой схеме поведение инвестора непредсказуемо и лишено какой-либо устойчивости. На него оказывает влияние множество противоречивых факторов. Пессимистическая оценка положения на бирже может изменить первоначальные планы, привести к отсрочке или полной отмене намеченных капитальных проектов. Все это отразится на ходе промышленного цикла, так как капиталовложения, по Кейнсу, представляют важнейший элемент общего спроса на товары. Следовательно, корни экономической нестабильности лежат в человеческой психологии³.

Ориентиром для инвесторов в кейнсианском мире служит динамика курсов ценных бумаг. Последние же зависят, во-первых, от «будущего потока доходов» на капитал, перспектив получения прибыли и, во-вторых, от нормы процента. Кейнс здесь исходит из обычной процедуры капитализации дохода, базирующейся на

¹ J. M. Keynes. The General Theory..., p. 149.

² Ibid., p. 153.

³ Ibid., p. 161—163.

дисконтировании ожидаемой прибыли. Поскольку в краткосрочном аспекте условия получения прибыли могут рассматриваться как данные, первоочередное значение в формировании настроений предпринимателей приобретает норма процента¹.

Здесь и открывается путь для воздействия на процесс воспроизводства методами денежно-кредитной политики. Этому инструменту антициклического регулирования Кейнс всегда уделял самое серьезное внимание. Правда, в отличие от его позиций в 20-х годах в ряде мест «Общей теории» высказывается известный пессимизм по поводу способности капиталистических центральных банков регулировать уровень процента в условиях глубокой депрессии. Этот пессимизм был использован впоследствии для выдвижения на первый план бюджетных методов «накачивания спроса» в кейнсианских экономических программах. Большую известность получил следующий отрывок из «Общей теории»: «Я теперь несколько скептически отношусь к успеху одной лишь денежной политики, направленной на регулирование нормы процента. Я ожидаю, что государство... будет брать на себя все большую ответственность за прямую организацию инвестиций...»² Эти слова не без основания были истолкованы последователями Кейнса как призыв к расширению экономической деятельности государства.

Итак, Кейнс перестроил теорию денег, сделав деньги важным фактором формирования инвестиционного спроса и отодвинув на второй план традиционную связь денег и цен. Именно это он имел в виду, говоря, что в его модели «деньги вступают на сцену важным и специфическим образом»³. Здесь Кейнс по существу затрагивает исключительно сложный вопрос о качественно новой роли денег в процессах кругооборота капитала, о связи кредитного и денежного обращения. Но для решения этой проблемы требуется детально разработанная научная теория капиталистического воспроизводства. При отсутствии такой теории экскур-

¹ «Денежная ставка процента играет особую роль в установлении границ занятости, поскольку она определяет стандарт, с которым сравнивается предельная эффективность капитальных активов...» (*J. M. Keynes. The General Theory...*, p. 222).

² *J. M. Keynes. The General Theory...*, p. 164.

³ *Ibid.*, p. VII.

сы Кейнса в область теории денег носят в значительной мере интуитивный и поверхностный характер.

Теория предпочтения ликвидности. В 20-х годах Кейнс еще полностью разделял позицию кембриджской школы по вопросам о роли и влиянии денег. В «Трактате о денежной реформе» излагается, например, вариант количественной теории, который по существу своему мало чем отличается от воззрений Маршалла и Пигу. Он выражен формулой $n = pk$,

где n — сумма денег в обращении;

p — уровень цен на потребительские товары;

k — количество «единиц потребления», которое люди желают хранить в денежной форме.

«Эта формула, — писал Кейнс, — выражает знаменитую теорию. Поскольку k остается неизменным, n и p могут повышаться и понижаться, т. е., чем больше или меньше количество бумажных денег, тем пропорционально выше или ниже уровень цен»¹. Далее формула уточняется путем введения банковских депозитов: $n = p(k + rk')$, где k' — число «единиц потребления», хранимых в форме банковских депозитов, а r — норма обязательных банковских резервов. Если k , k' и r стабильны, то возникает типичная для количественной теории связь между денежной массой и уровнем цен².

Единственное отличие позиций Кейнса от традиционных воззрений заключалось в том, что он не считал k , k' и r постоянными величинами. Положение об их нестабильности смягчало постулат пропорциональности в динамике денег и цен.

Уже в те годы, выступая за стабилизацию покупательной силы денег, Кейнс рассматривал дефляцию (снижение цен) как гораздо большее зло, чем инфляцию. Он полагал, что дефляция приносит выигрывать лишь рантье, представителям пассивного и бесполезного класса, инфляция же стимулирует инвестиционную деятельность. Таким образом, с самого начала проявилась склонность Кейнса к инфляционным рецептам, связанная с выделением ключевой роли инвесторов в экономике.

¹ Дж. М. Кейнс. Трактат о денежной реформе, стр. 41.

² Там же, стр. 40.

Трактовка роли денег и их связи с важнейшими экономическими факторами в «Общей теории» значительно усложняется. Теперь Кейнс весьма скептически отзываясь о постулатах количественной теории: «Я не придаю большой ценности манипуляциям подобного рода... В них содержится много скрытых допущений относительно того, какие переменные принимаются независимыми...» Кейнс имеет в виду основную предпосылку неоклассиков о фиксированности производства на уровне, соответствующем полной занятости, так что изменение денег может воздействовать только на цены товаров. В его системе взглядов подобная ситуация, приводящая к «подлинной инфляции», возникает крайне редко. Гораздо более типично для «зрелого капитализма» состояние неполной занятости, в условиях которого денежная масса начинает воздействовать на «величину эффективного спроса через ее влияние на норму процента»¹.

Подрыву неоклассической теории денег служит особый вариант функции спроса на кассовые остатки, где непосредственная связь между деньгами и процессами товарного обращения резко ослаблена благодаря введению особых резервных фондов денег («праздных», или тезаврированных, денег — *idle cash, hoards*). Эти фонды отражают «утечку» доходов, порождающую недостаток спроса на товары. В качестве основной причины накопления «праздных» остатков приводится фактор «непредвиденного будущего», который конкретизируется как «неопределенность по поводу будущей нормы процента»². Чем сильнее неясность в отношении динамики процента, тем большие запасы денег создает хозяйственный агент и тем больше сокращается предъявляемый им спрос на продукцию текущего производства.

При объяснении механизма тезаврации важное место отводится анализу мотивов накопления денег. Их три: транзакционный (*transactionary*), предосторожности (*precautionary*) и спекулятивный (*speculative*). Первые два отражают традиционную роль денег как средства обращения и платежа. Они обычно объединяются под общей рубрикой транзакционного спро-

¹ J. M. Keynes. *The General Theory...*, p. 298, 303, 305.

² *Ibid.*, p. 168.

са. При этом подчеркивается неизбежность использования денег в промежутке между получением доходов и их расходованием. При идеальной синхронизации поступлений денег и платежей спрос на кассовые остатки для этих целей свелся бы к минимальной сумме. Можно, например, представить гипотетическую ситуацию, при которой хозяйствующий субъект в момент получения денег немедленно вкладывает их в краткосрочные ценные бумаги, приносящие доход, а перед самым наступлением сроков платежей производит обратную конверсию. Подобные «переключения» при всей их внешней выгодности породили бы большие неудобства и дополнительные издержки для участников менового процесса. Трансакционные остатки денег образуют поэтому необходимый элемент товарно-денежного обращения. При устойчивой институциональной структуре платежей (иначе говоря, стабильной скорости обращения) трансакционный спрос зависит от одного фактора — суммы товарообменных сделок или дохода. Он по существу идентичен спросу на деньги в кембриджском уравнении.

Второй важнейший элемент спроса — спекулятивные остатки — Кейнс связывал с динамикой цены близкого «субститута» денег — финансовых активов, или «облигаций» (bonds). Здесь в качестве фактора, регулирующего спрос, выступает норма процента.

В «Общей теории» излагается следующая гипотеза о связи предпочтения ликвидности, т. е. желания накапливать «праздные» остатки денег, с нормой процента. Вводится различие между текущей (фактической) рыночной ставкой процента, ожидаемой ставкой, и «нормальной» ставкой. Последняя представляет тот уровень процентных ставок, который господствует в течение длительного периода времени на денежном рынке. Текущие рыночные ставки колеблются вокруг «нормального» уровня и тяготеют к нему. На этом базируется процесс формирования ожиданий по поводу будущей нормы процента. Чем больше отклонение рыночной ставки от «нормального» уровня, тем выше вероятность возврата ее к этому уровню.

Допустим, рыночные ставки достигли очень низкого уровня по сравнению с той ставкой, которую большинство участников оборота считает «нормальной» на основе своего прошлого опыта. В этом случае, рассуж-

дает Кейнс, наиболее вероятно их повышение в ближайшем будущем. Повышение процента отрицательно скажется на курсе ценных бумаг. Поэтому в описанной ситуации хозяйственные субъекты будут воздерживаться от приобретения финансовых активов («облигаций»). Но поскольку в кейнсианской модели вы-

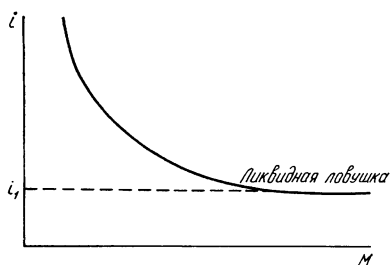

Рис. 1

бор ограничен двумя активами — деньгами и «облигациями», то оборотной стороной этого процесса будет повышение спроса на деньги. Напротив, при очень высокой норме процента спрос на деньги резко упадет, а спрос на «облигации» повысится, что отразит ожидаемое повышение курсов ценных бумаг из-за вероятного падения нормы процента.

Распространяя эти соображения на всех индивидумов, Кейнс приходит к кривой спроса на спекулятивные остатки, которая отражает увеличение спроса по мере снижения нормы процента (см. рис. 1) ¹.

Правая часть кривой параллельна горизонтальной оси, что говорит о высокой интенсивности спроса на платежные средства при достижении некоего низкого уровня процента (i_1) ². Кейнс называл подобную ситу-

¹ «Шкала предпочтения ликвидности, связывающая количество денег с нормой процента, изображается плавной кривой, где процент падает по мере увеличения денежной массы» (J. M. Keynes. The General Theory..., p. 170).

² Исходя из кейнсианской гипотезы было бы более правильно связать спекулятивный спрос не с абсолютным уровнем нормы процента, а со степенью его отклонения от «нормального» уровня. Но в посткейнсианской литературе принята именно такая форма демонстрации спекулятивного (и общего) спроса на кассовые остатки.

ацию, когда все стремятся получить деньги и никто не желает покупать «облигации», «абсолютным предпочтением ликвидности», а Д. Робертсон — «ликвидной ловушкой» (liquidity trap). Левая часть кривой асимптотически приближается к вертикальной оси, что указывает на снижение спроса на спекулятивные остатки при очень высоком уровне процента (все стремятся вложить деньги в «облигации»).

Совокупный спрос на деньги складывается из двух частей: транзакционного (M_1), являющегося функцией дохода, и спекулятивного (M_2), являющегося функцией нормы процента. Кейнс записывал это следующим образом:

$$M = M_1 + M_2 = L_1(Y) + L_2(i),$$

где Y — совокупный доход, а i — норма процента. Общее предпочтение ликвидности реагирует, таким образом, на изменения процентных ставок, и к нему также применима кривая, изображенная на рис. 1. На двухмерном графике зависимость спроса от второго фактора — величины дохода — должна выражаться «семейством» кривых, каждая из которых соответствует определенному уровню дохода.

Исследуя процессы формирования спроса на кассовые остатки («склонность к тезаврации» или «состояние предпочтения ликвидности»), Кейнс стремится обобщить и объяснить некоторые реальные явления, которые действительно наблюдаются в капиталистической экономике в эпоху господства крупных банков и финансовой олигархии. Выше уже отмечалось, что в современных условиях резко усиливается переплетение денежной эмиссии и банковского кредитования, налично-денежного и безналичного платежного оборота, процессов накапливания денег и движения ссудного капитала. Иначе говоря, происходит активный процесс сближения и взаимопроникновения «чисто денежных» явлений и огромной надстройки кредитных отношений, создающейся в ходе развития капиталистической банковской системы, сберегательного дела и т. д. Ныне любая, даже небольшая по величине сумма легко пересекает границу между денежным и кредитным обращением, быстро и с минимальными затратами превращается в ссудный капитал, приносящий вла-

дельцу доход. Тезаврированные суммы через каналы кредита мобилизуются банковской системой и вновь поступают в обращение. И напротив, суммы, находящиеся в кредитном обороте и «созданные» банками в процессе кредитования, широко используются в качестве платежных средств в сфере товарно-денежного обращения.

Огромные масштабы таких «переключений», их массовый характер несомненно оказывают влияние на экономическую деятельность индивидуальных получателей дохода и капиталистических фирм, определяют особую стратегию их поведения. Участник хозяйственного оборота находится как бы под влиянием двух сил: с одной стороны, он стремится максимизировать прибыль и инвестирует временно свободные денежные средства в различные виды финансовых активов, с другой — пытается создать достаточный ликвидный резерв в условиях непрерывного изменения хозяйственной конъюнктуры. Взаимодействие этих противоположных сил приводит его к точке равновесия, определяющей соотношение денег и «облигаций» в его балансе.

Но это лишь внешняя сторона дела. Кейнс в своем анализе предпочтения ликвидности акцентирует внимание главным образом на внешних проявлениях глубинной связи денежного обращения и сферы кредитных отношений, на том, как эта связь проявляется в поведении участников экономического оборота. Однако эти процессы имеют объективную основу: она заключена в двойственной природе современных капиталистических денег, функционирующих как орудие обмена и одновременно служащих важным элементом ссудного фонда. Вслед за другими буржуазными теоретиками Кейнс игнорирует ключевое понятие ссудного капитала. В итоге теория предпочтения ликвидности, предполагающая высокую степень замещаемости денег и финансовых активов (долговых обязательств, приносящих доход), приводит, как мы видели в первой главе, к постоянному смешению и отождествлению разных экономических понятий. Построения Кейнса явились источником нескончаемой путаницы и противоречий при определении понятия денег.

Многочисленные эмпирические исследования на базе статистического материала, проведенные в после-

военные годы, выявили наличие некоей общей зависимости спроса на деньги от изменений нормы процента. Но при этом, как правило, не учитывались различия в социальной структуре капиталистического общества. Насколько оправданно предположение, что низкооплачиваемый рабочий, фермер, пенсионер будет вести себя при распределении своего мизерного дохода так же, как менеджер или капиталист? Совпадут ли действия капиталистических фирм с действиями индивидуальных получателей дохода? Каким образом формируется представление о «нормальном» уровне процента у представителей различных социальных групп и даже внутри каждой группы? На эти и другие недоуменные вопросы бесполезно искать ответ у Кейнса. Между тем именно от них зависит правомерность предложенного им объяснения механизма взаимодействия денег и процента. Не случайно такие элементы кейнсианской концепции, как существование «ликвидной ловушки», или экономии на кассовых остатках при очень высокой норме процента, зависимость спроса от различных групп рыночных процентных ставок, равно как и единообразие в поведении представителей различных доходных групп, не получили подтверждения при статистических расчетах. Поэтому в целом кейнсианская концепция о механизме формирования спекулятивного спроса на кассовые остатки, его заключение о форме кривой, характеризующей динамику этого спроса, продолжают оставаться не более чем гипотезой.

Кейнсианская теория предпочтения ликвидности предопределяет особый подход к трактовке понятия процента, отличный от неоклассических формулировок.

Как пишет Кейнс, «процент — это в высшей степени психологический феномен»¹. Он представляет не вознаграждение за сбережение части дохода (так как деньги могут не только сберегаться, но и просто тезаврировать), а плату за «расставание с ликвидностью», за преодоление страха перед неопределенным будущим и принятие риска неплатежа при наступлении срока погашения договоров и обязательств².

¹ J. M. Keynes. The General Theory..., p. 202.

² Ibid., p. 165—174.

В такой постановке теория процента крайне уязвима. Она покоится на шатком основании — различии индивидуальных оценок по поводу будущей динамики процента. Кейнс попадает в порочный круг: он выводит снижающуюся кривую предпочтения ликвидности из ожиданий участников воспроизводственного процесса, а затем пытается объяснить процент, исходя из только что выведенной кривой. Как остроумно заметил в свое время Д. Робертсон, у Кейнса «норма процента такова, как она есть, потому, что ожидается, что она станет иной; если же не ожидается, что она станет иной, то ничего не остается для объяснения, почему она такая, как есть»¹. Отсутствие у Кейнса научного объяснения категории процента признают многие западные ученые. Дж. Хикс, например, пишет: «Сказать, что процент на высоконадежные ценные бумаги определяется не чем иным, как неопределенностью по поводу будущей нормы процента, — значит подвесить процент на его собственных шнурах»². Хикс пытается улучшить положение, связывая уровень нормы процента не только с денежными, но и с «реальными» факторами, т. е. «синтезируя» кейнсианский и неоклассический подходы³. Другая линия «улучшения» кейнсианской теории процента состоит в попытке расширить теорию хозяйственного риска, чтобы устранить различия в оценках будущей динамики процента как единственное основание, на котором базируется его уровень⁴.

Среди монетарных теорий процента наряду с кейнсианской концепцией значительное место занимает и другая линия анализа, сторонники которой пытаются использовать некий суррогат ссудного капитала. Такова теория «ссудных фондов» (*loanable-funds theory*), выражающая традиции шведской школы (К. Виксель, Б. Олин, Э. Линдал) и кембриджского неоклассического направления (Д. Робертсон)⁵. Эта концеп-

¹ D. H. Robertson. *Essays in Monetary Theory*. London, 1940, p. 25.

² J. R. Hicks. *Value and Capital*. London, 1962, p. 164.

³ Более подробно об этом будет сказано ниже.

⁴ J. Tobin. *Liquidity Preference as Behavior Towards Risk*. — «*Review of Economic Studies*», February 1958, p. 65—86.

⁵ B. Ohlin. *Some Notes on the Stockholm Theory of Savings and Investments*. — «*Economic Journal*», 1937 (reprinted in «*Rea-*

ция, как и схема, предложенная Кейнсом, не раскрывает природы процента, равно как и не содержит научного анализа понятия ссудного капитала. Тем не менее известное достоинство ее состоит в том, что она связывает изменения процента с объемом и динамикой кредитных операций за определенный период. Сторонники этого подхода пытаются восполнить еще одну очевидную слабость кейнсианского анализа — отсутствие удовлетворительного объяснения различий в рыночных ставках по отдельным видам операций. Кейнс, как известно, говорил о «норме процента», как таковой («the» rate of interest), а не о «семействе» ставок, наличие которого характерно для фактической ситуации на денежном рынке. Теория «ссудных фондов» связывает многообразие процентных ставок с дифференциацией кредитных операций, расслоением рынка ссуд в зависимости от целей, сроков, обеспечения займов и т. д.

Эти попытки нащупать реальную основу процента вызвали в западной печати продолжительную дискуссию, имевшую целью примирить теорию «ссудных фондов» с кейнсианской и другими психологическими концепциями процента. Широко распространилась точка зрения, что различия этих теорий обусловлены лишь методологией подхода: Кейнс исследовал процент в категориях, относящихся к определенному моменту (подход с точки зрения «запаса» — stock approach), тогда как сторонники теории «ссудных фондов» оперируют понятиями, относящимися к периоду времени (подход с точки зрения «потока» — flow approach)¹. Ни переформулирование кейнсианской концепции процента, ни попытки «синтеза» ее с неоклассическими формулировками не дают удовлетворительного решения проблемы. Современная теория процента по-преж-

dings in Business Cycle Theory». Philadelphia, 1944); B. Ohlin, D. H. Robertson, R. G. Hawtrey. Alternative Theories of the Rate of Interest, Three Rejoinders. — «Economic Journal», 1937, p. 423—443; D. H. Robertson. Some Notes on the Rate of Interest. — «Review of Economic Studies», 1953—1954, p. 136—141.

¹ Эту идею попытался доказать Хикс в рамках вальрасовой системы общего равновесия (J. R. Hicks. Value and Capital, p. 154—155, 160—162). «...Любой из указанных методов, — писал он, — полностью правомерен, так что выбор между ними определяется просто удобством» (Ibid., p. 161).

нему остается крайне противоречивой областью экономического анализа¹.

Преобразование кейнсианской доктрины: деньги в простейшей модели общего экономического равновесия. Эволюция базисной модели Кейнса, равно как и его концепции о роли и влиянии денег, шла по нескольким линиям. В области теоретического анализа усилия многих представителей буржуазной политической экономии были направлены на «примирение» взглядов Кейнса с положениями традиционной (неоклассической) доктрины, на поиски доказательств их непротиворечивости и путей «синтеза». Как кейнсианство, так и неоклассическая теория, утверждали западные экономисты, выражают лишь «крайние случаи» более общей теории, причем каждый случай справедлив при наличии в хозяйственной системе особых условий. В этой связи в 40—50-х годах большое внимание было обращено на уяснение и интерпретацию предпосылок, при которых «работает» тот или иной вариант модели.

Одним из первых западных теоретиков, выдвинувших идею «синтеза» кейнсианской и неоклассической моделей, был Дж. Хикс. В 1937 г., сразу же после выхода «Общей теории», он опубликовал в журнале «Эконометрика» статью «Кейнс и «классики»: предлагаемая интерпретация», где подверг критике претензии Кейнса на создание «общей» модели экономического процесса². «Общая теория — это нечто гораздо более ортодоксальное», — писал он, полагая, что истина лежит ближе к «классической» модели. Хикс предложил упрощенную схему воспроизводственного процесса, где изменение исходных предпосылок позволяет легко переходить от «классического» случая, где денежные факторы оказывают определяющее влияние на формирование уровня денежного дохода и занятости, к специфическому «кейнсианскому» варианту, где влияние денежно-кредитных мероприятий парализовано условиями глубокой депрессии.

¹ G. L. S. Shackle. Recent Theories Concerning the Nature and Role of Interest. — «Surveys of Economic Theories», vol. I, p. 108—153.

² J. R. Hicks. Mr. Keynes and the «Classics» (1937) — перепечатан в сборнике: J. R. Hicks. Critical Essays in Monetary Theory, p. 126—142.

Модель Хикса имела большой и долговременный успех. Выступая в 1973 г. на симпозиуме, посвященном Хиксу, американские экономисты К. Бруннер и А. Мелцер указывали: «Среди его (Хикса. — В. У.) многочисленных вкладов в экономическую теорию ни один не имел большего влияния, чем интерпретация и переформулирование кейнсианской теории в статье «Кейнс и «классики»». Схема, впервые предложенная в этой статье, была затем использована в таком количестве учебников и статей, что превратилась в стандартный метод изложения макроэкономической теории...»¹

Анализ в статье Хикса начинается с построения системы уравнений, которая призвана отразить, по словам автора, «типичную классическую теорию»:

$$M = kI; \quad I_x = C(i); \quad I_x = S(i, I),$$

где M — денежная масса;

I — уровень национального дохода;

I_x — сумма инвестиций;

i — норма процента².

Первое уравнение выражает количественную теорию в ее кембриджском варианте, где потребность в деньгах выражена как устойчивая доля дохода (k). Второе представляет инвестиционную функцию с одной независимой переменной — нормой процента. Наконец, третье — это функция сбережений, показывающая зависимость этой величины от уровня дохода и нормы процента³. Деньги в неоклассическом варианте модели играют ведущую роль: если известны M (количество денег) и k (кембриджский коэффициент), то величина денежного дохода в первом уравнении полностью определена. Как пишет Хикс, здесь «общий доход зависит непосредственно от количества денег»⁴. Два других уравнения необходимы для определения

¹ K. Brinner, A. H. Meltzer. Mr. Hicks and the «Monetarists». — «Económica» February 1973, p. 45.

² В уравнениях сохранены обозначения Хикса, которые не совпадают с общепринятыми обозначениями экономических переменных.

³ Заметим, что сбережения в этом уравнении выражены через инвестиции (I_x), так как Хикс исходит из равенства этих величин, *ex post*.

⁴ J. R. Hicks. Essays in Monetary Theory, p. 129.

занятости, на которую влияет соотношение величины потребления и накопления.

Теория Кейнса представлена в статье другой системой уравнений:

$$M=L(I, i); \quad I_x=C(i); \quad I_x=S(I).$$

По сравнению с «классической» моделью здесь внесены два важных изменения: во-первых, в уравнение спроса на деньги в качестве независимой переменной добавлена норма процента и, во-вторых, устраняется влияние нормы процента на процесс накопления. В итоге возникает новый «канал» связи между денежным сектором и сферой материального производства (через норму процента) и в то же время ликвидируется «классический» механизм автоматического уравновешивания инвестиций и сбережений при посредстве процентной ставки.

Хикс считал преобразование спроса на деньги в теорию предпочтения ликвидности главным и решающим изменением, которое внес в экономическую теорию Кейнс¹. Суть кейнсианской концепции денег может быть выражена, по его мнению, тезисом о наличии «ликвидной ловушки». Именно положение о полном отсутствии влияния денежной массы на норму процента превращало «общую теорию занятости в теорию депрессивной экономики»².

Примененный Хиксом прием «синтеза» кейнсианской и неоклассической моделей в значительной мере основан на переформулировании теорий процента. Он считает односторонними и недостаточными как кейнсианский («денежный») вариант, так и неоклассический («инвестиционный») вариант теории процента. В действительности, полагает Хикс, и денежные факторы (спрос на деньги и их предложение), и «реальные» факторы (инвестиции и сбережения) совместно формируют норму процента и фиксируют ее на единственно возможном равновесном уровне.

Для демонстрации этой идеи Хикс использует модель из двух секторов — товаров и денег, которая гра-

¹ J. R. Hicks. *Essays in Monetary Theory*, p. 133.

² Ibid., p. 138.

фически выражается двумя кривыми IS и LM ¹ (см. рис. 2). Кривая LM отображает равновесную ситуацию в денежном секторе (равенство спроса и предложения денег при определенных комбинациях нормы процента и дохода), а кривая IS — равновесие в товарном секторе (равенство сбережений и инвестиций

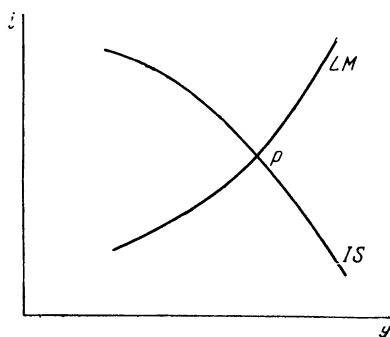

Рис. 2.

при определенных комбинациях нормы процента и дохода). Общее равновесие всей системы определяется точкой пересечения двух кривых (p), которой соответствуют единственные равновесные значения всех переменных величин.

Кривая LM проведена на графике так, что ее левая часть параллельна оси дохода, а правая почти перпендикулярна к этой оси. Такая форма кривой отражает, по мнению Хикса, главные особенности кейнсианской теории ликвидности: 1) при низком уровне процента связь его с изменениями денежной массы нарушается — наступает «абсолютное предпочтение ликвидности»; 2) при высоком уровне процента исчезает пропорциональность между изменениями дохода и спроса на деньги: потребность в кассовых остатках частично удовлетворяется за счет возросшей скорости обращения денег.

¹ LM — сокращение английских слов Liquidity Preference (предпочтение ликвидности) и Money Supply (денежная масса), а IS — Investments (инвестиции) и Savings (сбережения). Более детальный анализ этих кривых дается А. Хансеном в книге «Monetary Theory and Fiscal Policy», p. 71—82.

Эти свойства кривой LM используются для показа различий между «классическим» и «кейнсианским» подходами. Если кривая IS пересекает LM на ее левом (горизонтальном) отрезке, то экономическая ситуация соответствует «экстремистскому» варианту кейнсианской теории, где действие денежных факторов полностью парализовано «ликвидной ловушкой» и денежно-кредитная политика бессильна против депрессии и кризиса. Чтобы повлиять на состояние системы, требуется прямое вмешательство государства с помощью бюджетных рычагов (снижение налогов или увеличение расходов). Это приведет к передвижке на графике кривой IS вправо.

Напротив, если кривая IS пересекает LM в ее круто возрастающей части, модель приобретает «классический» вид; повышение спроса в «реальном» секторе приводит лишь к росту нормы процента, но совершенно не влияет на уровень дохода. Денежные же факторы непосредственно воздействуют на величину номинального дохода, причем главным образом на его ценностной компонент. Возникает знакомая уже причинная связь, выражаемая количественной теорией денег.

Как учебная демонстрационная модель, показывающая в наглядной форме различия кейнсианского и неоклассического подхода, «крест Хикса» имеет определенные достоинства. Но как инструмент научного исследования, как модель реальных экономических связей этот аппарат по существу беспомощен, страдает крайней поверхностностью и механистичностью. Развитая капиталистическая экономика представлена в модели Хикса двумя рынками — денег и товаров, что устраняет из рассмотрения многие воспроизводственные связи, составляющие самое существо капиталистического способа производства. На две кривые, характеризующие состояние равновесия в каждом секторе, возлагается непосильное бремя — отразить все многообразие видов конъюнктурных ситуаций. Такие важные моменты производственного процесса, как используемая рабочая сила, цены, ставки заработной платы, загрузка производственных мощностей и т. д. и т. п., — все это остается за бортом «компактной» модели Хикса и не может быть отражено передвижкой двух кривых. В целом попытка «синтеза» конкурирующих подходов не улучшила аналитического аппа-

рата буржуазной науки и вместе с тем породила новые противоречия, ведущие к острой критике этой концепции.

Кейнсианская теория и вопросы денежно-кредитного регулирования. В предложенном в «Общей теории» механизме влияния денег решающую роль играют два звена: во-первых, регулирование центральным банком нормы процента путем изменения количества денег и, во-вторых, реакция инвестиций на изменения нормы процента. В литературе эти зависимости получили название «кейнсианских эластичностей по проценту».

Вопрос о связи денежных факторов и нормы процента в кейнсианской схеме был подробно рассмотрен нами выше. Основную информацию по этому вопросу дает кривая функции предпочтения ликвидности, предполагающая наличие «ликвидной ловушки». Правда, текст «Общей теории» содержит весьма уклончивые формулировки, из которых можно сделать различные выводы о позиции автора¹. Лейонхувуд считает, например, что Кейнс не верил в реальную возможность «абсолютного предпочтения ликвидности». Такого же мнения придерживается Патинкин².

Что касается второго звена причинной цепи (процент — инвестиции), то Кейнс полагал, что инвестиции весьма существенным образом реагируют на условия выдачи кредитов³. Но в его схеме инвестиции связаны с долгосрочной ставкой процента, которая изменяется очень медленно.

То большое значение, которое придается в современной литературе проблеме «кейнсианских эластичностей по проценту», связано в огромной степени с

¹ «Существует вероятность того... что, когда норма процента упадет до определенного уровня, предпочтение ликвидности может стать фактически абсолютным в том смысле, что почти все будут предпочитать наличные деньги покупке долговых обязательств, приносящих столь низкий процент. В этом случае центральный банк утратит эффективный контроль над нормой процента. Но хотя этот ограничивающий момент может в будущем стать практически важным, мы до сих пор не имеем примеров его существования» (*J. M. Keynes. The General Theory...*, p. 207).

² *A. Leijohnhufvud. On the Keynesian Economics and the Economics of Keynes; D. Patinkin. The Role of the «Liquidity Trap» in Keynesian Economics.* — Banca Nazionale del Lavoro. «Quarterly Review», March 1974, p. 11.

³ См. подробный анализ этого вопроса в книге Лейонхувуда, стр. 157—185.

теорией правительственной экономической политики и попытками прогнозирования ее результатов. В настоящее время в теории разработана система денежных и бюджетных мультипликаторов, призванных измерить влияние на валовой конечный продукт изменений денежной массы, налогов и бюджетных расходов¹. Эластичности спроса на деньги и инвестиций по проценту существенно влияют на величину «множительного эффекта» отдельных инструментов правительственной политики. Так, при эластичности спроса на деньги по проценту, равной нулю («ликвидная ловушка»), мультипликатор государственных бюджетных расходов имеет малую величину, тогда как эффект денежной политики достигает максимума. И напротив, при значительном возрастании эластичности денежного спроса по проценту денежно-кредитная политика утрачивает действенность.

Что касается влияния процента на объем капиталовложений, то исследования в этой области начались еще до войны. В то время систематическая связь динамики инвестиций и процентных ставок либо вовсе не была обнаружена, либо оказалась для большинства отраслей хозяйства настолько слабой, что ею можно было пренебречь при анализе факторов инвестиционного процесса. Об этом, в частности, говорили многочисленные опросы руководителей капиталистических фирм и анкетные обследования. Из тысяч предпринимателей, охваченных обследованиями, лишь единицы указали на «цену капитала» как на важный фактор, учитываемый при планировании перспективных капиталовложений². На основе этих работ А. Хансен уже в 1938 г. заявил о полной неэффективности денежно-

¹ См., например, «Readings in Money, National Income and Stabilization Policy», Ed. by W. L. Smith and R. L. Teigen. Homewood, 1965, p. 1—32.

² Наибольшую известность получила серия обследований, проведенных экономистами Оксфордского университета в Англии. См. H. D. Henderson. The Significance of the Rate of Interest; I. E. Meade and P. Andrews. Summary of Replies to Questions on Effect of Interest Rates. — «Oxford Economic Papers», October 1938, p. 1—31; P. Andrews. A Further Inquiry into the Effects of the Rates of Interest. — «Oxford Economic Papers», February 1940, p. 32—73. Аналогичные результаты дал опрос школы бизнеса при Гарвардском университете в США: J. F. Ebersole. The Influence of Interest Rates upon Entrepreneurial Decision in Business — A Case Study. — «Harvard Business Review». Autumn, 1938, p. 35—40.

кредитной политики как орудия стимулирования инвестиций.

Попытки применить для анализа инвестиционной функции более тонкие и сложные статистико-аналитические методы также не свидетельствовали о большой роли процентных ставок. Так, американские экономисты Дж. Мейер и Э. Ку, проанализировав выводы пятнадцати работ по проблемам принятия инвестиционных решений, установили, что в восьми из них переменная, представляющая норму процента в уравнениях множественной регрессии, оказалась несущественной, а в остальных работах соответствие модели статистическому материалу достигалось вообще без введения показателя процентных ставок. Авторы пришли к следующему выводу: «Эмпирические результаты... показывают, что норма процента не является важным фактором независимо от того, использовались ли в качестве метода обследования статистические приемы, интервью или анкеты»¹. Мейер и Ку предложили несколько вариантов модели инвестиционных решений, где они обходятся без переменных, представляющих норму процента.

Печать неопределенности в вопросе о роли процентных ставок лежит и на выводах обширного доклада по проблемам динамики капитальных вложений Р. Эйснера и Р. Стротца. Авторы обобщили результаты 650 работ. Их вывод гласил: «Время от времени выявляется, что норма процента негативно связана с расходами на капиталовложения, но такой результат не носит общего характера. Коэффициенты часто неопределенны или, что более важно, так малы по сравнению с изменениями нормы процента... что ведут к отрицанию за этой переменной большой роли во влиянии на темп инвестиций»².

Правда, в ходе более поздних исследований установлена определенная зависимость между изменениями нормы процента и динамикой некоторых категорий капиталовложений. Этот результат относится в первую очередь к жилищному строительству и от-

¹ J. R. Meyer, E. Kuh. The Investment Decision. Cambridge (Mass.), 1957, p. 8.

² R. Eisner and R. H. Strotz. Determinants of Business Investments. — «Impacts of Monetary Policy». Englewood Cliffs, 1963, p. 192.

раслям коммунального обслуживания. Характер условий на рынке кредита оказывает влияние на развитие этих отраслей. Значительно менее четко выражена зависимость между нормой процента и динамикой вложений в товарные запасы. Что касается важнейшей категории капиталовложений — инвестиций в промышленные здания и оборудование, то здесь картина по-прежнему неясна. Некоторым авторам удалось выявить эластичность вложений в основной капитал по проценту. Так, Д. Йоргенсон получил значение эластичности ($-0,15$) для очень длительного периода и более высокую цифру для коротких периодов¹. Аналогичное значение показателя эластичности ($-0,165$) получили для предприятий обрабатывающей промышленности и коммунального обслуживания Э. Ку и Дж. Мейер². С. Гольдфельд рассчитал эластичность вложений в основной капитал по проценту в размере ($-0,5$) — ($-0,6$)³. Тем не менее полученные результаты весьма нестабильны и существенно зависят от выбора исследуемого периода, набора отраслей и предприятий и т. д. Поэтому вопрос о зависимости инвестиций от нормы процента продолжает оставаться в списке нерешенных проблем экономической теории.

Результаты эмпирических обследований по-разному интерпретировались представителями конкурирующих направлений экономической мысли. Последователи Кейнса увидели в них еще одно свидетельство ограниченных возможностей денежно-кредитной политики по регулированию цикла. Неэффективность действий центрального банка, которую Кейнс относил лишь к периодам глубоких кризисов, они сделали общим принципом, утверждая тезис о безусловной предпочтительности бюджетных мероприятий.

Иного истолкования результатов эмпирических исследований придерживаются экономисты, тяготеющие к неолиберальному крылу буржуазной политэкономии.

¹ D. Jorgenson. *Anticipations and Investment Behavior*. — J. S. Duesenberry, G. Fromm, L. R. Klein, E. Kuh (ed.). *The Brookings Quarterly Econometric Model of the United States*. Chicago—Amsterdam, 1965, p. 88—89.

² E. Kuh, J. R. Meyer. *Investment, Liquidity and Monetary Policy*. — «Impacts of Monetary Policy». Englewood Cliffs, 1963, p. 381.

³ S. M. Goldfeld. *Commercial Bank Behavior and Economic Activity*. Amsterdam, 1966, p. 166.

Они усматривают в полученных статистических результатах не слабость народнохозяйственного эффекта денежных факторов вообще, а несостоятельность предлагаемых кейнсианцами объяснений механизма связи денег с важнейшими показателями хозяйственной активности. Влияние денег, утверждают они, невозможно выявить, если сосредоточить внимание на изменениях процентных ставок. Главное место в денежном анализе должно занять изучение непосредственной реакции хозяйственных агентов на изменение массы платежных средств в обороте. Критики кейнсианской доктрины ищут выхода на путях возрождения количественной теории денег, которая с 50-х годов вновь представляет важный элемент теоретической платформы неоклассиков.

НОВЕЙШИЕ МОДИФИКАЦИИ ДЕНЕЖНЫХ ДОКТРИН (50—70-е годы)

1. ПОСЛЕВОЕННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ДЕНЕГ

После второй мировой войны теория денег вновь стала ареной борьбы конкурирующих школ и течений в буржуазной политической экономии. Споры и дискуссии по основным теоретическим вопросам денег и денежно-кредитной политики развертывались в атмосфере серьезного разочарования большинства экономистов в основных постулатах и рекомендациях кейнсианской доктрины.

Успехи мирового социализма на фоне серьезных экономических и социально-политических трудностей и противоречий, переживаемых капиталистическими странами, привели к усилению идеологических аспектов в буржуазной политэкономии, к стремлению изобразить капитализм эффективной и жизнеспособной системой. Вывод Кейнса о том, что капиталистическая экономика неизлечимо больна, стал объектом нападок со стороны представителей неоклассической школы. Как писал в конце 50-х годов один из критиков Кейнса, С. Сличтер, в статье под характерным заголовком «Кончина кейнсианской экономической теории», «реальный мир, по-видимому, является гораздо лучшим местом, чем мир в теории Кейнса», и «кейнсианская теория оказалась ошибочной во всех ее важнейших моментах»¹.

¹ S. Slichter. The Passing of Keynesian Economics. — «The Means to Prosperity». Buffalo, 1959, p. 79, 89.

У истоков этой критической кампании находились экономисты, примыкающие к наиболее консервативному крылу воинствующих антимарксистов, — от представителей «второго поколения» австрийской школы Л. Мизеса и Ф. Хайека до американских неоллибералов типа Г. Саймонса, У. Хатта, Г. Хэзлитта и др. Программы активного государственного вмешательства в экономическую жизнь интерпретировались ими как упразднение важнейших институтов капитализма, и в частности принципа «свободного предпринимательства».

Как мы уже говорили, помимо открытой критики Кейнса серьезные последствия для дальнейшей судьбы кейнсианства имел сложный и многообразный процесс теоретической переработки «оригинальных» идей Кейнса, имевший целью примирить их с традиционной теорией неоклассиков. В 40-х годах кампания по «обогащению» кейнсианского учения элементами микроэкономического анализа приняла широкий и систематический характер. Ведущую роль в этом процессе сыграли американские экономисты А. Хансен, Л. Клейн, Ф. Модильяни, П. Самуэльсон, следовавшие за основополагающими работами Хикса. Конечным продуктом явилась общепринятая стандартная макроэкономическая модель, предназначенная для анализа краткосрочных хозяйственных ситуаций.

Создание «гибридных» моделей на базе «неоклассического синтеза», т. е. соединения модифицированных функциональных зависимостей кейнсианской макроэкономики с микроэкономическим аналитическим аппаратом неоклассиков, отражало глубокую неудовлетворенность теоретиков и практиков экономической политики кейнсианской доктриной. Капиталистическая экономика в послевоенный период развивалась «не по Кейнсу», и это привело к серьезному продолжительному кризису кейнсианства ¹.

Так, идея «депрессивной экономики», пронизывающая всю теоретическую модель Кейнса, была доведена до своего логического конца в теории «вековой стагнации», выдвинутой ведущими американскими кейнсианцами С. Харрисом и А. Хансеном. На этой основе

¹ См. подробнее: *И. М. Осадчая*. Современное кейнсианство. М., 1971.

большинство буржуазных экономистов предсказывало наступление после второй мировой войны глубочайшей экономической депрессии, равной по своим масштабам и последствиям кризису 1929—1933 гг. Этого, как известно, не произошло. Более того, несмотря на довольно чувствительные кризисные спады, в капиталистической экономике 60-х годов наступил период относительно высокой конъюнктуры и ускорения темпов хозяйственного развития.

В течение большинства послевоенных лет в экономике капиталистических стран наблюдался скорее избыток инвестиционного и потребительского спроса, а не его нехватка, как предсказывали кейнсианцы в начале 50-х годов. «Перегрев конъюнктуры» и острейшая инфляция стали постоянными и грозными спутниками капитализма. Рост цен за последнюю четверть века приобрел устойчивый и необратимый характер; он превратился в глобальное явление, поразившее все без исключения страны капитализма и резко обострившее социальные и экономические противоречия. Не случайно задача сдерживания инфляции вышла на первый план в государственных стабилизационных программах 60—70-х годов, стала рассматриваться как «проблема номер один».

Становилось все более ясным, что капиталистический мир сталкивается здесь не с временным или случайным явлением, которое порождено стечением обстоятельств и может быть легко устранено «классическими» методами макроэкономического контроля.

В инфляции отразилось гигантское расширение масштабов экономической деятельности буржуазного государства, его попытки обеспечить в определенных пределах пропорциональность и высокие темпы развития с помощью рыночных методов «управления спросом» без изменения основ экономической и политической структуры капитализма. Пытаясь стабилизировать конъюнктуру, уменьшить циклические колебания, устранить несбалансированность внешних расчетов и т. д., государство переводит возникающие диспропорции в другую форму, которая представляется правящим классам менее разрушительной или социально опасной, пока удастся удерживать темпы инфляции в определенных границах.

В работе «Инфляция и монетаристский спор» Г. Джонсон подчеркивает, что именно инфляция, а не «массовая безработица кейнсианского образца» представляет типичную черту этого периода. В неспособности оценить опасность инфляции и предложить программу, которая обеспечивала бы стабильность покупательной силы денег, Джонсон видит главную причину, приведшую к кризису кейнсианства и быстрому росту популярности других течений в буржуазной экономической мысли¹.

Говоря о растущем отрыве кейнсианской теоретической схемы от реальных процессов хозяйственной жизни, западные экономисты часто истолковывают это расхождение как свидетельство правильности позиции оппонентов Кейнса из неоклассического лагеря. «Факты, — пишет Джонсон, — гораздо лучше согласуются с традиционными предположениями, что система обладает значительной внутренней стабильностью...», чем с кейнсианским тезисом о хронической нехватке спроса².

Подобные оценки прочно укоренились в экономической литературе 60-х годов. Возродился интерес к «классическим» схемам функционирования экономики, как отражающим якобы наиболее типичные и фундаментальные черты капиталистического производства. Обобщая эти умонастроения, английский экономист А. Хайнз писал: «Мнение сводилось к тому, что Кейнс в действительности взял существующую модель (неоклассиков. — В. У.), произвольно ввел в нее ряд ограничений... а затем заявил, что он не только опроверг классическую модель, но и представил более общую теорию. Как раз этого Кейнс сделать не смог»³.

В ходе «великого спора» о «подлинном вкладе» кейнсианского учения, его новаторстве наблюдалось

¹ «Реальной движущей силой, которая обусловила рост монетаризма (т. е. подхода с позиций количественной теории)... была неспособность альтернативного кейнсианского подхода дать удовлетворительное решение проблемы инфляции...» (H. G. Johnson. *Inflation and the Monetarist Controversy*. Amsterdam, 1972, p. 62).

² H. G. Johnson. *Inflation and the Monetarist Controversy*, p. 9—10.

³ A. G. Hines. *On the Reappraisal of Keynesian Economics*. London, 1971, p. 7.

быстрое возрождение неоклассической теории денег. Именно в эту область переместился один из наиболее острых узлов противоречий в буржуазной политической экономии последних лет. Озабоченность проблемами инфляции привела к росту популярности количественной теории денег, которая после многих лет упадка и застоя вновь вышла на сцену в качестве главного соперника кейнсианства не только в теоретических вопросах, но и в сфере экономической политики. Если ранее критика постулатов количественной теории была необходимой предпосылкой для перестройки Кейнсом неоклассической доктрины, то теперь обновленная количественная теория рассматривается как плацдарм для наступления против Кейнса и стандартной макромоделей формирования национального дохода, господствующей в современной западной литературе.

«Ренессанс» количественной теории нашел отражение в теоретической концепции чикагской школы, возглавляемой американским экономистом М. Фридменом. Деньги трактуются здесь как главная пружина, вызывающая колебания конъюнктуры, и в то же время как стабилизирующий внутренний механизм в системе капиталистического воспроизводства. Лозунг «деньги имеют значение» (*money matters*), ставший своеобразным эпиграфом к работам экономистов чикагской школы, противопоставляется ими выводам кейнсианской доктрины, где, по их мнению, «деньги не важны для экономического развития». Утверждая тезис о тесной причинной связи между колебаниями денежной массы и цен, современные монетаристы отстаивают чисто денежную концепцию причин инфляционного процесса и монетарную теорию цикла, тогда как в литературе кейнсианского направления преобладают немонетарные объяснения динамики цен (например, теория «инфляции издержек») и немонетарные в своей основе концепции дохода и занятости.

Стремление восстановить неоклассическую трактовку денег проявляется и в другой линии «неоклассического возрождения» — росте популярности неовальрасовских моделей общего рыночного равновесия. В этом отношении большое значение придается работам Д. Патинкина, на которых мы остановимся ниже.

К началу 60-х годов в западной экономической литературе начал преобладать взгляд о теоретическом поражении Кейнса, логической необоснованности его доказательств о возможности длительного пребывания экономики в состоянии неравновесия, т. е. депрессии или глубокого кризиса. Выводы Кейнса, утверждали сторонники этого подхода, связаны с введением особых условий, например с допущением негибкости в современных условиях цен и заработной платы. Если отбросить их, то модель экономики будет функционировать по «неоклассическим» законам.

Правда, после интенсивных эмпирических исследований большинство теоретиков было вынуждено признать, что теоретический прием, на котором основывалось формальное опровержение модели «депрессивной экономики» Кейнса, а именно эффект богатства, в реальных условиях капиталистического производства проявляется слабо и не может обеспечить автоматического выхода экономики из состояния кризисного спада. Поэтому высказывалось мнение, что, хотя капиталистическое хозяйство в принципе обладает способностью к саморегулированию, кейнсианские методы государственного регулирования спроса необходимо сохранить, чтобы повысить быстроту хозяйственных корректировок. Кейнсианская схема получила, таким образом, признание как своеобразный «катализатор» стабилизирующих процессов, а не как отражение существенных черт экономического механизма. Выражая мнение многих западных ученых, Хайнз писал, что «классики выиграли интеллектуальную битву, тогда как Кейнс одержал победу по вопросам политики»¹.

В конце 60 — начале 70-х годов активизировались сторонники ортодоксальной доктрины Кейнса. Их цель заключалась в том, чтобы доказать, что учение Кейнса, будучи моделью «неравновесной экономики», существенно отличается от неовальрасовской равновесной модели хозяйственного механизма. Метод «неоклассического синтеза», утверждали «новые кейнсианцы», несостоятелен уже в самой основе, так как в нем делается попытка соединить диаметрально противоположные подходы к анализу хозяйственной системы. Пребывание капиталистической экономики в состоянии непол-

¹ A. G. Hines. On the Reappraisal of Keynesian Economics, p. 9.

ной занятости порождается не случайными или временными факторами и не может поэтому рассматриваться просто как «отклонение от равновесия». Причины типичных для капитализма «неравновесных ситуаций» — кризисов, инфляции и других нарушений воспроизводства обусловлены внутренними закономерностями капитализма и неизбежно порождаются ими.

И вновь полемика в значительной степени сосредоточилась на проблемах денег. Сначала Дж. Герли и Э. Шоу подвергли критике основные предпосылки модели Патинкина как искусственные и не соответствующие реальности. Затем последовала серия работ Р. Клауэра и А. Лейонхувуда, где давалась новая интерпретация основных идей Кейнса в области общеэкономической и особенно денежной теории.

Один из важных полемических приемов нового направления состоял в акценте на особых свойствах «денежной экономики», тогда как в основе всех неоклассических построений лежат по существу отношения безденежного обмена, бартера. Неполная занятость ресурсов как типичная черта кейнсианского описания экономического процесса вытекает, по аргументации Р. Клауэра и его коллег, из того факта, что обмен в капиталистическом хозяйстве невозможен без специфического товара — денег. В моделях же вальрасовского типа деньги идентичны другим товарам, что наряду с другими предпосылками этих моделей устраняет трудности реализации товаров.

Оценивая концепцию современных интерпретаторов Кейнса, необходимо указать, что их «денежная экономика» представляет собой столь же абстрактную конструкцию, что и неоклассические модели общего равновесия. Общая черта подхода буржуазных теоретиков, к каким бы направлениям они ни принадлежали, заключается в игнорировании капиталистических отношений собственности и распределения доходов. Именно в этой области, как неопровержимо доказал К. Маркс, заключены подлинные причины конфликтов и противоречий в капиталистическом мире. Но, отвергая тезис «гармоничного развития» капитализма, кейнсианцы ближе подходят к оценке действительного положения вещей, чем сторонники идеализированных моделей общего экономического равновесия.

В целом экономическая мысль Запада находится в состоянии брожения и пересмотра основополагающих концепций. Мощным толчком к этому послужила неспособность буржуазных теоретиков, к какой бы школе они ни принадлежали, дать эффективную программу борьбы с экономическими трудностями, которые переживает капиталистический мир. В начале 70-х годов большинство стран столкнулось с новым явлением — сочетанием быстрого роста цен и падения производства и массовой безработицы. Эта комбинация, которая не наблюдалась в ходе прежних экономических кризисов, получила в литературе название «стагфляция» (гибрид стагнации и инфляции). Подобный ход событий противоречил всем канонам макроэкономической теории и вызвал растерянность среди буржуазных ученых. Это отразилось и в развитии денежной теории.

2. СОВРЕМЕННЫЙ МОНЕТАРИЗМ

Особенности доктрины монетаризма.

В 1956 г. в США под редакцией профессора экономики Чикагского университета Милтона Фридмана вышел сборник статей «Исследования в области количественной теории денег»¹. Он знаменовал рождение новой доктрины, которая получила впоследствии большую популярность в США и за границей и претендует ныне на роль теоретического антипода кейнсианского учения. В вводной статье к сборнику М. Фридмен формулирует особую версию количественной теории денег, новый вариант «монетарного взгляда» на функционирование капиталистической экономики. Затем последовала целая серия работ, где положения новой теории подверглись дальнейшему развитию и шлифовке².

¹ «Studies in the Quantity Theory of Money». Ed. by M. Friedman. Chicago, 1956.

² Среди них следует в первую очередь упомянуть 800-страничный труд «Монетарная история Соединенных Штатов. 1867—1960», подготовленный М. Фридменом и А. Шварц для Национального бюро экономических исследований США (M. Friedman, A. Schwartz. A Monetary History of the United States, 1867—1960. Princeton, 1963). Большую роль в развитии монетарной концепции

Монетаристы пытаются утвердить качественно иной по сравнению с кейнсианским взгляд на общую природу капиталистического хозяйственного механизма. «Монетаристская концепция, — заявляет американский экономист К. Бруннер, — отвергает тезис, что динамический процесс, порождаемый частным (негосударственным. — В. У.) сектором, нестабилен в некоторых главных звеньях...»¹ Другой активный сторонник монетарной доктрины, Л. Йэгер, пишет: «Ряд неблагоприятных аспектов функционирования капиталистической экономики — инфляция, рецессия, циклическая безработица и кризис платежного баланса *не характерны для капитализма, как такового*, а проистекают от неправильной денежной политики; последняя же есть функция государства»². Аналогичный тезис формулируется и авторами ряда монетаристских моделей Л. Андерсоном и Дж. Джорданом: «Экономика в основе своей стабильна и не обязательно подвержена повторяющимся периодам жестокой депрессии и инфляции. Крупные деловые циклы, которые случались в прошлом, связаны в первую очередь со значительными колебаниями в темпах роста денежной массы»³.

Стратегия монетаризма совпадает с общей тенденцией современного «неоклассического возрождения» — реабилитировать «классический» капитализм, возродить веру в его эффективность и возможности экономического роста без дополнительных «подпорок» и стимулирующих «вливаний» из государственного бюджета. Отсюда отрицательное отношение к кейнсианским программам регулирования спроса, нарушающим, как считают монетаристы, естественный процесс

сыграли и другие книги и статьи М. Фридмана (M. Friedman. A Program for Monetary Stability. New York, 1960; M. Friedman. The Demand for Money: Some Theoretical and Empirical Results (1959). — «Monetary Theory and Monetary Policy». New York, 1966; M. Friedman and A. Schwartz. Money and Business Cycles. — «The State of Monetary Economics». New York, 1963; M. Friedman. Money and Economic Development. The Horwitz Lectures of 1972. New York, 1973), а также работы его последователей — Ф. Кейнса, Д. Фэнда, Р. Селдена, Д. Мейзельмана и др.

¹ K. Brunner. The «Monetarist Revolution» in Monetary Theory. — «Weltwirtschaftliches Archiv», 1970, Heft 1, S. 6.

² L. Yeager. Monetary Policy and Economic Performance. Washington, 1972, p. 13 (курс наш. — В. У.).

³ «Federal Reserve Bank of St. Louis Review», April 1970, p. 8.

хозяйственных корректировок с помощью встроенных механизмов конкуренции и свободного ценообразования.

Фридмен давно уже выступает с проектами кардинальной перестройки основ и принципов современной экономической политики. Его предложения направлены, в частности, на то, чтобы лишить государственно-монополистические органы хозяйственного контроля той свободы маневрирования, которой они сейчас располагают, и подчинить их действия автоматическому «правилу», учитывающему долговременные тенденции роста денежной массы, иначе говоря, ввести некий суррогат «дисциплины золотого стандарта».

По мнению монетаристов, главный очаг «нестабильности» капитализма лежит в денежной сфере; здесь следует искать и основные причины кризисов и других нарушений воспроизводственного процесса. Как писал Л. Йэгер, «сторонник монетаризма — это экономист, который верит, что количество денег оказывает доминирующее влияние на общий поток расходов в экономике. Государственный бюджет и так называемые реальные факторы в экономике, включая побуждение к инвестированию, оказывают явно второстепенное влияние, если они не подкреплены динамикой денежной массы»¹.

Монетаризм явился своеобразной реакцией на длительный период игнорирования роли денежных факторов в хозяйственных процессах, который имел место в капиталистических странах в 30—40-х годах. М. Фридмен выступил инициатором «переоценки ценностей» в арсенале буржуазной науки о деньгах. Характеризуя свою концепцию, он писал: «Это был теоретический подход, утверждавший, что деньги действительно важны и что любая оценка кратковременных сдвигов в хозяйственной активности будет, по-видимому, содержать серьезные ошибки, если она игнорирует монетарные сдвиги...»² Тезис об экстраординарной роли денег и о пагубных последствиях недооценки этого фактора стал отправным пунктом наступления на позиции кейнсианцев.

¹ L. Yeager. Monetary Policy and Economic Performance, p. 27.

² «Studies in the Quantity Theory of Money», p. 3.

Но в принципе разумный взгляд, что «деньги важны для экономического развития», принял в постулатах монетаристов причудливо искаженную и гипертрофированную форму. Как отмечал известный американский экономист Дж. Тобин, лозунг современных количественников «деньги имеют значение» (*money matters*) на деле интерпретируется ими как «только деньги имеют значение» (*only money matters*)¹. Такой подход по своей сути и выводам существенно отличается от моделей кейнсианского типа, где на первом плане находится динамика такого экономического фактора, как инвестиции, и где основное внимание уделяется стимулирующей бюджетной политике государства.

Монетаристская доктрина прошла в своем развитии ряд этапов. Фридмен начал с реабилитации количественной теории денег, переформулирования ее основных положений. Здесь он следовал по пути, проложенному И. Фишером и кембриджскими теоретиками, хотя предложенная им трактовка количественной теории значительно отличается от традиционных вариантов по доказательствам и аналитическому аппарату².

В первых работах Фридмена содержатся ссылки на устную традицию чикагской школы, где якобы уже давно присутствовала и отшлифовывалась система монетаристских взглядов. Впоследствии Д. Патинкин путем скрупулезного анализа лекций, прочитанных в 20—40-х годах в Чикагском университете профессорами Г. Саймонсом и Л. Минтсом, и защищенных в этот период докторских диссертаций убедительно показал, что чикагская школа — это миф, изобретенный Фридменом. В Чикагском университете в начале века господствовал ортодоксальный вариант количественной теории, основанный на фишеровском уравнении обмена. «...То, что представил Фридмен, — заключает Патинкин, — представляет элегантно изложенное современное портфельного подхода к спросу на деньги, ко-

¹ *J. Tobin. The Monetary Interpretation of History.* — «The American Economic Review», June 1965, p. 481.

² *M. Friedman. Counter-Revolution in Monetary Theory.* London, 1970, p. 8—11; *M. Friedman. A Theoretical Framework for Monetary Analysis.* — «Journal of Political Economy», March—April 1970, p. 195—201.

торый может рассматриваться лишь как продукт кейнсианской теории предпочтения ликвидности»¹.

Показательно, что после выступления Патинкина Фридмен принял для обозначения своих взглядов термин «монетаризм» и признал, что его концепция имеет много точек соприкосновения с кейнсианской теорией ликвидности². Тем не менее термин «чакагская школа» по-прежнему широко применяется в современной литературе для обозначения взглядов Фридмена и возглавляемого им направления.

За теоретическим переформулированием количественной теории как особого варианта теории спроса на деньги последовали интенсивные эмпирические расчеты для определения параметров функции спроса. Большое внимание уделялось доказательству ключевого тезиса монетаризма о том, что имеется тесная и четко прослеживаемая связь между изменениями денежной массы и колебаниями других важнейших показателей экономической активности.

В начале 60-х годов М. Фридмен и Д. Мейзельман проводят серию статистических тестов с целью сравнения прогнозных свойств двух конкурирующих подходов — кейнсианского и неок количественного (монетаристского)³. Они предложили две простые модели, в которых описывается динамика потребительских расходов, и, используя данные за длительный период времени (1898—1958 гг.), рассчитали необходимые числовые параметры. Каждая модель состояла из одного уравнения, которое, по мысли авторов, должно было представлять определенную теоретическую концепцию. В первой — «кейнсианской» — модели изменение потребительских расходов за длительный период времени «объяснялось» динамикой так называемых авто-

¹ *D. Patinkin*. The Chicago Tradition, the Quantity Theory and Friedman. — «Journal of Money, Credit and Banking», February 1969, p. 47. Под «портфельным подходом» имеется в виду развитая Кейнсом теория поведения хозяйственных субъектов при размещении ими полученного дохода, что в западной литературе называется «выбором портфеля» (portfolio choice).

² *M. Friedman*. A Theoretical Framework of Monetary Analysis. — «Journal of Political Economy», p. 217—222.

³ *M. Friedman, D. Meiselman*. The Relative Stability of Monetary Velocity and the Investment Multiplier in the United States 1898—1958. — Commission on Money and Credit, «Stabilization Policies». Englewood Cliffs, 1963.

номных расходов, в которые Фридмен включал инвестиции в основной капитал, дефицит государственного бюджета в системе национальных счетов и сальдо расчетов с заграницей. Вторая — «монетарная» — модель выражалась уравнением, где потребительские расходы зависели от изменений денежной массы. Получив во втором случае более высокие показатели корреляции, Фридмен и Мейзельман сочли это достаточным свидетельством причинной зависимости между изменениями валового национального продукта и количества денег в обращении.

Выдвигая тезис об определяющем влиянии денег на уровень хозяйственной активности, Фридмен и его единомышленники в течение долгого времени не давали объяснения того экономического механизма, посредством которого реализуется это влияние. Их модели, как правило, работали по принципу «черного ящика», где известны лишь входные и выходные данные, а «внутреннее устройство» не определено. Этот дефект монетаристской доктрины не устранен и по сей день.

Новое течение оказало заметное влияние на концепции экономической политики и практические мероприятия правительственных органов в ряде капиталистических стран (помимо США в Англии, ФРГ, Японии и др.). С особой силой это влияние обнаружилось в конце 60-х и начале 70-х годов, когда резко ускорились темпы развития инфляционного процесса. Опыт применения монетаристских рецептов свертывания спроса достаточно убедительно продемонстрировал их антидемократическую природу, как концепции, выгодной монополиям, и привел к серьезному обострению социальных противоречий капитализма. Ограничение денежно-кредитной экспансии в США и активное применение денежной рестрикции в качестве противoinфляционного средства в 1969—1970 гг. способствовали искусственному созданию «дефляционного кризиса». Возросла безработица, увеличились внешнеэкономические и валютные трудности. Правительственные органы в США, Англии и других странах, где усиленно практиковались монетаристские рецепты «управления деньгами», вынуждены были вернуться к кейнсианской политике «накачивания спроса». Все это способствовало известному разочарованию в практической применимости монетаризма. Однако комплекс монетарист-

ских идей по-прежнему пользуется большой популярностью в экономической литературе и в наиболее консервативных кругах буржуазного общества.

Функция спроса на деньги в монетаристской интерпретации. Монетаризм представляет собой дальнейшее развитие и модификацию количественной теории с ее главным выводом о наличии тесной связи между изменениями объема платежных средств и колебаниями общего уровня цен. В интерпретации Фридмена количественная теория «не есть теория производства, денежного дохода или уровня цен»¹. Анализ начинается с изучения закономерностей накопления денежных остатков у индивидуальных участников оборота. Затем выведенная функция спроса на деньги с помощью ряда весьма произвольных допущений распространяется на все хозяйство и становится стержнем макроэкономической концепции дохода и цен.

В этой связи понятно то исключительное внимание, которое уделяется в работах Фридмена и его последователей вопросу о конкретных свойствах функции спроса на деньги. В ней монетаристы видят одну из наиболее фундаментальных закономерностей в противоположность кейнсианской модели, базирующейся на законе снижающейся склонности к потреблению и концепции инвестиционного мультипликатора².

Интересна позиция Фридмена по вопросу о скорости обращения денег. Изменчивость этого показателя сыграла важную роль в падении авторитета количественной теории в 30-х годах. Современные монетаристы признают возможность резких колебаний показателя скорости, например, в периоды острой инфляции³. Но это, по их мнению, не нарушает устойчивого характера функции спроса, проявляющегося в наличии систематической связи между накапливаемыми кассовыми остатками и рядом экономических переменных.

¹ «Studies in the Quantity Theory of Money», p. 4.

² «Теоретик-количественник, — пишет Фридмен, — признает эмпирическую гипотезу, что спрос на деньги в высшей степени стабилен — более стабилен, чем функция потребления, предлагаемая в качестве альтернативного ключевого отношения» («Studies in the Quantity Theory of Money», p. 16).

³ P. Cagan. The Monetary Dynamics of Hyperinflation. — «Studies in the Quantity Theory of Money», p. 25—120.

Фридмен выходит за рамки ставшего уже традиционным кейнсианского противопоставления денег и «облигаций» при формировании портфеля (набора активов) хозяйственных субъектов. В его модели кассовые остатки участвуют в процессах потребительского выбора наряду с облигациями, акциями, зданиями, потребительскими товарами и другими аналогичными товарами. Тем не менее деньги занимают центральное место в монетаристской схеме, являясь, как правило, главным «инициатором» хозяйственных сдвигов.

В статье «Количественная теория денег — новая интерпретация»¹ Фридмен подробно анализирует особенности складывания спроса на деньги для двух групп хозяйственных субъектов — потребительских хозяйств и капиталистических фирм, которые он объединяет в категорию «конечных владеющих богатством единиц». Для первых потребность в кассовых остатках выводится в соответствии с общими принципами формирования потребительского спроса, который зависит от бюджетного ограничения (общей суммы получаемого дохода или накопленного богатства); регулярного дохода от различных активов (элементов богатства); темпа изменения цен; вкусов и предпочтений. Потребитель стремится максимизировать доход путем перераспределения фонда имеющихся у него активов между альтернативными формами. Эта же функция без каких-либо существенных изменений распространяется затем и на капиталистические предприятия.

Базисная формула спроса на кассовые остатки имеет следующий вид:

$$\frac{M}{P} = f\left(r_b, r_e, \frac{1}{P} \frac{dP}{dt}; w; \frac{Y}{P}; u\right),$$

где $\frac{M}{P}$ — сумма реальных (дефлированных по индексу цен) кассовых остатков;
 r — ожидаемая норма номинального дохода от облигаций;
 r — ожидаемая норма номинального дохода от промышленных акций;

¹ «Studies in the Quantity Theory of Money», p. 3—21.

$\frac{1}{P} \frac{dP}{dt}$ — ожидаемый темп изменения цен на «реальные» товары;
 w — доля накопленных активов в натурально-вещественной форме;
 $\frac{Y}{P}$ — дефлированный доход;
 u — неучтенные факторы.

Накапливание денег возникает в модели Фридмена как результат сложного процесса приспособления индивидуума к рыночной ситуации. Встав на такой путь, Фридмен неизбежно должен был ввести норму процента в свою функцию спроса. Формально в его формуле различные виды процентных ставок действительно присутствуют. Но в последующем анализе они отбрасываются на том основании, что регрессионный анализ продемонстрировал их «статистически малую значимость». Единственный фактор, который, по мнению монетаристов, удовлетворительно «объясняет» большую часть колебаний спроса на деньги, — это реальный (скорректированный на динамику цен) подушевой доход. Таким образом, функция спроса принимает в конечном счете форму, соответствующую канонам традиционной неоклассической теории: потребность в деньгах зависит от суммы сделок (конечных доходов), но нечувствительна к изменениям нормы процента.

Статистическая устойчивость функциональной связи между деньгами и доходом достигается в значительной степени за счет специфического определения дохода. В расчетах применен не обычный показатель текущего дохода, а так называемый постоянный (permanent) доход, определяемый как средняя взвешенная из текущего и всех прошлых уровней дохода¹. В результате эмпирических расчетов Фридмен приходит к следующей общей формуле спроса на кассовые остатки:

$$\frac{M_d}{NP_p} = \gamma \left(\frac{Y_p}{NP_p} \right)^\delta,$$

¹ Методология расчета этого показателя изложена Фридменом в работе «A Theory of Consumption Function». Princeton, 1957.

где $\frac{M_d}{NP_p}$ — реальные кассовые остатки на душу населения (P — постоянный уровень цен, N — население);

$\frac{Y_p}{NP_p}$ — реальный постоянный доход на душу населения;

γ и δ — числовые параметры функции.

Формула выражает спрос на реальные кассовые остатки как экспоненциальную функцию реального постоянного душевого дохода¹.

Расчет числовых коэффициентов регрессии на основе годовых данных по США за период 1869—1957 гг. дал значение показателя эластичности спроса на деньги по доходу выше единицы ($\delta=1,81$). Это позволило Фридмену трактовать деньги как «предмет роскоши» по аналогии с товарами, спрос на которые изменяется в большей степени, чем изменение дохода. В то же время Фридмен а priori исходит из предположения, что эластичность спроса на кассовые остатки по ценам равна единице, — это видно из того, что он в приведенной формуле дефлирует (приводит к неизменным ценам) показатель количества денег и постоянный доход.

Результаты статистических расчетов Фридмена не получили поддержки среди буржуазных теоретиков. Другие исследователи, использовавшие аналогичные данные, но с меньшими ограничениями, обнаружили статистически значимую, а порой весьма высокую степень эластичности спроса на деньги по проценту². Более того, А. Мелцер показал, что дополнительное введение нормы процента в функцию спроса на деньги, рассчитанную с применением показателей постоянно-го дохода и материального богатства, существенно

¹ *M. Friedman. The Demand for Money: Some Theoretical and Empirical Results. — «Monetary Theory and Monetary Policy». New York, 1966, p. 97.*

² Американский экономист А. Оукен приводит перечень 25 статистических работ, в которых указывается на наличие зависимости спроса на деньги от нормы процента. Им противостоит лишь один — фридменовский — расчет, давший обратные результаты (*A. M. Okun. The Political Economy of Prosperity. Washington, 1970, p. 146—147*).

улучшает показатели корреляции¹. Таким образом, функция спроса на деньги имеет скорее «кейнсианский», чем «фридменовский», вид. А это ставит под вопрос центральный тезис монетаризма — о стабильной скорости обращения денег, без чего невозможно обосновать вывод о пропорциональном изменении количества денег и уровня цен.

Неправомерно истолкование во фридменовском анализе денег как «капитального актива». Оно основано на весьма распространенной в буржуазной литературе и идущей еще от австрийской школы (Бем-Баверк) и И. Фишера натуралистической трактовке капитала как вещи, приносящей «поток дохода» в форме услуг. Деньги действительно обладают полезностью — свойством всеобщей обмениваемости на другие товары. Но факт легкости превращения в современных условиях платежного средства в форму доходного актива не дает еще оснований зачислить его в качественно иную политэкономическую категорию — «капитал», т. е. стоимость, приносящую прибавочную стоимость.

Проблемы денежной эмиссии. Важным элементом монетаристской концепции служит тезис об экзогенном (автономном, не зависящем от функционирования экономической системы) характере изменений денежной массы. Только при таком допущении можно перейти к монетарной концепции цикла, где изменения денежной массы играют роль «первоначального толчка» изменений конъюнктуры.

В неоклассических моделях хозяйственных процессов автономный характер денежной массы подчеркивается особым — внеэкономическим — способом введения ее в каналы обращения. Деньги в этих моделях распределяются условным способом, например сбрасываются с вертолета (М. Фридмен), раскладываются в почтовые ящики (Д. Патинкин) и т. п. Тем самым акцентируется ключевая идея монетаристов, что сдвиги в денежном обращении «навязываются» хозяйству извне, а не являются пассивной реакцией денежной сферы на предшествующие изменения в сфере производства или обращения реального продукта. Толь-

¹ A. H. Meltzer. The Demand for Money: The Evidence from the Time Series, — «Journal of Political Economy», June 1963.

ко таким образом можно обосновать тезис, что цены *всегда* следуют за изменением денег.

Истолкование процесса денежной эмиссии как автономного процесса, осуществляемого по произволу центрального банка и не учитывающего по существу обратных связей, типично не только для современных монетаристов, но и для их предшественников. Достаточно вспомнить излюбленный методологический прием всех количественников — от Д. Юма до И. Фишера, связанный с удвоением количества денег в стране в течение одной ночи и анализом последующих изменений цен, вызванных этим событием.

Трактовка денег как «манны небесной» в схемах количественников обусловлена во многом трудностями объяснения процессов обращения кредитных денег. Эмиссия последних теснейшим образом связана с процессами расширения или сужения производства и товарного обращения. Поэтому количественники, как правило, игнорируют различия между отдельными категориями денег и сводят свой анализ главным образом к неразменным бумажным деньгам, при выпуске которых произвольный характер действий центрального банка выступает наиболее отчетливо.

Такая интерпретация причинных связей равносильна утверждению об отсутствии (или во всяком случае несущественности) воздействия конъюнктуры (платежного оборота) на денежную эмиссию. Это давний вопрос, спор по которому ведется в буржуазной литературе еще со времен Рикардо и полемики денежной и банковской школ в Англии. Т. Тук, как мы помним, обосновывал идею о чисто пассивном «отклике» денежного обращения на изменение суммы цен товаров, что до известной степени соответствовало действовавшим в XIX в. условиям золотого стандарта и кредитным принципам обеспечения эмиссии. Здесь имелась прямая связь между потребностью в деньгах (первичный фактор) и выпуском денег в обращение (вторичный фактор). Сторонники же денежной школы, поддерживавшие количественную теорию, во главе причинной цепочки ставили автономные изменения денежного запаса, осуществляемые по инициативе центрального банка.

Обе точки зрения страдают крайней односторонностью. В действительности формирование денежной

массы представляет собой сложный процесс, обусловленный взаимодействием разнообразных факторов как на стороне спроса, так и на стороне предложения денег, хотя в отдельные моменты и может преобладать какая-то одна линия причинности.

Современные монетаристы в более усложненной форме возрождают традиционную аргументацию количественников. При этом они пытаются использовать для подкрепления своей позиции изменения в механизме денежной эмиссии со времени отмены золотого стандарта: возросшую самостоятельность центральных банков, практику выпуска банкнот под государственные ценные бумаги и т. д. Эти сдвиги действительно расширяют возможности центральных банков по регулированию денежного обращения и позволяют им во многих случаях бросать в оборот большие массы платежных средств, которые превышают потребности хозяйства в деньгах. Но это не означает, что процесс денежной эмиссии становится от этого «совершенно независимым» от определяющего воздействия конъюнктуры. Самостоятельность эмиссионного процесса заключена в определенные рамки. Сложные пертурбации денежных потоков, где причины и следствия непрерывно меняются местами, не могут быть сведены к «автономным» денежным сдвигам. Лучшим свидетельством этого служит неспособность капиталистических центральных банков обеспечивать заданный директивно темп роста денежной массы, который изменяется под влиянием множества разнообразных внешних факторов ¹.

На нереалистичность позиции Фридмена указывают многие буржуазные экономисты. Интересна аргументация Н. Калдора. У монетаристов получается, пишет он, что лавинообразное увеличение покупок в период рождественских праздников есть результат выпуска центральным банком большого количества денег в обращение, тогда как в действительности дело обстоит как раз наоборот ². Но это в общем правильная мысль тут же доводится до абсурда, поскольку Калдор отрицает всякую возможность активного влия-

¹ См., например, *A. Burns. Money Supply in the Conduct of Monetary Policy.* — «Federal Reserve Bulletin», November 1973, p. 791—798.

² «Lloyds Bank Review», July 1970, p. 8.

ния центрального банка на состояние платежного оборота. Это видно из приводимого им примера, где рассматриваются последствия ограничения или затруднения денежной эмиссии в периоды рождественских покупок (путем сокращения числа кассиров, искусственного ограничения размена денег, создания очередей при инкассации чеков и т. п.). Калдор признает, что эти действия вызвали бы хаос в платежной сфере и в конечном счете несомненно привели бы к уменьшению объема торговли. Но он считает эти нарушения временными и быстро преодолимыми за счет появления различных суррогатов денег (платежных бон, марок и т. п.).

Каким бы образом ни были ликвидированы нарушения в работе платежного механизма, несомненно, что сужение эмиссии сказалось бы на ходе «реальных» процессов. Эта зависимость неоднократно выявлялась в различных исторических эпизодах. Поэтому положение об «абсолютно пассивном» характере денежной эмиссии в такой же степени искажает действительное положение, как монетаристская идея об «автономности» денежной массы.

Монетарная теория хозяйственного цикла. Монетаристы рассматривают экономику капитализма как в принципе устойчивую систему, для которой типично состояние плавного, равномерного роста. Что же касается кризисных явлений, то их главная причина связана с хаотическими колебаниями денежной массы, которые в свою очередь порождены правительственными манипуляциями по стимулированию совокупного спроса и т. д. Источник экономической нестабильности переносится во внешнюю сферу и не является органически присущим капиталистической системе. Характеризуя позицию монетаристов, американский экономист Х. Минский писал: «...сдвиги денежного дохода и цен рассматриваются ими как результат нарушений, порождаемых беспорядочными изменениями денежной массы... *Введение денег, функционирующих надлежащим образом, устранило бы все или по крайней мере наиболее значительную часть этих нарушений...*»¹

Монетарные теории цикла всегда занимали видное место в истории буржуазной экономической мыс-

¹ «The State of Monetary Economics», p. 66 (курс. наш—В. У.).

ли. Особенное распространение они получили в конце XIX и начале XX вв. в работах Р. Хоутри, К. Викселля, Ф. Хайека, Л. Мизеса, И. Фишера. Современные монетаристы подчеркивают историческую преемственность своих работ, ссылаясь, например, на известную статью Фишера, где тот отождествлял цикл с «пляской доллара», т. е. изменением покупательной силы денег¹. Но существенное отличие состоит в том, что прежние сторонники денежной теории цикла связывали колебания производства в первую очередь и преимущественно с операциями банков, условиями выдачи кредитов и т. д., т. е. выдвигали по существу кредитную концепцию цикла, тогда как современные пропагандисты этого взгляда предлагают чисто денежное объяснение, считая явления на рынке кредита второстепенными и дополняющими².

Тезис об определяющем влиянии денежных факторов на общеэкономические процессы представляет главную тему книги М. Фридмена и А. Шварц «Монетарная история Соединенных Штатов. 1867—1960». Общий вывод их исследования выражен в осторожных и тщательно взвешенных фразах: «1) Изменения в поведении денежного запаса тесно ассоциировались с изменениями экономической активности, денежного дохода и цен; 2) связь между денежным и экономическим сдвигом была в высшей степени стабильной; 3) денежные изменения часто имели независимое происхождение; они не были просто отражением изменений экономической активности»³.

Аргументация авторов покоится на исторических параллелях и совпадениях в динамике ряда показателей. Так, упоминая о двух «крупных инфляциях цен», они акцентируют внимание на том, что оба раза инфляции сопровождалась «более чем двукратным увеличением денежного запаса». Далее, за рассматриваемый почти столетний период наблюдалось шесть периодов «глубокого экономического сжатия», каждому из которых предшествовали «значительные сокраще-

¹ I. Fisher. The Business Cycle Largely a «Dance of the Dollar». — «Journal of the American Statistical Association», December 1923.

² «The State of Monetary Economics», p. 32.

³ M. Friedman, A. Schwartz. A Monetary History of the United States. 1867—1960, p. 676.

ния запаса денег». Из этих сопоставлений делается вывод, что «между циклическими колебаниями денежного запаса и изменениями реального дохода или «деловой активности» имеется тесная связь и что в долгосрочном плане «существенная нестабильность денег сопровождается нестабильностью экономического роста»¹.

Авторы, конечно, понимают, что само по себе наличие корреляции в динамике денежных и иных экономических факторов еще отнюдь не доказывает причинной зависимости этих явлений. Тем не менее в книге упорно проводится мысль, что в крупных нарушениях хозяйственной активности повинна «нестабильность денежного запаса». На специфическом языке Фридмена эта связь определена как «взаимодействие, где деньги явственно играют роль старшего партнера в более долгосрочных изменениях и наиболее крупных циклических колебаниях и близки к роли равного партнера с денежным доходом и ценами в более краткосрочных и слабых колебаниях»².

Пытаясь показать, что «влияние, идущее от денег к экономической активности, превалировало» и что «деньги играли роль старшего партнера», авторы определенным образом истолковывают отдельные эпизоды в истории центрального банка США, например повышение Федеральной резервной системой учетной ставки в 1920 г. (с $4\frac{3}{4}\%$ до 7%); аналогичное повышение в октябре 1931 г. (с $1\frac{1}{2}\%$ до $3\frac{1}{2}\%$) и, наконец, удвоение нормы обязательных резервов в 1936—1937 гг. Все эти действия имели, как пишут Фридмен и Шварц, «четкий и недвусмысленный эффект»: они вызвали сокращение денег в обращении (соответственно на 9, 14 и 3%), за чем последовали три резких падения промышленного производства (на 30, 24 и 34%).

Даже буржуазные оппоненты Фридмена были шокированы столь однобокой и слабо аргументированной трактовкой причин промышленного цикла. От процессов в денежной сфере несомненно зависит острота и катастрофичность форм протекания кризисов. Но авторы «Монетарной истории» отнюдь не ограничиваются указанием на важность денег в обострении эконо-

¹ M. Friedman, A. Schwartz. A Monetary History of the United States. 1867—1960, p. 678.

² Ibid., p. 695.

мических кризисов. Для них денежные факторы — главная и по существу единственная причина циклических колебаний хозяйственной активности. Интересен в этой связи анализ причин глубочайшего кризиса 1929—1933 гг. Он изображен в книге как результат цепи роковых ошибок центрального банка. Все действия ФРС в тот период объявляются вредоносными: не следовало бороться со спекулятивным бумом на фондовой бирже (хотя биржевой крах 1929 г. показал серьезнейшую опасность ажиотажа, царившего на бирже); предоставление помощи коммерческим банкам в форме переучета было излишним и лишь оттянуло роковую развязку (несмотря на то что тысячи банков вынуждены были приостановить платежи); операции на открытом рынке не проводились в достаточных масштабах (хотя ФРС скупила государственных облигаций только в 1932 г. на 1 млрд. долл.) и т. д. Своими неуверенными действиями и пассивностью ФРС допустила длительное сокращение денежной массы, что и явилось, как полагают Фридмен и Шварц, причиной катастрофы.

Фридмен и Шварц чувствуют односторонность своего объяснения истоков кризисов. Они пытаются компенсировать это ссылками на «двусторонний» характер зависимости между деньгами и экономической стабильностью, признанием в отдельных случаях влияния немонетарных факторов и т. п. Аргументация временами столь двусмысленна, что поймать их на слове, по выражению одного критика, равносильно попытке «прибить желе гвоздем к стене». Когда какие-то денежные мероприятия предшествуют изменению обстановки, авторы истолковывают это как доказательство своей правоты, если же денежные сдвиги не срабатывают, они ссылаются на «искажающее влияние немонетарных факторов».

Этот же метод формальных статистических сопоставлений, выдержанный в традициях институционального подхода к исследованию конъюнктуры, который уже много лет является основным направлением работы Национального бюро экономических исследований США, применен и в статье «Деньги и деловые циклы» тех же авторов¹. Там дан более детальный, чем

¹ *M. Friedman, A. Schwartz. Money and Business Cycles. — «The State of Monetary Economics», 1963.*

в «Монетарной истории», корреляционный анализ амплитуды и периодичности изменений денег и национального дохода в США, причем большое внимание уделяется сопоставлению поворотных точек циклических колебаний этих показателей в ходе более чем двадцати кризисных падений производства за 1869—1960 гг.

Авторы обращают внимание на то, что поворотные точки в динамике денег, как правило, предшествовали поворотным точкам общехозяйственной конъюнктуры («лидировали»). Из этого был сделан вывод, что «значительные сдвиги в темпах роста денежной массы являются *необходимым и достаточным условием* значительных сдвигов в темпах роста денежного дохода...»¹.

Дж. Тобин в статье под характерным заголовком «Деньги и доход: после этого значит поэтому?» убедительно показал, что приведенные М. Фридменом и А. Шварц факты совместимы с самыми различными гипотезами о характере взаимодействия экономических факторов² и что «циклические опережения денег по сравнению с денежным доходом фактически ничего не говорят о направлении причинности»³. Но Фридмен продолжает упорно отстаивать свою версию причинности в цикле, утверждая, что «главное направление влияния идет от денег к деловой активности», и видя в этом стержень «монетарной теории циклических колебаний»⁴.

Деньги, процент и цены: «передаточный механизм» денежных процессов. Анализ путей и «каналов» влияния денег в экономической системе составляет самый слабый пункт монетаристской концепции. У Кейнса «передаточный механизм» денежных процессов основан на изменениях нормы процента. Процент вводится в экономическую модель двояким образом: как аргумент функции предпочтения ликвидности (влияющий на потребность в кассовых остатках) и как аргумент инвестиционной функции (влияющий на темп инвести-

¹ M. Friedman, A. Schwartz. Money and Business Cycles. — «The State of Monetary Economics», p. 53 (курс, наш. — В. У.).

² J. Tobin. Money and Income: Post Hoc Ergo Propter Hoc? — «Quarterly Journal of Economics», May 1970, p. 301—317.

³ J. Tobin. Rejoinder. — «Quarterly Journal of Economics», p. 328.

⁴ M. Friedman. Comment on Tobin. — «Quarterly Journal of Economics», p. 326.

ций). Большое значение соответственно придается величине эластичности обеих функций по проценту. От этого зависит конечный эффект денежных факторов.

В монетаристской схеме норма процента не считается ключевым фактором связи «реальных» и денежных процессов. Главный акцент при рассмотрении механизма экономических корректировок делается на изменении структуры «портфельного баланса», включающего набор накопленных активов — денег, облигаций, реального капитала, товаров длительного пользования и т. д. При этом «первоначальный толчок» к перестройке структуры активов всегда принадлежит запасу денег¹. Колебания производства вокруг долговременного тренда связаны в монетаристской модели с изменениями темпа динамики денежного запаса. Этот эффект проявляется с продолжительным и меняющимся лагом.

Большую роль в этой модели «передаточного механизма» играет стабильность функции спроса на кассовые остатки. Современные монетаристы придерживаются идеи кембриджских экономистов о наличии устойчивого соотношения между запасом денег и уровнем дохода. Изменение этой пропорции, вызываемое, как правило, беспорядочными изменениями денежной эмиссии, нарушает «портфельный баланс» и служит важнейшей причиной колебаний хозяйственной активности.

Так, согласно разъяснениям Фридмена, в случае изменения величины денежных остатков под влиянием каких-либо внешних факторов (например, действий центрального банка) реакция хозяйствующих агентов будет заключаться в стремлении перестроить структуру активов и обязательств. Это вызовет общие изменения в потоках потребительских и инвестиционных расходов, т. е. факторов, формирующих по общепринятой в буржуазной политэкономии схеме величину конечного продукта. «Эффект денежных сдвигов, — заключает Фридмен, — будет распространяться как круги на воде и многие из его важнейших проявлений обнаружатся не раньше чем через много месяцев после начального нарушения»².

¹ «Weltwirtschaftliches Archiv», 1970, Heft I, S. 7.

² M. Friedman, Money: Quantity Theory. — «Monetary Economics: Controversies in Theory and Policy», p. 199.

Трактовка процента в монетаристской схеме заслуживает специального рассмотрения. Фридмен выделяет три возможных варианта колебаний нормы процента, причем первые два имеют временный и преходящий характер: 1) эффект ликвидности, 2) эффект дохода и 3) эффект антиципации (предвидения) изменений цен¹.

Эффект ликвидности связан с начальной фазой нарушения «портфельного баланса» в результате изменения денежной массы. «Избыток» денег (по сравнению с «привычным» уровнем) приведет к усиленной покупке ценных бумаг, повышению их курса и соответственно снижению ставки фактически получаемого держателями процента. Но это лишь первоначальная реакция: понижение процента будет сопровождаться ростом инвестиций (за счет заемного капитала) и общего объема производства. По мере усиления деловой активности спрос на ссудный капитал повысится. Это вторая стадия процесса, в результате которой процентные ставки снова поднимутся до начального уровня (эффект дохода).

Третий эффект (эффект антиципации цен) может вызвать существенное и длительное отклонение процента от исходного уровня. Он был предложен И. Фишером, считавшим, что рыночный («номинальный») процент складывается из двух компонентов: «реальной» ставки, определяемой спросом на капитал и его предложением, и «премии», зависящей от ожидаемого темпа изменения цен. Так, по мысли Фишера, в период растущих цен кредиторы стремятся учесть в сумме взимаемых процентов потери, связанные с обесцениванием основной суммы долга. В периоды же стабильных цен премия не взимается и, следовательно, «реальная» и «номинальная» ставки процента совпадают.

В схемах «передаточного механизма» денежных процессов проявляются различия между традиционной количественной теорией, кейнсианской теорией денег и современным (монетаристским) вариантом денежной доктрины. Ортодоксальные количественники исходили из предложения, что избыточный выпуск денег

¹ *M. Friedman. Factors Affecting the Level of Interest Rates.— «Savings and Residential Financing». 1968 Conference Proceedings, 1968.*

проявляется исключительно на рынке товаров, причем излишние платежные средства непосредственно ведут к увеличению расходов и росту товарных цен.

Кейнсианская теория денег перенесла акцент с рынка товаров на рынок финансовых активов. В центре внимания этой концепции находятся процессы замещения денег и долговых обязательств («облигаций»). Увеличение количества денег, согласно этой версии, проявляется в первую очередь не на товарных рынках (и не в ценах рядовых товаров), а на рынках финансовых активов (и в специфической «цене» этого рынка — норме процента). Повышение спроса на «облигации» при росте денежной массы ведет к снижению процента, что делает более привлекательным накопление активов в денежной форме. Следовательно, равновесие восстанавливается при большем количестве денег и более низком проценте, чем в начальный период. Последствия денежных сдвигов в кейнсианской модели весьма неопределенны: их эффект может проявиться не только в ценах, но и в изменении физического объема национального дохода. Но степень влияния денежных факторов зависит от ряда условий, и в первую очередь от эластичности инвестиций по проценту.

В доктрине монетаризма обе эти концепции специфическим образом сосуществуют, но конечный результат совпадает с выводами количественной теории денег. Изменение количества денег влечет за собой перестройку «портфельного баланса» с последующими изменениями потока расходов и временными (а потому несущественными) пертурбациями уровня процента. Главный же эффект денежных сдвигов проявляется преимущественно в области цен, так как производство (при условии отсутствия «искажающего» влияния государства) тяготеет к максимуму, определяемому суммой наличных производственных ресурсов.

Этот вывод в монетаристской концепции опосредствуется более сложной системой зависимостей, чем в ортодоксальной количественной теории. Деньги рассматриваются не как простые транзакционные остатки, а как элемент накопленного богатства, приносящий «поток дохода». Более сложный путь воздействия денег в хозяйстве проявляется и в значительно более длительном периоде корректировок после первоначаль-

ного «денежного толчка», что имеет важные последствия для рекомендаций экономической политики.

Все описанные схемы страдают общими методологическими пороками. Они дают искаженное отображение капиталистического воспроизводства. Процессы создания стоимости и потребительной стоимости товаров на основе эксплуатации наемного труда, кругооборот общественного капитала в его многообразных формах, обмен между двумя подразделениями общественного производства в его вещественном и стоимостном составе и десятки других проблем, необходимых для научного анализа экономических процессов, сняты и заменены внешними аналогиями и поверхностными статистическими связями. Такой метод анализа исключительно удобен для апологии капитализма. Он позволяет уклониться от постановки проблем классового расслоения и социального неравенства, капиталистических форм эксплуатации и угнетения и других «опасных» для правящих классов проблем.

Монетарная концепция «номинального дохода». «Экстраординарная важность» денег причудливо сочетается в работах монетаристов с традиционным выводом количественной теории о несущественности денежных факторов в долговременном аспекте, об их преимущественном влиянии на «ценностную оболочку». Эта раздвоенность порождает реальное противоречие и в оценке эффекта государственных мероприятий: денежно-кредитная политика рассматривается как наиболее могущественное и эффективное средство воздействия на хозяйство, что плохо увязывается с неоклассической трактовкой денег как «вуали».

В последние годы сторонники монетаризма пытаются устранить эти противоречия¹. «Главный источник путаницы, — пишет Фридмен, — состоит в неспособности четко различить, почему важны деньги... Количество денег очень важно для номинальных величин, для номинального дохода, для уровня дохода в долларах,

¹ Д. Фэнд писал о причинах повышенного внимания к этой проблеме: «Монетаристы могут испытывать значительные трудности в достижении более широкого признания своей модели... поскольку она, по-видимому, одновременно содержит денежную вуаль в теории и исключительно эффективные деньги в области стабилизационных мероприятий» (*D. Fand. A Monetarist Model of the Monetary Process.* — «Journal of Finance», May 1970, p. 279).

т. е. того, что происходит с реальным производством в течение длительного периода»¹. Смысл этого пояснения заключается в следующем: «номинальный» доход (Y) складывается из двух компонентов — физической величины конечного продукта (y) и его денежной оценки в соответствии с преобладающим уровнем цен (P). В кейнсианской модели основные воспроизводственные сдвиги связаны с изменениями физического компонента национального дохода. При таком подходе предполагается, что в случае падения спроса реакция хозяйства проявится в первую очередь в сокращении производства. Фридмен же предпочитает не расшифровывать, каким образом изменения дохода распределяются между y и P . Но его анализ негласно исходит из того, что главные изменения лежат в области цен.

Воздействие денежных факторов на производство товаров (иначе говоря, на физический компонент национального дохода) Фридмен признает лишь в кратковременном аспекте, но его высказывания об этом эффекте крайне туманны и неопределенны. Так, в прочитанной в Лондоне в 1971 г. лекции он сначала констатирует, что влияние изменений денежной массы проявляется прежде всего в сфере реального производства (через 6—9 месяцев) и лишь затем в изменении цен (еще через 6—9 месяцев)². Но в другом месте той же лекции говорится: «В кратковременном периоде, который может длиться пять или даже десять лет (!), денежные изменения влияют в первую очередь на производство. С другой стороны, в течение десятилетий (?) темп денежного роста влияет главным образом на цены»³. Как совместить эти два заявления? Ясно, что Фридмен всячески избегает четкости, чтобы иметь возможность для маневрирования.

В последние годы под влиянием критики со стороны конкурирующих направлений сторонники монетаризма были вынуждены представить более четкую структурную модель, отражающую их представления о важнейших взаимосвязях в экономике. Этой цели служат

¹ *M. Friedman, W. Heller. Monetary vs. Fiscal Policy. A Dialogue*, p. 46.

² *M. Friedman. Counter — Revolution in Monetary Theory*, p. 22—23.

³ *Ibid.*, p. 23.

две обширные статьи Фридмена — «Теоретическая схема для денежного анализа» и «Денежная теория номинального дохода»¹.

Первая из них начинается с констатации ключевого пункта количественной теории — проведения границы между «номинальными» и «реальными» (дефлированными) экономическими переменными.

В схеме кейнсианского типа это различие попросту игнорируется, так как уровень цен в кратковременном аспекте принимается фиксированным и, следовательно, «реальные» величины элементов воспроизводства при переходе к денежным ценам не изменяются. Напротив, в монетаристской модели хозяйственные субъекты учитывают возможное изменение цен: они ориентируются не на «номинальные» денежные остатки, не на простое количество денежных единиц, а на денежную массу, оцененную по ее фактической покупательной силе. Изменение «номинальных» остатков влияет на ценность денег через механизм спроса и цен, а это в свою очередь вызывает процесс хозяйственных корректировок, приводящих к динамике конечного продукта, но опять-таки лишь «номинального» продукта, товаров в их денежном выражении. Роль денег, следовательно, сводится в конечном счете к изменению «ценностной оболочки».

Фридмен отстаивает неоклассический тезис, что цены служат главным инструментом корректировки рыночной ситуации. «Цены, — говорит он, — подстраиваются быстрее, чем количества (обмениваемых на рынке товаров. — В. У.), причем, по-видимому, настолько быстро, что ценностные корректировки можно считать мгновенными»². У Кейнса же, напротив, механизм корректировки цен замедлен (в силу институциональных и иных факторов).

Для сравнения «упрощенных» вариантов кейнсовый и монетаристской доктрин Фридмен предлагает следующую модель:

¹ M. Friedman. A Theoretical Framework for Monetary Analysis. — «Journal of Political Economy», March/April 1970; M. Friedman. A Monetary Theory of Nominal Income. — «Monetary Theory and Monetary Policy in 1970's». London, 1971.

² «Journal of Political Economy», March/April 1970, p. 217—218.

$$\frac{C}{P} = f\left(\frac{Y}{P}, r\right); \quad (1)$$

$$\frac{I}{P} = g(r); \quad (2)$$

$$\frac{Y}{P} = \frac{C}{P} + \frac{I}{P} \left(\text{или } \frac{S}{P} = \frac{Y - C}{P} = \frac{I}{P} \right); \quad (3)$$

$$M_d = P \cdot l\left(\frac{Y}{P}, r\right); \quad (4)$$

$$M_s = h(r); \quad (5)$$

$$M_d = M_s. \quad (6)$$

Уравнения (1) — (3) описывают «реальный» сектор в значениях факторов потребления, инвестиций и сбережений, уравнения (4) — (6) — денежный сектор. Уравнение (1) — потребительская функция, где потребление связано с уровнем реального дохода ($Y/P = y$) и нормой процента (r). Уравнение (2) выражает реальные инвестиции как функцию нормы процента. Уравнение (3) — тождество, определяющее состояние равновесия в «реальном» секторе (инвестиции равны сбережениям).

Уравнение (4) — функция спроса на деньги, где уровень номинальных денежных остатков зависит от реального дохода, цен (P) и нормы процента. Уравнение (5) определяет фактический выпуск денег. Наконец, уравнение (6) дает условие равновесия на денежном рынке (спрос на деньги равен их предложению).

Эта модель, по мнению Фридмена, в одинаковой мере приемлема и для сторонников количественной теории, и для кейнсианцев. Различия выявляются лишь в следующем. Модель не закончена, так как в шести уравнениях имеется семь неизвестных (C, I, Y, r, P, M_d). Чтобы получить полную модель, необходимо добавить еще одно уравнение, где одна недостающая переменная величина устанавливается за рамками модели (вводится экзогенно).

Сторонники количественной теории «закрывают» систему с помощью уравнения

$$\frac{Y}{P} = y_0. \quad (7)$$

Иначе говоря, величина «реального» дохода, его физического компонента определяется за рамками модели и тем самым количество неизвестных величин сокращается до шести. По существу это означает принятие «классической» предпосылки полной занятости.

Сторонники кейнсианского варианта должны, по Фридмену, добавить другое уравнение:

$$P = P_0. \quad (8)$$

Здесь за рамками модели определяется уровень цен, который принимается стабильным. Иначе говоря, вводится традиционная кейнсианская предпосылка «негибкости» цен как определяемых институциональными факторами.

Каковы последствия этих преобразований?

Если $Y/P = y_0$, то подсистема из первых трех уравнений модели становится автономной и самостоятельно определяет три «реальные» переменные (C/P , I/P и r). Уравнение спроса на деньги в денежном секторе принимает вид фишеровского уравнения обмена, определяющего «ценностную оболочку».

В случае кейнсианского решения ($P = P_0$) уравнения (1) — (3) начинают определять соотношение нормы процента и уровня номинального дохода в «реальном» секторе. А одновременное решение всей системы из шести уравнений дает величину равновесного уровня нормы процента и «реального» дохода.

Оба предложенных подхода представляют попытку чисто логического и по существу формального решения проблемы, основанного не на анализе фактических тенденций хозяйственного развития, а на произвольно выбранных допущениях: у количественников — о неизменности физического объема производства («полная занятость»); у кейнсианцев — о неизменных ценах («стабильность цен»). «Ни один из подходов, — вынужден признать Фридмен, — не может ничего сказать о факторах, которые определяют пропорцию деления краткосрочных изменений номинального дохода между ценами и динамикой физического производства»¹.

¹ «Journal of Political Economy», March/April, 1970, p. 212.

Статья Фридмена вызвала большое разочарование среди его сторонников, ибо отчетливо показала, что, несмотря на многолетнюю полемику с представителями стандартной макроэкономической модели, у него отсутствует собственный оригинальный подход. По-видимому учитывая такую неблагоприятную реакцию, примерно через год после публикации первой статьи Фридмен предложил другую модель, где «номинальный» доход не расчленяется на физический и ценностный компоненты. Система состоит из четырех уравнений:

$$M_d = Y \cdot l(r); \quad (4a)$$

$$M_s = h(r); \quad (5)$$

$$M_d = M_s; \quad (6)$$

$$r = k_0 + \left(\frac{1}{Y} \frac{dY}{dt} \right). \quad (9)$$

Изменения, внесенные в уравнения, незначительны: в уравнении (4a) «реальный» доход заменен «номинальным»; кроме того, добавлено уравнение (9), определяющее норму процента. Здесь Фридмен использует идеи Кейнса и Фишера: у первого он берет мысль, что текущий процент связан со ставкой, которая, как полагают, будет преобладать в будущем; у второго — положение, что в норме процента антиципируется инфляция, будущие изменения товарных цен. Конечный вывод: модель не отличается от предыдущей, но ее достоинство, по утверждению автора, заключается в том, что она «не делает никаких заверений» по поводу деления номинального дохода на ценностный и физический компоненты. Иначе говоря, вместо разрешения важнейшего пункта разногласий проблема попросту снимается.

Цель приведенных теоретических построений — утвердить количественную теорию денег и основанный на ней вариант монетаристской концепции хозяйственного цикла. Модель «номинального дохода» включает все главные компоненты монетаристской доктрины: неоклассическую функцию спроса на деньги, где устанавливается прямая зависимость между потребностью в кассовых остатках и величиной денежного дохода; экзогенное предложение денег; специфический монета-

ристский вариант механизма динамики процента (в зависимости от ожидаемых темпов инфляции). Но, как мы уже отмечали, эта модель крайне поверхностна: она оставляет в стороне все (или почти все) наиболее важные и значительные явления в производственной сфере капитализма, без чего нельзя построить сколько-нибудь удовлетворительную схему хозяйственных связей. Она явно не годится и для описания механизма мероприятий государственной политики, что обусловило критическое отношение к ней большинства буржуазных теоретиков не только из лагеря кейнсианцев, но и из окружения самого Фридмена¹.

3. ЭФФЕКТ РЕАЛЬНЫХ КАССОВЫХ ОСТАТКОВ: «СТАБИЛИЗАТОР» В СИСТЕМЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ?

Сумма активов как фактор хозяйственного поведения. После выхода «Общей теории» Кейнса неоклассическая доктрина в течение длительного времени находилась в состоянии своеобразного шока. Главный стабилизирующий механизм в модели неоклассиков — гибкие цены и ставки заработной платы, которые балансировали спрос и предложение на всех рынках, и в первую очередь на рынке труда, — был отключен допущением Кейнса о «закрепленности» уровня цен.

Вместе с тем аргументация неоклассиков касалась главным образом факторов, регулирующих товарное предложение. Так, падение ставок заработной платы в условиях депрессии обеспечивает, по их мнению, сохранение занятости в прежнем объеме и предотвращает снижение производства товаров. Кейнс же утверждал, что ключевым фактором, лимитирующим производство, служит не объем товарного предложения, а величина эффективного (платежеспособного) спроса. Нехватка спроса сократит производство, занятость и доход при любом уровне предложения.

¹ См., например, полемику по поводу последних статей Фридмена с участием Дж. Тоби́на, К. Бру́ннера и других экономистов («Symposium on Friedman's Theoretical Framework». — «Journal of Political Economy», September — October 1972).

Для формального опровержения логики кейнсианских построений необходимо было найти в системе капиталистических хозяйственных связей такой автоматический «генератор» потребительского спроса, который возмещал бы хроническую нехватку инвестиций. Такую роль в неоклассической схеме постепенно начал играть «эффект богатства», т. е. зависимость потребительских расходов от суммы накопленных хозяйствующими агентами активов.

В консолидированном балансе частного (негосударственного) сектора экономики буржуазная статистика выделяет: в активе — сумму материальных активов (*tangible assets*) и финансовых активов (*financial assets*), а в пассиве — обязательства, подлежащие погашению (*liabilities*), и собственный капитал (*net worth*). Последний элемент, получаемый путем вычета из актива суммы обязательств хозяйственных единиц, представляет сумму так называемого чистого богатства. Экономически эта величина представляет собой накопленный фонд реального капитала, являющийся результатом процессов сбережения. Когда речь идет о балансе частного сектора, в этот фонд включается и сумма денег, представляющая чистую задолженность государственного сектора перед частным.

Гипотеза о возможном влиянии суммы накопленных активов на хозяйственное поведение не нова. Ее отзвуки можно обнаружить в работах А. Маршалла, а некоторые замечания по этому вопросу встречаются в «Богатстве народов» А. Смита. Но мысль о стабилизирующем влиянии изменения рыночной оценки различных финансовых активов в ходе конъюнктурного цикла была впервые четко сформулирована австрийским экономистом Г. Хаберлером. В книге «Процветание и депрессия», вышедшей первым изданием в 1937 г., автор описывал явление, которое впоследствии получило название «эффект Пигу» или «эффект реальных кассовых остатков»¹.

Речь идет в первую очередь о переоценке денежного элемента накопленного богатства (тезаврированных

¹ Г. Хаберлер. Процветание и депрессия. М., 1960, стр. 395—396. В неявной форме мысль об этом эффекте высказывалась многими предшествующими авторами. См. приложения к книге Д. Патинкина (*D. Patinkin. Money, Interest and Prices*, p. 527—644).

остатков денег) при падении цен в условиях депрессии. Хаберлер использует тот общеизвестный факт, что падение товарных цен одновременно приводит к «вздорожанию денег», повышению их покупательной силы по отношению к товарам. Почувствовав себя «богаче», рассуждает он (в том смысле, что реальная покупательная способность имеющейся в обороте денежной массы превысит прежний, «привычный» уровень и, следовательно, часть денег станет как бы излишней), хозяйствующие субъекты начнут ограничивать накопление богатства в денежной форме. Но тогда относительно большая часть дохода начнет затрачиваться на потребление. В результате, по мнению Хаберлера, возникнет дополнительный спрос на товарном рынке, который будет автоматически содействовать выходу хозяйства из экономического кризиса.

Хаберлер вскользь упоминает и о возможном влиянии снижения нормы процента в результате возросшего предложения ссудного капитала в условиях депрессии. На этот эффект указывал и Кейнс. Но подробно он был описан позднее: в 1951 г. американский экономист Л. Метцлер указал, что переоценка портфеля ценных бумаг в результате изменения нормы процента может быть идентична по своему конечному влиянию на потребление изменению денежной массы. Повышение курсовой стоимости фиктивного капитала снижает стремление сберегать и соответственно увеличивает расходы на текущее потребление¹.

В современной западной литературе оба указанных явления: 1) изменение потребительских расходов под влиянием стихийной переоценки денежных компонентов богатства в связи с изменением цен (*price-induced effect*, или эффект Пигу) и 2) изменение потребительских расходов под влиянием переоценки фиктивного капитала в связи с изменением нормы процента (*interest-induced effect*) — фигурируют под общим названием эффекта богатства.

Потребительская функция, учитывающая этот эффект, может быть записана в следующей форме:

$$C/P = c(Y/P, i, w/P), \quad (1)$$

¹ L. A. Metzler. Wealth Saving and the Rate of Interest. — «Journal of Political Economy», April 1951.

где C/P — сумма реальных (с учетом изменения цен) потребительских расходов;
 Y/P — реальный доход;
 i — норма процента;
 w/P — сумма накопленных реальных активов (в том числе денег). В стандартном кейнсианском варианте потребительской функции присутствует лишь первый аргумент (Y/P).

А. Пигу использовал идею Хаберлера для борьбы против выводов Кейнса о базисной неустойчивости капиталистического хозяйства¹. Он высказал предположение, подхваченное затем многими экономистами неоклассического направления, что снижение цен и заработной платы в условиях экономической депрессии автоматически стимулирует потребление и снижает накопление. Это, по его мысли, делает невозможным длительное пребывание хозяйства на уровне неполной занятости². Аргументация Пигу стала впоследствии одним из центральных приемов неоклассической критики выводов Кейнса.

Ни один крупный экономист в 40—50-х годах не предполагал, что эффект Пигу может оказать сколько-нибудь серьезное реальное воздействие на экономическую ситуацию. По мнению Дж. Хикса, эффект Пигу, будучи верен в теоретическом отношении, не имеет «практического значения»³. Еще более негативную позицию заняли последователи ортодоксальной кейнсианской доктрины. А. Лернер, например, выступая по случаю 25-летия «Общей теории» Кейнса, говорил, что, если бы даже последний детально разработал идею эффекта богатства (а у него есть ссылки на наличие такого эффекта), он все равно должен был бы отбросить эту гипотезу, как не имеющую никаких важных практических последствий⁴. Наконец, сам Пигу под-

¹ A. C. Pigou. The Classical Stationary State. — «Economic Journal», December 1943; A. C. Pigou. Economic Progress in a Stable Environment. — «Economica», August 1947.

² «...Цены падают... это означает, что запас денег в значении реального дохода соответственно растет... По мере этого роста сумма, которую он (представительный хозяйственный агент. — В. У.) хочет сберечь из реального дохода, снижается... и мы, таким образом, возвращаемся к исходной ситуации» («Economic Journal», December 1943, p. 349).

³ J. R. Hicks. Value and Capital. London, 1962, p. 335.

⁴ «The American Economic Review», May 1961, p. 22.

черкивал, что его рассуждения носят характер весьма отвлеченных «академических упражнений», которые вряд ли встречаются в реальной жизни¹.

Буржуазные экономисты в большинстве случаев не решались прямо рекомендовать в качестве практической меры для устранения кризисов те рецепты, которые логически вытекали из схемы Пигу, а именно снижение цен и заработной платы методами дефляционной политики. Дело в том, что падение цен ассоциировалось с состоянием депрессии и пропагандировать политику «подавления цен» было равносильно агитации за дальнейшее развертывание кризиса. До второй мировой войны подобные рекомендации считались неприемлемыми из политических соображений. Поэтому практическая программа антидепресссионных мероприятий продолжала оставаться главным козырем кейнсианцев: правительству рекомендовалось форсировать кредитно-денежную эмиссию, выравнивая тем самым недостаток спроса.

После второй мировой войны эффекту Пигу (и эффекту богатства в целом) начало уделяться все возрастающее внимание. Ведущую роль здесь во многом сыграли и идеологические соображения, стремление доказать, что капитализм обладает в принципе устойчивой хозяйственной системой. Б. Пешек и Т. Сэйвинг писали в своей книге об эффекте богатства, что вывод о неспособности даже высококонкурентной экономики достигнуть уровня полной занятости без вмешательства государства «оказался разочаровывающим для многих экономистов»². Присутствие же в экономическом анализе эффекта богатства равносильно заявлению, что «...мы не обязательно должны иметь правительство, как *deus ex machina*, чтобы обеспечить наше спасение»³.

Указанный эффект предполагает эластичность цен и ставок процента, иначе он не может проявиться. «Если в каком-либо хозяйстве имеется подобная негибкость, то устранение безработицы может быть обеспечено либо ликвидацией этой негибкости, либо приме-

¹ «Monetary Theory and Monetary Policy». Ed. by R. Thorn, p. 251.

² B. Pesek, T. Saving. Money, Wealth and Economic Theory. New York, 1967, p. 11—12.

³ Ibid., p. 14.

нением мер фискальной или денежно-кредитной политики»¹. Таким образом, неоклассический вывод гласил, что капиталистическое хозяйство в принципе стремится к полной занятости, но, чем выше негибкость цен, тем более энергичные меры государственного вмешательства необходимы для быстрой ликвидации нарушений равновесия. Такой компромисс, как мы уже говорили, характерен для позиции большинства современных буржуазных теоретиков.

Вывод о благотворном влиянии падения цен на капиталистическую экономику в условиях глубокой депрессии — а в этом и состоит суть эффекта Пигу — основывается на нереалистическом предположении «прочих равных условий». В обстановке всеобщего затоваривания, перепроизводства, массовых крахов и безработицы возникает глубокий кризис доверия, который не преодолевается, а, напротив, еще более усугубляется обесценением товаров. Циклические «перестройки», как правило, связаны с разрушением материального богатства. Поэтому капиталистическое общество в целом (за исключением разве что биржевых воротил, пользующихся удобным моментом для скупки обанкротившихся предприятий) «чувствует» себя в подобной ситуации не богаче, а беднее. Когда разражается кризис, наиболее типичным является кумулятивное свертывание потребления. Для большинства хозяйствующих агентов снижение цен послужит сигналом общего ухудшения экономической конъюнктуры, а не стимулятором для расширения покупок. Население в предвидении экономических трудностей и дальнейшего сокращения занятости будет откладывать большую часть дохода на черный день. Этот факт вынуждены признавать многие буржуазные экономисты, которые подчеркивают слабость и ненадежность эффекта, нецелесообразность полагаться на него в практической политике и т.д.²

Попытки выявить существование и наличие эффекта реальных кассовых остатков (равно как и других элементов эффекта богатства) с помощью статистиче-

¹ B. Pesek, *T. Saving. Money, Wealth and Economic Theory*, p. 14.

² См., например, J. Culbertson. *Macroeconomic Theory and Stabilization Policy*. New York, 1968, p. 341—342.

ских расчетов дали весьма разноречивые результаты. Так, например, известный американский эконометрик Л. Клейн суммировал свои эксперименты с квартальной моделью американской экономики следующим образом: «Мой приговор на основе эмпирического анализа гласит, что имеется мало свидетельств фактического влияния денег или нормы процента на активность реального сектора»¹. Его коллега и соавтор по Уортонской эконометрической модели М. Ивенс уделяет эффекту Пигу полстраницы в своей 600-страничной книге по макро моделированию и пишет: «Учитывая незначительность эмпирических связей между потреблением, с одной стороны, и деньгами, ликвидными активами и общим богатством — с другой, можно с полным основанием утверждать, что этот эффект имеет ничтожное значение»². Следует вместе с тем ответить, что ряд других авторов в результате статистических расчетов пришли к выводу о существовании эффекта Пигу (как правило, в более широком понимании эффекта богатства, где влияние процентных ставок на переоценку портфеля ценных бумаг играет преобладающую роль)³.

Известный американский экономист М. Бэйли после тщательного разбора теоретических аспектов влияния реальных кассовых остатков и нормы процента на потребление заключает: «То, что потребление увеличивается по мере роста текущего дохода, доказано и не подлежит никакому сомнению. Имеется, однако, мало прямых доказательств о влиянии нормы процента или реальных кассовых остатков. До сего времени мы вынуждены полагаться на анализ, выводы и непроверенные гипотезы о влиянии обеих величин»⁴.

Несмотря на отсутствие прямых свидетельств влияния изменений реальных кассовых остатков на объем

¹ L. R. Klein. A Postwar Quarterly Model: Description and Application. — «Studies in Income and Wealth». Princeton, 1964, p. 56.

² M. K. Evans. Macroeconomic Activity. New York, 1969, p. 359.

³ Ta-Chung Lui. An Exploratory Quarterly Econometric Model of Effective Demand in the Postwar US Economy. — «Econometrica», July 1963, p. 331—332. См. также: J. S. Duesenberry a. o. The Brookings Quarterly Econometric Model of the United States. Chicago, 1965, p. 208—209, 684.

⁴ M. Bailey. National Income and the Price Level. A Study in Macroeconomic Theory. New York, 1971, p. 117—118.

спроса, этот эффект широко используется в теоретических моделях и занимает весьма видное место в современных учебниках по макроэкономике и денежному анализу. Признание эффекта богатства буржуазной политэкономией в немалой степени способствовало кризису кейнсианской доктрины и распространению мнения об ошибочности вывода о возможности длительного пребывания хозяйственной системы в состоянии неполной занятости.

Эффект реальных кассовых остатков и теория денег. Полемика вокруг возможной связи между процессом формирования спроса и накоплением активов у индивидуальных участников оборота имела серьезные последствия для теории денег. Большую роль в этом отношении сыграли работы Д. Патинкина, особенно его книга «Деньги, процент и цены», которая сразу же после выхода была зачислена в разряд наиболее «монументальных» и «классических» работ по теории денег¹. Трактую деньги как один из элементов «чистого богатства», Патинкин пытается в этих работах обосновать неоклассический вывод о «нейтральной» роли денег в процессах экономического развития и утвердить весьма жесткий вариант количественной теории.

Патинкин объявляет эффект Пигу (в его формулировке — эффект реальных кассовых остатков) *conditio sine qua non* (непременным условием) денежной теории, позволяющим, по его мнению, объяснить давние противоречия неоклассической концепции денег, и в частности парадокс «классической дихотомии». Напомним, что речь идет об отрыве теории стоимости товаров (где меновые соотношения регулируются законами спроса и предложения) от теории денег (где уровень денежных цен зависит от количества денег). Уровень цен в такой системе является «неопределенным» в том смысле, что отсутствует какой-либо экономический механизм, который связывал бы денежные цены с меновыми пропорциями товаров.

¹ D. Patinkin. Money, Interest and Prices, а также статьи: «Relative Prices, Say's Law, and the Demand for Money». — «Econometrica», April 1948; «Price Flexibility and Full Employment». — «The American Economic Paper», September 1948; «The Indeterminacy of Absolute Prices in Classical Economic Theory». — «Econometrica», January 1949.

«Классическая дихотомия», как мы уже выяснили, была порождена грубоким кризисом буржуазной теории стоимости, отбросившей трудовые затраты в качестве конечного основания цен. Вместе с тем она выражала идею «нейтральности» денег. Патинкин, используя эффект реальных классовых остатков, попытался придать буржуазной экономической теории монистичность, устранить разрыв между относительными и «абсолютными» ценами, сохранив при этом вывод о пропорциональности между изменением количества денег и уровнем цен. С этой целью он считает денежные остатки фактором, прямо воздействующим на хозяйственное поведение. Формально это выражается в том, что запас денег как элемент суммы накопленных активов включается в индивидуальную функцию потребительского спроса.

В модели Патинкина поведение хозяйственного индивида исследуется в гипотетической ситуации, где он наделен запасом товаров и денег в начале периода, условно названного «неделей». Первоначальный запас может быть перераспределен путем обмена (купли-продажи) с другими участниками оборота. Сделки заключаются в первый день периода, но фактические операции купли-продажи (и следовательно, фактические платежи и поступления денег) осуществляются в течение всей «недели». Такая схема рыночного поведения заимствована Патинкиным из модели общего равновесия Хикса ¹.

Цель индивида заключается в том, чтобы подойти к началу следующей «недели» с достаточным запасом денег для последующей серии обменов. При этом следует подчеркнуть, что «по условиям игры» хозяйственные агенты лишены «денежной иллюзии» (так на языке Патинкина именуется ориентация на реальную стоимость кассовых остатков, т. е. на покупательную силу денег с учетом изменения цен). Они немедленно реагируют на любые отклонения фактических остатков денег от желаемого (требуемого) уровня. Здесь открывается канал влияния денег на функционирование хозяйственного механизма.

Отклонение от «нормального», или «привычного», соотношения между «реальным» (скорректированным

¹ J. R. Hicks, *Value and Capital*, Ch. I, II, V. IX.

на изменение цен) запасом денег и суммой платежей порождает дополнительный спрос на товары (в случае относительного «избытка» кассовых остатков по сравнению с равновесным уровнем) или сокращение спроса на товары в обратной ситуации. Это в свою очередь приведет к росту или снижению цен. Процесс будет продолжаться до тех пор, пока цены не возрастут в точной пропорции к изменению кассовых остатков. Только в этом случае будет достигнуто равновесие и исчезнут силы, вызывающие перестройку цен. В этом собственно и состоит эффект Пигу, утверждающий зависимость процессов потребления от переоценки «чистого богатства». Роль последнего в данном примере выполняет денежная масса, находящаяся на руках у населения и в кассах капиталистических компаний.

Патинкин подвергает критике неоклассическую теорию денег за недоучет эффекта реальных кассовых остатков. «Правильно сформулированная» количественная теория должна включать, по Патинкину, три положения: «увеличение количества денег нарушает оптимальное соотношение между уровнем денежных остатков и расходами индивида; это нарушение ведет к увеличению планируемого объема расходов (эффект реальных кассовых остатков) и увеличение расходов порождает, в свою очередь, давление на цены, толкающее их вверх, пока они не повысятся в той же пропорции, что и количество денег»¹. Второй элемент этой схемы, как правило, отсутствовал в неоклассической литературе по вопросам денег.

Схема Патинкина и экономическая реальность. Публикация книги Патинкина в 1956 г. породила обширную литературу об эффекте реальных кассовых остатков и его роли в процессах капиталистического воспроизводства. Выводы этих работ весьма противоречивы. Многие экономисты в ходе статистического анализа не смогли обнаружить наличия эффекта;² в других работах он был настолько слаб, что им вполне можно было пренебречь³.

¹ D. Patinkin. Money, Interest and Prices, p. 164.

² C. Schotta. The Real Balance Effect in the U. S., 1947—1963.—«Journal of Finance», 1964, p. 619—630.

³ T. Mayer. The Empirical Significance of the Real Balance Effect. — «Quarterly Journal of Economics», 1959.

Во втором издании своей книги Патинкин суммировал результаты большого числа расчетов потребительской функции в США, сделанных Л. Клейном, К. Крайстом, К. Фоксом, З. Грилишесом, А. Зеллнером, М. Моришимой и другими экономистами. Результаты этих расчетов показывают большой разброс значений регрессионных коэффициентов при переменной реальных остатков. Показатель эластичности потребительских расходов по ценам, которому придается особое значение как индикатору силы этого эффекта, колебался в пределах от $-0,05$ до $-0,30$; в большинстве случаев он составлял $-0,2$. Патинкин весьма осторожно оценивает эти цифры. Он указывает на наличие «крупных и загадочных расхождений в результатах расчетов» и на «невозможность судить о правильности выводов» без дополнительной информации¹.

Весьма уязвимы для критики логические основы концепции Патинкина. Вывод о «нейтральности» денег в указанной модели возможен лишь при соблюдении следующих крайне нереалистичных условий: 1) совершенная эластичность цен и ставок заработной платы; 2) отсутствие «денежной иллюзии» (ориентация на реальные, а не на номинальные значения дохода, облигаций, денежных остатков); 3) отсутствие перераспределительного эффекта (т. е. сдвигов в первоначальном распределении доходов, облигаций, денежных остатков между участниками оборота в результате изменения цен); 4) неэластичность ожиданий по поводу будущего изменения цен (отсутствие реакции на возможное развитие инфляции или дефляции). Кроме того, к числу важных исходных моментов модели (в первом издании работы) относились: 5) наличие в хозяйстве только неразменных бумажных денег, выпущенных государством для покрытия бюджетного дефицита, и 6) отсутствие государственного долга.

Нарушение хотя бы одного из этих «героических» (как их образно охарактеризовал Ф. Модильяни)² допущений существенно ослабляет или вовсе ликвидирует эффект реальных кассовых остатков. Абстрактный и нереалистичный характер своих выводов вынужден

¹ D. Patinkin. Money, Interest and Prices, p. 651—664.

² F. Modigliani. The Monetary Mechanism and Its Interaction with Real Phenomena. — «The State of Monetary Economics», p. 88.

признать и сам Патинкин, который во втором издании книги в ответ на критику его позиции рассматривает возможные последствия смягчения некоторых принятых им ранее жестких условий¹.

Так, например, отключение механизма гибких цен, отсутствие их эластичности устраняет главную причину, приводящую в движение процесс переоценки активов, который служит необходимым элементом эффекта реальных кассовых остатков. Между тем неэластичность цен в современной монополизированной экономике капитализма (в сторону их понижения) — это неоспоримый факт, который отчетливо показывает послевоенная статистика большинства стран. Далее, введение «денежной иллюзии», т. е. ориентация на номинальные значения денежных показателей, устраняет «точку отсчета», к которой «привязано» поведение хозяйственных агентов, и соответственно ухудшает или вовсе ликвидирует эффект реальных кассовых остатков. Вопреки построениям Патинкина, основанным на отсутствии «денежной иллюзии», действия хозяйствующих агентов в реальных условиях капиталистического производства далеко не всегда рациональны. Разрушительное влияние инфляции на доходы при относительно медленном развитии этого процесса начинает ощущаться не сразу, а с определенным лагом и вызывает весьма различную реакцию со стороны отдельных групп населения. Многие бывают введены в заблуждение, удовлетворяясь временным повышением номинальных доходов. Учитывая все это, допущение Патинкина о полном отсутствии «денежной иллюзии» нереалистично².

Одна из самых слабых предпосылок модели — игнорирование перераспределительных эффектов изменения цен. Многочисленными работами доказано, что инфляция и дефляция неодинаково затрагивают различные классы и социальные группы. От инфляции

¹ *D. Patinkin*. Money, Interest and Prices, p. 274—312.

² Например, Э. Кейн и А. Кливорик показали, что известная степень «денежной иллюзии», связанная с недостаточно правильной оценкой хозяйствующими субъектами реальной стоимости своих активов, неизбежно присутствует в экономическом процессе. Это значительно ослабляет, хотя и не ликвидирует полностью эффект реальных остатков (*E. J. Kane, A. K. Klevorick*. Absence of Money Illusion: A Sine Qua Non for Neutral Money? — «*Journal of Finance*», September 1964).

страдают в первую очередь беднейшие слои, теряющие значительную часть доходов, которая присваивается предпринимателями и капиталистическим государством. В больших масштабах перераспределительные процессы происходят между кредиторами и заемщиками¹.

Наконец, условие неэластичности ожиданий, заложенное в анализе Патинкина, устраняет неопределенность по поводу будущего движения цен. Такое предположение необходимо для вывода о «нейтральности» денег, так как, например, предчувствие ускорения процессов инфляции в будущем может привести к паническим закупкам товаров и еще большему ускорению роста цен. Подобная реакция изменит «привычный» уровень, с которым сопоставляется величина фактических кассовых остатков. Устойчивость этого уровня представляет необходимое условие для вывода о равнопропорциональном изменении денег и цен. Иначе говоря, нестабильность ожиданий по поводу динамики цен существенно ослабляет или вовсе ликвидирует эффект реальных кассовых остатков. Но ожидание инфляционного роста цен — важный процесс, который все более привлекает внимание экономистов в последние годы.

Итак, исходные предпосылки модели Патинкина являются нежизненными. Но пожалуй, наиболее разрушительным для его концепции было условие о наличии в экономике только бумажных (а не кредитных) денег.

Эволюция денежной системы капитализма привела, как известно, к тому, что наиболее типичным и распространенным элементом денежной массы и главным средством платежного оборота являются кредитные деньги. Этот вид денег, будучи свидетельством долга, не может служить базой для возникновения эффекта реальных остатков. Кредитные деньги, эмитированные частными банками (например, депозиты), являются одновременно активом для нефинансового сектора и пассивом для самих банков. Последствия изменения покупательной силы денег для кредиторов и должни-

¹ G. L. Bach, J. B. Stephenson. Inflation and the Redistribution of Wealth. — «The Review of Economics and Statistics», February 1974.

ков будут противоположными, а итоговый эффект равен нулю. Следовательно, изменение реальной стоимости кассовых остатков, состоящих из кредитных денег, не изменит совокупного товарного спроса частного сектора.

В современной экономике денежная масса обычно представляет собой «смесь» бумажных и кредитных денег. Первая часть денежной массы порождает в модели Патинкина эффект реальных остатков, а вторая — нет. Поэтому изменение цен и совокупной величины денежной массы не может быть равнопропорциональным в системе, где обращаются кредитные деньги. Это разрушает систему доказательств «нейтральности» денег.

Выдвинув предположение о наличии одного типа денег, Патинкин предельно упростил современную денежную систему, игнорировал важные черты ее институциональной структуры. На его ошибку впервые в буржуазной литературе указали Дж. Герли и Э. Шоу, которые в книге «Деньги в теории финансов» предложили деление денег в зависимости от характера их выпуска на «внешние» (*outside money*), которые как бы «навязываются» частному сектору извне, и «внутренние» (*inside money*), возникающие внутри системы в процессе кредитования одних хозяйственных единиц другими¹. Впоследствии это деление получило широкое распространение и его принял (во втором издании работы) сам Патинкин.

Надо сказать, что выдвигаемое в буржуазной литературе деление денег на «внешние» и «внутренние» весьма расплывчато. Куда, например, отнести банкноты центрального банка? Если строго следовать логике Герли и Шоу, то их нужно включить в разряд «внешних» денег, как выпущенных государственным учреждением. В то же время экономически современные банкноты могут иметь характер и бумажных денег, и кредитного орудия обращения, в зависимости от типа сделки, породившей их эмиссию. Более того, в современных условиях все деньги, даже если они не обусловлены потребностями оборота, выпускаются по каналам кредита. Поэтому деление на «внешние» и

¹ J. J. Gurly, E. S. Shaw. *Money in a Theory of Finance*. Washington, 1960, ch. III.

«внутренние» не отвечают подлинно научным критериям.

Следовательно, даже в чисто теоретическом плане эффект реальных кассовых остатков и его интерпретация в работах Патинкина наталкиваются на серьезные трудности. Во-первых, «база» для возникновения эффекта в виде специфического запаса активов («чистое богатство») очень узка. Во-вторых, наличие кредитных денег в экономике ликвидирует один из главных выводов действия эффекта — точную пропорциональность в изменении денег и цен. Некоторые экономисты пытались устранить эти помехи. Так, например, Пешек и Сэйвинг попытались расширить «материальную основу» эффекта реальных кассовых остатков, утверждая, что «банковские деньги» — банкноты и депозиты тоже являются «чистым богатством» и соответственно их изменение влияет на потребительскую функцию. Эта странная точка зрения обосновывается тем, что по указанным видам кредитных обязательств не уплачивается процент¹.

В представлении Пешека и Сэйвинга банки — это особый вид монополистов, обладающих исключительным правом выпуска особого продукта — «банковских денег», депозитов — без каких-либо расходов (в виде уплаты процентов и т. д.). Тем самым банки создают капитал из ничего, т. е. фабрикуют «чистое богатство». Это неверно. Для банков выпущенные деньги (депозиты) представляют не только специфический «продукт» для продажи клиентам, но и обязательство перед ними. А раз так, то в совокупном балансе частного сектора обязательства по депозитам и созданные на их базе активы (например, выданные ссуды и т. д.) в точности перекрывают друг друга.

Концепция Д. Патинкина и его выводы в неоклассическом духе оказали большое влияние на борьбу ведущих направлений в буржуазной политэкономии. В литературе 60-х годов возник симбиоз неоклассических и кейнсианских взглядов, основанный на признании тезиса о базисной устойчивости капиталистической системы. Слабость эффекта реальных кассовых остатков компенсировалась в этой системе взглядов кейнси-

¹ B. Pesek, T. Saving. Money. Wealth and Economic Theory, p. 265—266.

анскими программами «накачивания» спроса. И лишь к началу 70-х годов резкое ухудшение состояния капиталистической экономики вновь усилило акцент на проблемах диспропорциональности и нестабильности в процессах экономического развития капитализма.

4. ТЕОРИЯ

«ДЕНЕЖНОГО ХОЗЯЙСТВА»: НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КЕЙНСИАНСКОЙ ДОКТРИНЫ

Деньги в теории обмена. Стало уже аксиомой, что популярность кейнсианского теоретического анализа в буржуазной литературе испытывает своего рода циклы, изменяясь под влиянием общих изменений экономической конъюнктуры. При очередном обострении капиталистических противоречий, с ухудшением хозяйственного положения и углублением классовых конфликтов буржуазные ученые вновь и вновь обращаются к кейнсианскому теоретическому наследию, ищут в нем разгадку причин экономических трудностей. И напротив, в условиях более высокой конъюнктуры в теоретической литературе, как правило, усиливается кампания против кейнсианской доктрины как специфической теории «депрессивной экономики» и резко возрастает тяга к «неоклассической» оценке капиталистической системы как «наиболее эффективного», «саморегулирующегося» и не нуждающегося в программах государственного регулирования типа хозяйственной организации. Переходы от увлечения дирижизмом к апологии стихийных механизмов саморегулирования составляют важную особенность современного развития буржуазной политекономии.

Последние два десятилетия отчетливо обнажили столкновение этих противоборствующих тенденций. Относительно высокая конъюнктура 50-х и начала 60-х годов, приведшая к активизации неоклассических взглядов и возрождению интереса к неоклассическим моделям экономического роста, сменилась к концу 60-х годов новым обострением противоречий в мировом капиталистическом хозяйстве. Возникшие к началу 70-х годов явные проявления экономической стагнации, отразившиеся в высокой норме безработицы, снижении темпов экономического роста, внешнеторговой

И валютной войне, в сочетании с исключительно быстрым развитием инфляции вновь поставили в тупик теории, основанные на моделях «неоклассического синтеза». Аппарат моделей общего рыночного равновесия, разработанных Л. Вальрасом и А. Маршаллом и облеченных в строго математическую форму К. Эрроу и Г. Дебре, становится объектом критики на том основании, что он слишком абстрактен, далек от действительности и не улавливает важных специфических черт функционирования капиталистической экономики, ведущих к постоянному возникновению диспропорций. Эта критика является своего рода отзвуком тех классовых конфликтов и потрясений в капиталистических странах, которые привели к бурному развитию радикального крыла буржуазной политекономии, где центральное место занимает критика экономических и политических институтов капитализма в противовес политической экономии буржуазного «истэблишмента».

Разочарованию в неоклассическом анализе способствовал и фактический провал рекомендаций представителей монетаристской доктрины по практическим вопросам государственной политики. Применение денежных ограничений в США и ряде других стран не приостановило развития инфляции, но вместе с тем резко усилило тенденцию к застою и безработице. Фраза «Мы теперь все кейнсианцы», произнесенная в 1970 г. тогдашним президентом США Р. Никсоном, стала символом перелома в экономической политике, отхода от неоклассических рецептов и нового, хотя и не столь заметного сдвига в экономической мысли Запада, для которого характерна активизация кейнсианского направления на базе «нового прочтения» работ Кейнса.

В центре современного спора находится все тот же ключевой вопрос: является ли капитализм устойчивой и жизнеспособной системой; обладает ли он способностью к стихийному саморегулированию или необходимо полагаться на внешние корректирующие силы (государство и т. д.)?

Вальрасовская модель общего рыночного равновесия и все ее последующие модификации в работах Дж. Хикса, Ф. Модильяни, Д. Патинкина изображают капиталистическое хозяйство как внутренне скоординированную систему, где переход от одного состояния

равновесия к другому происходит безболезненно и практически мгновенно. Такая скоординированность достигается, по мысли указанных авторов, благодаря особой процедуре — нахождению вектора относительных равновесных цен (меновых пропорций) на всех рынках *до начала обмена*, что обеспечивает затем полное совпадение спроса и предложения и соответственно полную «расчистку» каждого рынка от товаров. Этот процесс у Вальраса получил название «подстройки» (*tâtonnement*), а у Эджуорта — «перезаключения контрактов» (*recontracting*). В последующих вариантах моделей общего равновесия также применяется в той или иной форме аналогичный аппарат внутренне-го регулирования системы.

Таким образом, предусматривается наличие в экономике некоего «верховного координатора» (или, как его называл Вальрас, «аукционщика»), который перерабатывает всю гигантскую рыночную информацию и «назначает» равновесные цены, обеспечивающие согласованность действий разрозненных хозяйствующих субъектов. Это приводит к тому, что в масштабах всего денежного хозяйства спрос равен предложению (в текущих ценах), или, иначе говоря, общая сумма избыточного денежного спроса на всех рынках равна нулю. О. Ланге назвал это положение «законом Вальраса» (*Walras Law*)¹.

Указанная теоретическая конструкция идеализирует капиталистическое хозяйство, представляя его как гармоничную и внутренне организованную систему, где все действия миллионов хозяйственных агентов протекают в условиях четкой координации, ясности перспектив и предсказуемости результатов. Кризисы, всякого рода нарушения и диспропорции выглядят в этой системе инородными и случайными явлениями, отклонением от устойчивой тенденции роста. В действительности же — и с этим немедленно сталкиваются авторы моделей, как только они переходят к анализу реальных хозяйственных ситуаций, — равновесие представляет собой лишь случайный и преходящий момент в процессе капиталистического воспроизводства. Это убедительно показывает марксистский анализ капиталистического рынка и проблем реализации. Нестабиль-

¹ По существу «закон Вальраса» — это «закон Сэя», примененный к денежной экономике.

ность как типичную черту капиталистического развития вынужден был признать Кейнс, который в указанном вопросе занял более реалистическую позицию, чем неоклассики. Но акцент на внутренней нестабильности капиталистической экономики был постепенно отодвинут на второй план в процессе последующей переработки кейнсианской доктрины.

Выступления сторонников нового варианта кейнсианства против неоклассической доктрины имеют целью вывести теорию из тупика, создаваемого в хозяйственных моделях наличием мифической фигуры «верховного координатора». Деятельность хозяйственных агентов в условиях рыночной стихии и децентрализованного по своей сути принятия хозяйственных решений предварительно согласована быть не может. Иначе говоря, в бесплановом хозяйстве, где главной целью является максимизация прибыли, вектор равновесных цен заранее не известен участникам хозяйственного оборота. Экономическая реальность состоит как раз в отсутствии оптимальных пропорций между потреблением и накоплением, спросом и предложением и в незнании равновесных цен. В особой степени это справедливо, когда дело касается оценки и предсказания будущих тенденций хозяйственного развития. Действия капиталистических фирм и потребителей регулируются уже в самом ходе экономического процесса насильственным путем, *ex post* (в конечном счете), и равновесие устанавливается принудительно, причем экономические потери такой «координации» исключительно велики.

П. Дэвидсон, выступающий совместно с «новыми кейнсианцами» против идеализации саморегулирующих механизмов капиталистического воспроизводства, пишет: «В реальном мире бумы и кризисные спады представляют собой не просто беспорядочные эпизоды, которые могут быть «наложены» на долговременную стабильную тенденцию роста экономики. Фактически наблюдаемый путь изменений экономической активности для денежного хозяйства в условиях реального мира не может быть разложен на четко отграниченные и логически независимые компоненты — вековой тренд и краткосрочный хозяйственный цикл. Подобные раздвоенные конструкции представляют собой просто продукт воображения экономистов... Любая теорети-

ческая модель, которая логически применима только к экономике, находящейся в состоянии долговременного равновесия или стабильного роста, может служить хорошей «разминкой» для теоретических умов, но никогда не должна применяться всерьез как форма описания реального мира. Тем более на подобные упражнения нельзя полагаться для прогнозов или определения политики, если в анализе участвуют деньги»¹. Модели, в которых все события с самого начала очевидны, в силу чего возможна координация действий участников хозяйственного оборота, представляют, как отмечает далее Дэвидсон, «ретроградную, а не прогрессивную линию развития денежной теории»².

Приведенные высказывания ярко характеризуют умонастроения, характерные для современного этапа развития буржуазной экономической мысли. Среди западных исследователей растет сознание того, что широко распространенные до сих пор типы абстрактных моделей общего рыночного равновесия не могут быть применены для исследования сколько-нибудь близких к действительности хозяйственных ситуаций. Не состояние равновесия в условиях устойчивого роста, а именно его нарушение и реакция хозяйственных агентов на эти нарушения должны быть главным объектом анализа, если экономическая наука хочет приблизиться к фактическому положению вещей. Практическая бесплодность моделей общего равновесия служит одной из главных причин возрождения интереса к Кейнсу, который, как полагают его последователи, заложил основы «теории хозяйственных неравновесий».

Такой подход неизбежно приводит к акценту на роли денег как хозяйственного института, вокруг которого Кейнс строит свою теорию предпочтений, риска и «непредвидимого будущего». Не случайно на щит поднята кейнсианская концепция «денежной экономики». Вызвала сенсацию публикация в 1963 г. малоизвестной статьи Кейнса «О теории денежной экономики», где он указывал на «далеко идущие и фундаментальные различия между выводами для денежной экономики и теми, которые применимы к упрощенной мо-

¹ P. Davidson. Money and the Real World. London, 1972, p. 8—9.

² Ibidem.

дели бартерного обмена»¹. В специфике денежного обмена, в присущем ему распадению купли-продажи на два самостоятельных акта современные экономисты усматривают элемент анархии и несоординированности хозяйственной системы, порождающей диспропорции и нарушения «плавного» хода развития. Специфика экономической системы, которую исследовал Кейнс, покоится, по мнению Дэвидсона, на трех «китах»: 1) «будущее неопределенно... 2) производство требует времени, и, следовательно... кто-то должен сегодня принимать договорные обязательства, которые связаны с будущими действиями и платежами в условиях неопределенности, и 3) экономические решения базируются на неизменном прошлом, но связаны с движением к вероломному будущему»².

Начало новым акцентам в теории Кейнса положили две статьи американского экономиста Р. Клауэра — об особенностях денежного обмена и трактовке денег в моделях общего равновесия³. За ними последовала уже упоминавшаяся книга А. Лейонхувуда⁴.

Хотя эти работы трактуются их авторами как разъяснение и интерпретация «оригинальных» идей Кейнса, изложенные в них концепции во многом отличны от того, что писал Кейнс. Современным авторам чаще приходится рассуждать о том, что Кейнс в действительности «хотел сказать» и что он «имел в виду». Лейонхувуд, например, после попыток выяснить подлинную позицию Кейнса по ряду ключевых вопросов вынужден признать, что эта позиция «очень смутно выражена и несомненно не была ясна ему самому»⁵. В интерпретации используется аппарат теории информации и новая трактовка теории обмена и трансакци-

¹ *J. M. Keynes. On the Theory of a Monetary Economy.* Первоначально эта статья была опубликована на немецком языке в 1933 г. и лишь в 1963 г. перепечатана в журнале «*Nebraska Journal of Economics and Business*» (p. 8).

² *P. Davidson. Money and the Real World*, p. 7.

³ *R. Clower. The Keynesian Counterrevolution: A Theoretical Appraisal.* — «*The Theory of Interest Rates*». Ed. by *F. H. Hahn and F. P. R. Brechling.* New York, 1965; *R. Clower. A Reconsideration of the Microfoundations of Monetary Theory.* — «*Western Economic Journal*», March — April 1967.

⁴ *A. Leijonhufvud. On the Keynesian Economics and the Economics of Keynes.*

⁵ *Ibid.*, p. 102.

онных издержек, которой во время Кейнса не существовало.

Теория «денежной экономики» родилась в процессе последовательной критики той версии неоклассической доктрины, которую Клауэр называет «неовальрасовской теорией денег и цен». В основе этой концепции лежит уже упомянутый закон Вальраса. Сторонники нового варианта кейнсианской доктрины считают, что этот закон, отражающий условия общего равновесия всех рынков, применим лишь для экономики бартера. При введении денег его логика утрачивает смысл.

Закон Вальраса основан на молчаливом, но совершенно нереалистичном предположении, что предложение любого товара немедленно находит для себя адекватный спрос и в этом смысле все товары абсолютно ликвидны, т. е. могут быть беспрепятственно обменены на другие товары. Собственно говоря, здесь в иной форме выражена все та же банальная мысль теории реализации Сэя, что «предложение рождает спрос». Но совершенно ясно, что равенство предложения и спроса достигается лишь путем предварительной координации планов и намерений всех хозяйствующих субъектов. Роль такого координатора берет на себя мифический «аукционщик», сообщающий вектор равновесных цен.

В моделях вальрасовского типа деньги являются внешним и формальным звеном. Они трактуются как один из рядовых товаров, который может участвовать или не участвовать в обмене. Клауэр строит на этом свое опровержение обоснованности таких моделей. Типичная сделка в условиях «денежной экономики» состоит в обмене товара *не на любой другой товар, а только на определенный товар — деньги*. Соответственно, чтобы купить любой товар, необходимо располагать фондом денег. Это налагает особые ограничения на поведение хозяйствующих субъектов и ведет к усложнению их действий.

Клауэр приводит следующий пример. Пусть в рамках указанной модели, где субъекты наделены запасом товаров и денег и осуществляют сделки по равновесным ценам, все, за исключением одного участника, воздерживаются от накапливания денег. К концу периода вся сумма первоначальных денежных остатков

должна сосредоточиться в руках одного субъекта. Но это никоим образом не нарушит функционирования экономики. В модели, построенной на неоклассических предпосылках (наличие совершенной конкуренции, полное отсутствие неопределенности и т. д.), товары могут свободно обмениваться как непосредственно друг на друга, так и на деньги. Иначе говоря, «товары неотличимы от денег как источник эффективного спроса»¹.

В основе такой модели лежат отношения бартера. Чтобы перейти к «денежной экономике», необходимо ввести четкое разграничение «денег» и «товаров» («неденег»). Пусть имеется набор товаров $S = (C_1, \dots, C_n)$ и обменное отношение между ними, обозначаемое ϵ . Если возможен прямой обмен C_1 на C_2 , то это записывается как $C_1 \epsilon C_2$ или в более общей форме $C_i \epsilon C_j$. В бартерном хозяйстве это выражение справедливо для всех значений i и j , так как любой товар беспрепятственно обменивается на любой другой товар. Но если в экономике имеется лишь один специфический товар (деньги), который свободно обменивается на все другие товары, тогда как другие товары не обладают таким свойством, то обменное отношение $C_i \epsilon C_j$ будет справедливо только для значений j , но не i . В этом находит формальное выражение тот факт, что деньги качественно отличны от всех других («обычных») товаров². Акцент на формальных особенностях обмена в условиях бартера и денежной экономики послужил основой для столь же абстрактной теории «неравновесных ситуаций», где трудности воспроизводства прямолинейно выводятся из трудностей самого процесса обмена.

Современные интерпретаторы Кейнса видят его главную заслугу в отказе от «верховного координатора», сообщающего равновесные цены. Это служит своеобразной формой признания стихийности и анархии капиталистического производства. Что произойдет, задают они вопрос, если устранить координацию действий хозяйственных агентов с помощью заданного извне вектора цен, обеспечивающих полную расчистку рын-

¹ R. W. Clower. Foundations of Monetary Theory. — «Monetary Theory. Selected Readings», p. 204.

² Ibid., p. 207.

ка? В этом случае обмен будет в течение более или менее длительного периода времени происходить по неоптимальным («фальшивым», как писал Хикс) ценам. А следствием этого будет неполная занятость.

Согласно новой интерпретации кейнсианской модели, реакция хозяйственных агентов на изменения рыночной ситуации замедлена. Существует значительная инерция, связанная с незнанием будущих тенденций. Участники оборота рассматривают некий уровень цен, существовавший в течение продолжительного периода, как «нормальный», или «стабильный», и в первый момент воспринимают изменение цен как временное отклонение от этого уровня. Поэтому с изменением цен многие хозяйственные агенты воздерживаются от операций и начинают поиски более выгодных предложений, надеясь на то, что цены скоро вернутся к прежнему состоянию. Именно так интерпретируется сейчас кейнсианская функция предпочтения ликвидности, где при снижении нормы процента держатели облигаций воздерживаются от дальнейших покупок и накапливают деньги в ожидании возврата к «нормальному» уровню процента.

Но подобные заминки в процессе обмена, будучи распространены на все товарные рынки, порождают цепную реакцию, которая крайне неблагоприятно отражается на экономической системе. Если хозяйствующий субъект, владеющий товаром, временно воздерживается от его продажи по изменившимся (неравновесным) ценам в поисках более выгодных условий, то сокращается его запас «всеобщего» товара — денег и соответственно снижается предъявляемый спрос на другие товары. Возникает цепная реакция, так как если какой-то товар (обозначим его C_1) не реализуется (не продается за деньги), то последствия этого будут ощущаться не только на рынке данного товара, но и на других рынках. Владелец товара C_1 вынужден пересмотреть первоначальные планы о покупке других товаров.

«Незанятость» ресурсов (в том числе и товара рабочая сила) возникает, согласно теории «денежной экономики», из-за взаимного сцепления и обусловленности сделок в денежном хозяйстве. При отсутствии «правильных» (равновесных) цен начинается поиск новых меновых пропорций, который может длиться

продолжительное время и сужает возможности реализации товаров. Возникает цепная реакция общего сокращения спроса, который основан не только на ценах, но и на регулярном поступлении денежных доходов в течение периода. Допущение обмена по неравновесным ценам ведет к «раскоординированию» системы, возникновению цепной реакции накопления товаров у продавцов и денег у покупателей и в конечном счете к сокращению производства.

Проблемы, которые занимают сегодня буржуазных экономистов, были рассмотрены и блестяще решены Марксом еще более 100 лет назад в «К критике политической экономии» и «Капитале». Марксистская постановка проблемы качественно отличается от современного анализа «денежной экономики» в работах буржуазных исследователей. Маркс дал диалектическое исследование противоречий товара, основанное на двойственном характере заключенного в нем труда. Деньги разрешают внутреннее противоречие обмена, предоставляя товарному миру форму всеобщего воплощения меновой стоимости. Это раздвоение акта купли-продажи порождает механизм стихийного учета и регулирования затрат труда в хозяйстве на основе закона стоимости: излишние товары не могут быть проданы за деньги по существующим ценам и это дает сигнал о необходимости перестройки производства, перераспределения труда и капитала между отраслями и т. д. Вместе с тем Маркс подчеркивал, что выделение денег из мира товаров — лишь один из моментов, создающих формальную возможность кризисов. Реализация этой возможности наступает в условиях господства капиталистических производственных отношений, которые с необходимостью порождают общую нескоординированность экономики, периодическую нехватку (или избыток) платежеспособного спроса и т. д. Формальный анализ меновых соотношений, которым ограничиваются буржуазные исследователи, представляет не конец, а начало научного исследования противоречий товарного обмена и их последствий в условиях капитализма. Работы «новых кейнсианцев» слегка приоткрывают завесу над теми границами, на которые постоянно наталкивается капиталистическое производство, но не дают научного освещения причин постоянно возникающих диспропорций.

Наука о деньгах прошла длинный путь развития — от первых гениальных догадок Аристотеля до современных моделей денежного обращения, использующих сложный математический аппарат.

Эпоху в научном познании капиталистического денежного механизма и особенностей его функционирования составили труды классиков марксизма-ленинизма. В этих работах, основанных на обобщении огромного фактического материала многовековой истории денежного обращения, вскрыты главные закономерности развития кредитно-денежной системы, сформулированы методологические принципы научного подхода к анализу денежных явлений и процессов.

В буржуазной экономической литературе периода свободной конкуренции деньгам отводилось место простого посредника в обращении товаров. Нынешняя теория денег в капиталистических странах отражает заметное усиление активного влияния денежных факторов на воспроизводство. Деньги используются органами правительственного контроля для текущего регулирования хозяйственной конъюнктуры и ускорения темпов экономического роста, для борьбы с инфляцией, смягчения валютных трудностей и т. д.

Соответственно, изменились и задачи, которые правящие круги капиталистических стран ставят сейчас перед учеными-денежниками. Главные усилия буржуазных теоретиков направлены на выявление сложных механизмов и «каналов» взаимодействия денежных факторов между собой и с немонетарными элементами воспроизводства. Но отсутствие в западной лите-

ратуре ответа на фундаментальные политэкономические проблемы теории денег (о природе и сущности современных денег, механизме формирования их стоимости, ссудном капитале и кредите и т. д.) серьезно отражается на качестве прикладных разработок.

Систематическое применение денежно-кредитных рычагов в качестве инструмента регулирования конъюнктуры не устраняет, однако, противоречий капиталистического производства. Напротив, эти мероприятия часто усиливают циклические колебания. Все острее проявляется глубинный конфликт макроэкономических целей, когда достижение частичного успеха в одной области хозяйства под влиянием «стимулирующих» или «сдерживающих» мероприятий центрального банка сопровождается общим ухудшением экономической обстановки. Как показали события последних лет и, в частности, продолжительный кризис мирового капиталистического хозяйства в 70-х годах, этот конфликт, порожденный самой природой капитализма, не может быть разрешен путем построения более сложных теоретических моделей денежного обращения или выбора «лучшей» стратегии государственного регулирования.

- Андерсон Л. 169
 Андерсон Б. 96, 110
 Аникин А. В. 9
 Аристотель 8, 220
- Бем-Баверк Е. 28, 178
 Беркли Дж. 64
 Блюмин И. Г. 91
 Бодэн Ж. 106
 Борисов С. М. 15
 Боулдинг К. 61, 100
 Бронфенбреннер М. 52
 Бруннер К. 52, 169, 195
 Бэйли М. 201
 Бэдджот У. 21
- Вагнер А. 116
 Вальрас Л. 26, 35, 90, 96, 116,
 122, 211, 211, 216
 Визер Ф. 92, 96, 116
 Виксель К. 27—34, 37, 75, 88,
 90, 95, 110, 116, 122, 127, 149,
 181
- Виллард Г. 36, 44, 52
 Винер Дж. 133
- Гельферих К. 33, 75
 Грилишес З. 205
 Герли Дж. 33, 78, 81, 82, 167,
 208
 Гольфельд С. 159
 Грейданус Г. 96
- Даванзатти Б. 106
 Дебре Г. 211
 Дель Мар А. 64
 Джевонс У. 47, 55, 90
- Джонсон Г. 38, 40, 45, 52, 77, 164
 Джонсон Л. 103
 Джордан Дж. 169
 Джэкмен Р. 134
 Дэвидсон П. 55, 213—214
- Зеллнер А. 205
- Ивенс М. 201
 Йоргенсон Д. 159
 Изгер Л. 78, 80, 134, 169, 170
- Калдор Н. 180, 181
 Кантильон Р. 69
 Капп К. 91
 Кассель Г. 34
 Кауфман Дж. 45, 52, 60
 Каценеленбаум З. С. 8
 Кейген Ф. 169
 Кейн Э. 206
 Кейнс Дж. М. 29, 30, 35, 37—47,
 64, 66, 68, 76, 77, 83, 97, 116,
 118, 125, 129—167, 172, 185,
 197, 198, 212, 214, 217
- Кеммерер Э. 111, 115
 Кеннеди Дж. 103
 Кеннен Э. 69
 Клауэр Р. 51, 167, 215, 216
 Клейн Л. 162, 201, 205
 Кливорик А. 206
 Кнапп Г. 64, 93, 94, 100
 Крайст К. 205
 Козлов Г. А. 8
 Козлова К. Б. 9, 91
 Ку Э. 158, 159
 Купманс И. 33
 Кюрри Л. 37, 75

- Лавингтон Ф. 116, 118
 Ланге О. 212
 Лейдлер Д. 52, 118
 Лейонхувуд А. 134, 139, 156, 157, 167, 215
 Лекачмен Р. 131
 Лернер А. 198
 Линдал Э. 37, 149
 Ло Дж. 21, 68
 Локк Дж. 88, 106, 107

 Маклеод Г. 68
 Мак-Кинли 96
 Маккулох Дж. 69
 Мальтус Г. 122
 Маргет А. 13, 90
 Маркс К. 5, 14—16, 20, 24, 63, 65, 69, 70, 74, 87, 88, 89, 107, 108, 110, 115, 122, 127—129, 131, 167, 219
 Маршак Дж. 105
 Маршалл А. 23, 28, 33, 49, 66, 116, 117—120, 130, 196, 211
 Мейзельман Д. 169, 172
 Мейер Дж. 158, 159
 Мельцер А. 177
 Менгер К. 90, 92
 Метцлер Л. 197
 Мизес Л. 75, 92, 93, 96, 162, 181
 Милейковский А. Г. 9
 Милль Дж. Ст. 21, 69, 72, 122
 Милль Джеймс 23, 69, 88, 127, 128
 Минский Х. 181
 Минтс Л. 171
 Модильяни Ф. 162, 205, 211
 Монтарини Дж. 106
 Морган Э. 60
 Моришима М. 205
 Мюллер Г. 55, 99
 Мюрдаль Г. 33, 34, 37, 139

 Никитин С. М. 9, 98
 Никсон Р. 103, 211
 Норман Дж. 69
 Ньюкомб С. 68, 111
 Ньюлин У. 66, 78, 80

 Олин Б. 37, 149
 Оверстон 71
 Осадчая И. М. 9, 162
 Оукен А. 177

 Парето В. 98
 Патинкин Д. 42, 53, 67, 156, 165, 167, 171, 178, 202—209, 211

 Петти У. 122
 Пешек Б. 78, 80, 81, 100, 199, 209
 Пигу А. 116, 117, 119, 122, 130, 133, 196—200, 204
 Пиль Р. 71

 Рикардо Д. 16, 22, 69, 70, 71, 88, 104, 108, 109, 111, 115, 122, 179
 Рист Ш. 65
 Риттер Л. 57
 Робинсон Р. 49, 50
 Робертсон Д. 37, 38, 47, 66, 68, 118, 120, 121, 130, 149
 Рэдклиф 78, 82, 83

 Самуэльсон П. 27, 42, 83, 86, 162
 Саймонс Г. 162, 171
 Селден Р. 169
 Сениор Н. 88
 Серебряков Б. Г. 9, 91
 Сличтер С. 161
 Смит А. 22, 23, 122, 196
 Смит У. 52
 Смит Х. 45
 Соулньер Р. 52
 Стротц Р. 158
 Стюарт Дж. 64, 68
 Сцитовский Т. 67
 Сэй Ж. 23, 28, 29, 122, 124, 128, 212, 216
 Сэйвинг Т. 78, 80, 81, 100, 199, 209
 Сэйерс Р. 57, 82, 83

 Тауссиг Ф. 49
 Тейлор Ф. 49
 Тобин Дж. 149, 171, 185, 195
 Торнтон Г. 21, 67, 69
 Грахтенберг И. А. 8
 Триффин Р. 19
 Тук Т. 69, 110, 116, 179

 Уикстид Ф. 98
 Уоркер Ф. 62, 69
 Уолтерс А. 52, 83
 Уорбертон К. 41

 Фейдж Э. 77
 Фишер И. 74, 90, 96, 111—117, 119, 178, 179, 181
 Фокс К. 205
 Фридмен М. 43, 58, 59, 60, 84, 85, 165, 168—195

Фуллертон Дж. 69
Фэнд Д. 52, 169, 189

Хаберлер Г. 133, 196, 198
Хайек Ф. 133, 162, 181
Хайнз А. 164
Хансен А. 33, 158, 162, 163
Харрингтон Р. 70

Харрис Л. 52

Харрис С. 163

Хатт У. 162

Хикс Дж. 12, 53, 54, 62, 67, 99,
132, 149, 156, 162, 198, 203,
211, 218

Хольцман Ф. 52

Хоутри Р. 68, 133, 181

Хэзлитт Г. 162

Цага В. Ф. 9

Чендлер Л. 46, 48

Шварц А. 58, 60, 182, 183

Шоу Э. 33, 78, 81, 82, 167, 208

Шумпетер Й. 13, 22, 25, 113, 116

Шэкл Г. 52

Эджуорт Ф. 212

Эйснер Р. 158

Эйзенхауэр Д. 103

Эйдельмант А. Б. 8, 95

Эллис Г. 64, 94, 95, 96

Эккли Г. 123

Энджелл Дж. 75, 76

Энтов Р. М. 9, 91

Эрроу К. 211

Юм Д. 88, 107, 108, 111, 179

- Банковская школа (в Англии) 69, 72, 74, 179
«Денежная иллюзия» 205, 206
Денежная масса 18, 55, 72, 73
— агрегаты 58, 59, 67—68, 74—76, 86
Денежное равновесие 32, 37
Денежная система
— изменения в структуре 14—19, 41, 56, 57, 85, 86, 180, 207
Денежная школа (в Англии) 16, 69, 73, 74, 179
Денежная эмиссия
— автоматизм 22, 72, 73
— автономность 178—185
— регулирование 21, 34—36
Денежно-кредитная политика 45, 48, 50, 54, 102, 103, 131—133, 156—160
Деньги
— меновая стоимость 92, 93
— потребительная стоимость (полезность) 97
— функции 62—67, 76, 81, 97, 115
— как технический инструмент обмена 23, 124, 128, 129
— и противоречия товарного производства 128—129
— как капитал 178
— «вуаль» 24, 25, 33, 43, 54, 109, 121, 127, 129, 189
— бумажные деньги 20, 21, 87, 97, 104
Кредитные деньги 14—19, 21, 32, 75
— «нейтральные» 32—33, 205, 208
— «внешние» 208
— «внутренние» 208
— «чистое богатство» 209
Инфляция 20, 29, 41—42, 71, 93, 100, 109, 110, 142, 163, 164
Закон Вальраса 212, 216
«Закон рынков» Сэя 28, 29, 127, 131, 136, 216
Кейнсианская теория воспроизводства 135—141
— «стандартная» макроэкономическая модель 134
— проблема неопределенности хозяйственных перспектив 135—141, 143, 213—215
— полемика с неоклассиками 143, 162—168, 213—218
— роль денег 135—138
«Кембриджская школа» 66, 96, 116, 117, 130
Кембриджское уравнение 119
«Классическая дихотомия» 53, 114, 202, 203
Количественная теория денег — 25, 29, 31—37, 70, 73, 88, 90—91, 97, 103—124
— постулат причинности 105
— постулат пропорциональности 105, 107, 112—115, 126, 203, 207—208
— кембриджский вариант (теория кассовых остатков) 96, 115—122, 124, 142, 152

— транзакционный вариант 111—115
 — как элемент неоклассической модели воспроизводства 124—126
 — как теория стоимости денег 105, 107, 114
 — критика Кейнсом 129, 143
 «Крест Хикса» (аппарат кривых $IS-LM$) 54, 154—156

Ликвидность 57, 59, 62, 76, 77, 82—83
 «Ликвидная ловушка» 140, 148, 156

Маржинализм 91, 92, 98
 Меркантилизм 104, 106
 Металлизм 63, 65, 74, 94
 Металлический стандарт 14—18, 22, 69, 75
 Монетаризм 43, 165, 168—195
 — роль денег 170—171
 — функция спроса на кассовые остатки 171—172, 174—178
 — проблемы саморегулирования капиталистической экономики 170
 Монетарная теория цикла 181—185
 Мотивы накопления денег 118, 143, 144

Натуральный товарообмен (бартер) 22—25, 28, 32, 33, 53, 124, 137, 167, 216, 217
 Неоклассическая доктрина 38, 122—127
 — неовальрасовские модели общего экономического равновесия 29, 165—166, 212—213
 — теория воспроизводства 123—129, 165—167
 — критика Кейнсом и кейнсианцами 130, 136—139, 212—218
 — роль цен как стихийного регулятора 136, 205—206, 211—212
 Неоклассический синтез 102, 151—156, 162, 166
 Номинализм 63, 66, 87, 93, 94, 99, 114

Норма процента 30, 32, 38, 121
 — рыночная 30, 144
 — «естественная» 30—32
 — «нормальная» 31, 144
 — в кейнсианской теории 38, 39, 138—141, 144—150, 185
 — в теории кассовых остатков 121
 — в монетаристской модели 186, 187, 194
 — в неоклассической теории воспроизводства 125, 126, 138
 — влияние на инвестиции 39, 140, 141, 157—160
 — в модели Хикса 152—155
 — как основа «эффекта богатства» 197
 — в теории «ссудных фондов», 149, 150
 — подход с точки зрения «запаса» и «потока» 150

Покупательная сила денег 17, 94, 98—100
 — теория паритета покупательной силы 34, 94

Понятие («определение») денег 51, 55—62, 67—70, 77, 86
 — критерий нейтральности 78—80
 — критерий «чистого богатства» 80, 81
 — критерий ликвидности 78, 81—84

Стоимость денег 12, 51, 86—87, 94, 98, 106
 — меновая 88—90
 — трактовки в буржуазной литературе 95—96

Субституты денег 62, 72, 73, 77

Теория денег
 — общая эволюция 11—13, 104
 — структура 52—54
 — понятие и границы 45, 46
 — связь с другими областями буржуазной политэкономии 44—50
 — Кейнса 38—40, 77, 135—150
 — неоклассиков 42, 43, 104—129

Теория «денежного хозяйства» 167, 210—219

- и натуральный товарообмен 216, 217
- Теория «номинального дохода» 189—195
- Теория стоимости денег
 - издержек производства, 88, 89
 - трудовая 108
 - товарно-металлистическая 93, 94, 95
 - количественная теория 105, 107, 114
 - предельной полезности 90 — 93
 - «хартальная» 94
- «ортодоксального» (экономического) номинализма 94
- государственного номинализма 94
- Уравнение обмена И. Фишера 111—114, 119
- «Эффект неожиданной прибавки» 139
- Эффект реальных кассовых остатков (эффект Пигу) 42, 195—210
- эмпирическая проверка 198, 199, 201, 205

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение	3
Глава I.	Буржуазная политическая экономия о природе денег и их роли в процессе экономического развития	11
	1. Деньги: «вуаль» или активный фактор воспроизводства?	—
	2. Предмет и границы современной теории денег	44
	3. Деньги как теоретическое понятие и количественная оценка массы платежных средств	55
	4. Деньги в свете эволюции теорий стоимости	86
Глава II.	Кейнс и неоклассики: формирование двух главных теоретических подходов в буржуазном анализе денег	102
	1. Количественная теория денег	104
	2. Теория предпочтения ликвидности	129
Глава III.	Новейшие модификации денежных доктрин (50—70-е годы)	161
	1. Послевоенная перестройка экономического анализа и проблемы теории денег	—
	2. Современный монетаризм	168
	3. Эффект реальных кассовых остатков: «стабилизатор» в системе хозяйственных связей?	195
	4. Теория «денежного хозяйства»: новая интерпретация кейнсианской доктрины	210
	Закключение	220
	Именной указатель	222
	Предметный указатель	225

- Усоскин В. М.**
У76 Теории денег. М., «Мысль», 1976.
228 с. (Соврем. буржуазные экон. теории: критич. анализ).

В книге показана эволюция теорий денег и их место в современной буржуазной политической экономии. Подвергнуты критике буржуазные трактовки понятия денег, их роли в процессе воспроизводства, формирования стоимости денежной единицы. Наряду с критикой двух главных теоретических подходов к анализу денежных проблем — количественной теории и теории предпочтения ликвидности — дается критический анализ их новейших вариантов и модификаций.

Усоскин Валентин Маркович

ТЕОРИИ ДЕНЕГ

Заведующая редакцией *Т. А. Воскресенская*

Редактор *Л. Г. Соловьева*

Младший редактор *Л. А. Книна*

Оформление серии *Г. Е. Валетова*

Художественный редактор *С. М. Полесицкая*

Технический редактор *А. В. Третьякова*

Корректор *Ч. А. Скруль*

Сдано в набор 30 июля 1975 г. Подписано в печать 31 марта 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф. № 2. Усл. печатных листов 12,18. Учетно-издательских листов 12,18. Тираж 10 000 экз. А 08065. Заказ № 3787. Цена 75 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.